

Министерство внутренних дел Российской Федерации

ОРЛОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Д.В. Сопов

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА И ЕГО ОТГРАНИЧЕНИЕ
ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Монография

Орел
ОрЮИ МВД России
2006

УДК 34 С 6
ББК 67.99(2)9
С 48

Рецензенты:

- кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, Минаков Г.Л.

- кандидат юридических наук Булыжкин А.В.

Сопов Д.В.

С 48 Уголовно-правовая характеристика террористического акта и его отграничение от смежных составов преступлений: Монография. / Д.В. Сопов. Орел: ОрЮИ МВД России, 2006. – 149 с.

В монографии дана комплексная уголовно-правовая характеристика террористического акта на фоне анализа правовой природы терроризма в целом, рассмотрены проблемы его квалификации по нормам действующего УК РФ. В работе отражена и обоснована авторская позиция относительно ряда положений, являющихся спорными и не получивших достаточного освещения в юридической литературе. В их числе уточненное определение понятия терроризма, данное на основе комплексного исследования его правовой природы; выявление и разрешение проблем определения отдельных признаков состава террористического акта, таких как общественно опасное деяние, общественно опасные последствия, цель совершения данного преступления и др.; определение перечня смежных с террористическим актом составов преступлений и их категоризация; отграничение террористического акта от смежных составов террористической и экстремистской направленности, а также от иных смежных составов преступлений, с выработкой конкретных предложений по квалификации; обоснование целесообразности изменения ст.205 УК РФ и выделения угрозы совершения терроризма в самостоятельную статью УК РФ с предложением новой редакции ст.205 УК РФ «Террористический акт» и ст.205³ УК РФ «Угроза совершения террористического акта».

Монография предназначена для курсантов, слушателей и студентов юридических ВУЗов и факультетов, работников правоохранительных органов, всех, интересующихся проблемами уголовно-правовой борьбы с терроризмом.

УДК 34 С 6
ББК 7.99(2)9

© ОрЮИ МВД России, 2006 г.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Правовая природа терроризма и преступлений террористической направленности.....	7
Глава 2. Юридический анализ состава преступления террористический акт...	45
§1. Объективные признаки, характеризующие состав преступления террористический акт	45
§2. Субъективные признаки, характеризующие состав преступления террористический акт	64
§3. Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки террористического акта и освобождение от ответственности за него.....	74
Глава 3. Смежные с террористическим актом составы преступлений и пути совершенствования уголовного законодательства об ответственности за террористический акт	87
§1. Виды смежных с террористическим актом составов преступлений.....	87
§2. Отграничение террористического акта от смежных составов преступлений террористической и экстремистской направленности.	96
§3. Отграничение террористического акта от иных смежных составов преступлений.....	112
§4. Совершенствование уголовно-правовых норм об ответственности за террористический акт	118
Заключение.....	125
Список использованной литературы.....	132
Приложения.....	147

Введение

Терроризм стал серьезнейшей проблемой для современного общества, затронув в той или иной мере практически все его слои: от государственных деятелей до домохозяек и школьников. Он представляет собой настолько сложный и разнообразный по своим формам и проявлениям феномен, что до сих пор нет единого мнения по поводу определения его понятия. Борьба с терроризмом приобрела сегодня глобальные масштабы, став важнейшим условием обеспечения безопасности, как Российской Федерации, так и международного сообщества в целом. Бурное распространение терроризма вызвало необходимость создания международной системы борьбы с ним. В этой связи международным сообществом выработаны основные нормы и стандарты, определяющие наиболее рациональные способы противодействия терроризму государствами во всем мире.

Терроризм в наши дни превратился в угрозу национальной безопасности России. Учитывая общую политическую, социальную и экономическую обстановку в стране, можно предположить, что его влияние в ближайшие годы вряд ли будет ослабевать. По данным ГИАЦ МВД России, в 2005 году были совершены 203 террористических акта и 8684 иных преступлений террористической направленности¹. Это свидетельствует о том, что в России в настоящий момент еще не создана достаточно эффективная система противодействия терроризму, а слабая материально-техническая обеспеченность правоохранительных органов, отток квалифицированных кадров из них делают его угрозой еще более реальной. Все это указывает на необходимость системного подхода к разработке мер противодействия терроризму. Важным шагом в данном направлении стало принятие Федерального закона от 6 марта 2006 года «О противодействии терроризму», определившего правовые и организационные основы борьбы, порядок координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ, общественных объединений и организаций, должностных лиц и отдельных граждан. В нем сформулированы такие необходимые теории и практике понятия, как собственно «терроризм», «террористическая деятельность», «террористический акт» и некоторые другие.

В комплексе мер противодействия терроризму этот закон важную роль отводит уголовно-правовым мерам.

В отечественном уголовном законодательстве ответственность за терроризм впервые была установлена в ст.213³ УК РСФСР 1960 года, введенной Федеральным законом РФ от 1 июля 1994 года «О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР и УПК РСФСР». В настоящее время уголовная ответственность за терроризм установлена целым рядом статей, криминализирующим его различные проявления и в первую очередь ст.205 действующего УК РФ («Террористический акт»).

¹ См.: Статистический сборник. Состояние преступности в России в январе-декабре 2005 год. – М.: ГИАЦ МВД России, 2006. С.7.

Важнейшим условием эффективности уголовно-правовой борьбы с терроризмом как одним из опаснейших видов преступной деятельности является его полная и правильная квалификация по УК РФ. Как показывает практика сотрудникам правоохранительных органов, специализирующимся в сфере борьбы с организованной преступностью и терроризмом, довольно часто приходится испытывать проблемы при квалификации террористических актов, которые, зачастую связаны с рядом неточностей, все еще имеющих место в законодательной конструкции ст.205 УК РФ, а также с наличием большого числа смежных с предусмотренным данной статьей преступлений.

Для успешного решения вопроса о квалификации террористического акта актуализируется необходимость углубленного юридического анализа объективных и субъективных признаков состава этого преступления. В этой связи большое значение приобретает выявление проблем определения отдельных конструктивных признаков данного состава, и обоснование путей их решения.

Исследование вопросов квалификации терроризма на основе детального юридического анализа состава преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ («Террористический акт») с учетом его сложного описания в диспозиции требует и современная практика борьбы с этим опасным явлением. Ведь чем совершеннее и полнее будут уголовное законодательство и теоретические разработки указанной проблемы, тем эффективнее станут усилия правоохранительных органов по противодействию терроризму.

Не менее важным является определение круга смежных с террористическим актом составов преступлений и отграничение его от каждого из них с применением правил о конкуренции уголовно-правовых норм. Ведь именно на этом этапе квалификации часто допускаются ошибки. Особое значение в данном контексте приобретает рассмотрение составов преступлений террористической и экстремистской направленности, которые наиболее тесно связаны с феноменом терроризма.

Хотя и имеются многочисленные научные труды в виде отдельных диссертаций, монографий и научных статей таких ученых, как Ю.М. Антонян, Г.Ф. Байрак, Ю.Н. Дерюгина, В.П. Емельянов, И.И. Карпец, М.П. Киреев, И.А. Кириллов, В.С. Комиссаров, Н.Д. Литвинов, В.В. Лунеев, Е.Г. Ляхов, А.А. Магомедов, В.В. Мальцев, С.Ф. Милюков, Г.М. Миньковский, Л.А. Моджорян, А.В. Наумов, М.В. Назаркин, Г.В. Овчинникова, В.С. Овчинский, В.Е. Петрищев, С.В. Помазан, В.П. Ревин, К.Н. Салимов, А.Н. Трайнин, О.М. Хлобустов и др., посвященные в целом вопросам уголовно-правовой борьбы с терроризмом и путям ее совершенствования, проблема уголовно-правовой характеристики террористического акта (в свете изменений, внесенных в ст. 205 УК РФ Федеральным законом №153 от 27 июля 2006 года) и отграничения его от смежных составов по действующему УК РФ до сих пор комплексно не рассмотрена, что свидетельствует о ее недостаточной разработанности и необходимости дальнейшего всестороннего анализа.

Изложенное послужило основанием для выбора темы монографического исследования. А необходимость ее теоретической разработки, соответствующей с действующим уголовным законодательством, и выработки соответствующих обоснованных предложений предопределили содержание и направленность данного исследования.

Глава I. Правовая природа терроризма и преступлений террористической направленности

Феномен терроризма очевиден для современного общества и ему посвящено огромное количество научных и иных публикаций, в связи с чем мы вынуждены констатировать наличие значительного многообразия в подходах к пониманию этого явления. Нередко в литературе приводятся противоречащие друг другу определения, подчас отдается предпочтение не правовому, а обыденному его пониманию¹, что создает серьезные затруднения в изучении и правовом противодействии терроризму. В.П. Емельянов справедливо отмечает, что отсутствие унифицированного понимания терроризма наблюдается не только в национальных правовых системах, но и в международных документах². Известный американский правовед Д. Лонг также указывает на то обстоятельство, что, несмотря на большой общественный интерес к этому явлению, все еще отсутствует согласие в его понимании и никто не преуспел в создании общей теории терроризма³. Многие отечественные ученые к собственно терроризму относят и ряд преступлений террористической направленности, круг которых также четко не определен, и убийства по найму, и массовые беспорядки, и уничтожение чужого имущества, то есть различные преступления, совершаемые с применением насилия, либо с угрозой его применения⁴. По подсчетам М.В. Назаркина, существует более 100 определений терроризма⁵. Такая разбросанность точек зрения на определение понятия терроризма, по нашему мнению, вызвана комплексом причин: во-первых, его смешанной социально-правовой природой и, в большинстве случаев, политическим характером; во-вторых, сложностью и динамичностью этого явления, разнообразием его проявлений и последствий; и, наконец, в-третьих, рассмотрением различными авторами терроризма не в комплексе, а в рамках узконаучного подхода, обусловленного спецификой конкретного исследования.

Вопрос о необходимости выработки единого правового понятия терроризма вызывает у ученых различные мнения. Основной аргумент противников общего понятия – его практическая применимость и значимость.

¹ См.: Емельянов В.П. Терроризм и преступления террористической направленности. – Харьков: Рубикон, 1997. С.5.

² См.: Емельянов В.П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с терроризмом // Государство и право. 2000, №3. С.85.

³ См.: Long D. The anatomy of terrorism. N.Y., 1990. P.9.

⁴ См., например: История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях // Автор-сост. О.В. Будницкий. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. С.28; Эфиоров С.А. Покушение на будущее. Логика и футурология «левого» экстремизма. - М., 1984. С. 37.

⁵ См.: Назаркин М.В. Криминологическая характеристика и предупреждение терроризма: Дисс. канд. юрид. наук. - М.: Академия управления МВД России, 1998. С.27.

Так, А.В. Наумов считает, что вряд ли есть нужда в общем уголовно-правовом понятии терроризма, поскольку в действующем УК нет недостатка в нормах об ответственности за терроризм, напротив, речь может идти об определенном их избытке¹. Э.Ф. Побегайло придерживается схожей точки зрения: «Терроризм – это социальное явление, родовое понятие по отношению к различным формам проявления террористической деятельности. В качестве таковых выступают акты индивидуального политического террора, диверсия, захват заложника и пр. За эти конкретные акты и надо устанавливать уголовную ответственность»². Кроме того, по мнению Е.Г. Ляхова и А.В. Попова, общее определение терроризма таит в себе опасность слишком широкого его толкования, когда изнасилование (ст.131 УК РФ) и любые другие преступления могут быть квалифицированы как террористический акт³.

Представляется, что приведенные точки зрения объединяет следующая идея – в теории уголовного права следует рассматривать в качестве терроризма различные составы преступлений, а общее понятие терроризма целесообразно лишь в рамках криминологии и связанных с ней социальных наук.

С этой позицией не согласны сторонники унификации понятия терроризма, чьи доводы, на наш взгляд, более убедительны. Думается, что любые понятия, употребляемые в праве, и «терроризм» не является исключением, должны пониматься единообразно.

Так, акцентируя внимание на необходимости выработки общего понятия терроризма, на наш взгляд, следует согласиться с В.Н. Кудрявцевым, который считает, что такое понятие должно содержать не случайный набор признаков, а те из них, которые вскрывают сущность явления, дают возможность раскрыть кроющуюся за этим явлением объективную закономерность реальной действительности⁴.

Логически выверенное понятие, с должным научным обоснованием, способно оказать существенное позитивное влияние на развитие законодательства и правоприменительную деятельность. Так, С.С. Алексеев справедливо утверждает, что фокусом работы по совершенствованию законодательства и практики его применения во многом является повышение уровня «формальной логичности» конкретной юридической системы, ее подразделений, устранение существующих огрехов, достижение предельно

¹ См.: Терроризм: психологические корни и правовые оценки. «Круглый стол» // Государство и право, 1995, №4. С.33.

² Побегайло Э.Ф. Терроризм и уголовная ответственность // Актуальные проблемы Европы. Проблемы терроризма. Проблемно-тематический сборник. М., 1997, №4. С.203.

³ См.: Ляхов Е.Г., Попов А.В. Терроризм: национальный, региональный и международный контроль. Ростов-на-Дону, 1999. С.171.

⁴ См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Юрист, 1999. С.36.

возможного логического совершенства действующего права¹.

Следует согласиться с В.В. Устиновым, который отмечает, что законодательное решение вопроса о единой дефиниции терроризма является отправной точкой в правовом регулировании борьбы с ним, так как переводит ключевые задачи антитеррористической деятельности с области теоретизирования в практическую плоскость².

По мнению М.П. Киреева, терроризм нельзя определять через перечень отдельных уголовно наказуемых деяний, так как он не является исчерпывающим. Таковыми деяниями могут быть не только единичные действия (поджог, взрыв, заражение местности и т.п. акты, в том числе, технологического или ядерного терроризма), но и продолжаемые деяния, состоящие из ряда взаимосвязанных посягательств, объединенных общим умыслом и целью. Поэтому первостепенной задачей является создание общего уголовно-правового понятия терроризма³.

В.С. Комиссаров, рассматривая данный вопрос, подчеркивает, что все преступления, охватываемые явлением терроризма, несмотря на отнесение их к различным разделам УК РФ, представляют собой органическое единство, поскольку направлены против общественной безопасности и в первую очередь общественного спокойствия, и соответственно вписываются в понятие «терроризм»⁴.

В свою очередь, В.П. Ревин справедливо, на наш взгляд, отмечает, что разработка четкого определения и полной характеристики терроризма, конечно же, не является самоцелью (как и разработка других концептуальных положений). Она должна послужить ориентиром для определения задач, правовых, организационных и ресурсных аспектов борьбы с терроризмом в структуре крупномасштабных мероприятий, относящихся к сфере внутренней и внешней политики России, обеспечения мирового сотрудничества по противодействию терроризму⁵.

¹ См.: Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М.: Стаут, 1999. С.179.

² См.: Устинов В.В. Правовое регулирование и механизмы противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации: действующая нормативно-правовая база и перспективы ее совершенствования // Государство и право, 2002, №7. С.30.

³ См.: Киреев М.П. Уголовно-правовые основы борьбы органов безопасности и органов внутренних дел с террористической деятельностью // Новый Уголовный кодекс Российской Федерации и вопросы совершенствования борьбы с преступностью. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Челябинск, 1997. С.58.

⁴ См.: Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому УК РФ. – М., 1997. С.27.

⁵ См.: Ревин В.П. Международный терроризм: актуальные проблемы совершенствования международного сотрудничества // Антитеррор, 2002, №1. С.37.

В связи с вышеизложенным, необходимо проанализировать понятие терроризма под различными углами зрения, выделив его обязательные признаки, с последующим определением наиболее приемлемого способа установления уголовной ответственности за него, а также круга преступлений не являющихся собственно терроризмом, но имеющих террористический характер (направленность). Это позволит решить многие научно-теоретические и практические задачи¹.

Целесообразно рассмотрение понятия терроризма в следующих двух аспектах: 1) историко-этимологическом, включающем вопросы языкового происхождения, толкования термина «терроризм», этапы исторического развития и распространения этого опасного явления; 2) правовом, объединяющем общеправовые, уголовно-правовые, международно-правовые и криминологические подходы к определению терроризма с опорой на соответствующую нормативную базу и работы ведущих доктринологов уголовного права в этой области.

Сначала рассмотрим этимологическое значение термина, обозначающего данное явление.

Его основу составляет корень «террор», произошедший от латинского слова *terror* – страх, ужас. Примерно такое же значение имеют английское слово «*terror*» и французское «*terreur*». В.И. Даль под терроризмом понимает «устрашение смертными казнями, убийствами и всеми ужасами неистовства»². В Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой террор определяется как «устрашение своих политических противников, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения», а сам терроризм «как политика и практика террора»³.

В словаре иностранных слов под террором понимается «политика устрашения, подавления политических противников насильственными мерами»⁴. Определения террора и терроризма, содержащиеся в Советском энциклопедическом словаре, Кратком политическом словаре и Военном энциклопедическом словаре, в целом аналогичны вышеприведенному⁵.

С точки зрения составителей Политологического словаря, террор – это особая форма политического насилия, характеризующаяся жестокостью, целенаправленностью и кажущейся эффективностью. Террор широ-

¹ См.: Емельянов В.П. Терроризм и преступления террористической направленности. С.66.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, Т.IV. – М., 1956. С.401.

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1994. С.784.

⁴ Словарь иностранных слов. – М., 1987. С.494.

⁵ См.: Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1982. С.589.; Краткий политический словарь. – М.: Политиздат, 1964. С.264.; Военный энциклопедический словарь. – М.: Воениздат, 1984. С.317.

ко используется в качестве средства политической борьбы в интересах государства, организации, отдельных групп и лиц¹.

Примечательно, что в Юридическом энциклопедическом словаре, изданном в 1984 году, вовсе отсутствует какое-либо упоминание о рассматриваемом феномене².

При анализе формулировок террора и терроризма становится ясным, что общим в них является: во-первых, характеристика указанных явлений, как устрашения насилием, и, во-вторых, их политическая мотивированность, направленность на то, чтобы вызвать страх у населения и принудить систему выполнить политические требования террористов³.

Видится, что изначально терроризм преимущественно носит политический характер, однако, на наш взгляд, следует согласиться с Г.М. Миньковским и В.П. Ревиним, которые отмечают, что иногда понятие терроризма охватывает и деяния с такой мотивацией, как корысть, месть, экономическая конкуренция, иррациональная мотивация психически больных и пр. Вмешательство во внешнюю и внутреннюю политику государства, дестабилизация обстановки, скорее цель терроризма нежели мотив⁴.

Таким образом, значения термина «терроризм», предложенные в различных словарях не дают полного и точного представления о данном социально-правовом явлении.

Большинство авторов связывают возникновение термина «террор» с якобинской диктатурой во времена Великой французской революции 1793 года⁵. Именно с того времени этот термин стал обозначать способ управления социумом посредством превентивного устрашения⁶. Хотя в научной литературе встречаются мнения, что термин «террор» характерен для истории человечества едва ли не с древности. Террор появился, как только возникла государственная власть, а с нею люди, желающие господствовать

¹ См.: Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. – М.: Издательство Московского коммерческого университета, 1993. С.372.

² См.: Юридический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1984.

³ См.: Орешкина Т.Ю. Современный терроризм и борьба с ним. М., 1993. С.4.

⁴ См.: Миньковский Г.М., Ревин В.П. Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним. // Государство и право, 1997, №8. С.84.

⁵ См.: Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. 1890. Том 65. – М.: «ТЕРРА»-«TERRA», 1993. С.69-80; Одесский М.П., Фельдман Д.М. Террор как идеологема (к истории развития) // Общественные науки и современность, 1994, №6. С.158; Connor M. Terrorism: its goal, its targets, its methods. The solutions. – Boulder, Colorado, 1987. P.5.

⁶ См.: Одесский М.П., Фельдман Д.М. Указ. соч. С.155; Террор – это способ управления обществом: Беседа В. Чумакова с Д. Фельдманом // Правозащитник, 1999, №4. С.32.

любой ценой¹. Тем не менее, проведенный нами исторический анализ дает основания полагать, что окончательное оформление данного термина произошло именно в период Великой французской революции.

Спад волны революций в Европе был ознаменован возникновением «философии бомбы», основные положения которой изложил в 1848 году немецкий радикал Карл Гейнцен, став основоположником первой идеологической базы терроризма. Его теория была посвящена политической борьбе, в которой, по его мнению, неприемлем запрет убийства, идея выше человеческой жизни и тысячи смертей могут быть оправданы «высшими идеалами». Гейнцен считал, что силе регулярных правительственных войск следует противопоставить такое оружие, с помощью которого небольшая группа бойцов сможет посеять среди противников максимальный хаос. Он предлагал использовать отравляющий газ, мины, ракеты и иные совершенные орудия массовых убийств. Учение Гейнца, по нашему мнению, можно считать довольно весомым звеном в цепи развития терроризма, которое связывает идеи насильственной борьбы с «политической верхушкой» во времена античности и средневековья с современным терроризмом².

Со второй половины XIX века террор стал излюбленным средством политической борьбы у радикалов Европы и США. Чаще всего это был индивидуальный террор, направленный против конкретных монархов и других высокопоставленных государственных чиновников. Особой популярностью террор пользовался у анархистов.

Отсчет началу эпохи терроризма в России, по мнению многих ученых, положил выстрел революционера Дмитрия Каракозова 4 апреля 1866 года в императора Александра II. Впоследствии идеолог анархизма М.А. Бакунин в своей книге «Государственность и анархия», вышедшей в Цюрихе в 1873 году, определил терроризм как способ дезорганизации правительства, с одной стороны, а с другой, силу, способную подтолкнуть народ к восстанию против существующего политического строя³.

В то время большого размаха в применении террора достигли члены «Народной воли», в структуре Киевского отделения которой в 1877-1878 годах образовалась даже группа под названием «городские террористы». Народовольцы совершили восемь покушений на Александра II, в итоге увенчавшихся 1 марта 1881 года успехом. Кроме того, народовольцы со-

¹ См.: Чухвичев Д.В. Терроризм: история и современность // Труды Московской государственной юридической академии, №1. – М.: Юрист, 1997. С.114-119; Чуфаровский Ю.В. Терроризм – глобальная опасность // Российская Федерация, 1996, №8. С.52; Новикова Г. Сильная стратегия слабых // Власть, 1999, №12. С.55.

² См.: Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М.: Издательство «Щит-М», 1998. С.78.

³ См.: Манько А. Из истории терроризма в России // Российская Федерация, 1995, №15. С.38-40.

вершили целый ряд покушений на губернаторов и иных высоких начальников (убийство Харьковского губернатора князя И.А. Кропоткина, убийство начальника жандармерии Н.В. Мезенцева, покушение на петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова и др.)¹.

После судебного процесса по делу первоапрельцев (А. Желябов, Н. Рысаков, Г. Гельфман, С. Перовская, Т. Михайлова, Н. Кибальчич), которые все кроме беременной Гессы Гельфман были казнены, начались массовые аресты членов организации «Народная воля». Наступил идейный и организационный кризис раннего российского террора. Но в Петербурге начала действовать подпольная революционная народническая молодежная организация «Террористическая фракция» партии «Народная воля». Ее основатели делали попытки возрождения «Народной воли», считали террор главным орудием политической борьбы. 1 марта 1887 года, после неудавшейся попытки покушения на Александра III, эта организация распалась, ее активные члены были пойманы тайной полицией, а впоследствии пятеро из них повешены (И. Андреюшкин, В. Генералов, В. Осипанов, А. Ульянов и П. Швырев), а остальные приговорены к каторге и ссылке².

В этот период Департаментом полиции было проведено первое в России криминологическое-политическое исследование терроризма под названием «Обзор хроники террористического движения в России в 1878-1887 годы». Его целью было выявление участников террора и получение помощи от французской полиции в задержании Л. Гартмана, организатора покушения на Александра II³.

В начале XX века терроризм проповедовался и осуществлялся еще одной российской политической партией – партией эсеров. Члены боевой организации эсеров совершили большое количество террористических актов (убийства министров внутренних дел Д.С. Сипягина и В.К. Плеве, министра народного просвещения Н.П. Боголепова, премьер-министра П.А. Столыпина и др.)⁴.

До первой мировой войны существовала убежденность, что террор как средство политической борьбы – это в большей степени орудие «левых». Однако, это не совсем верно, так как исторически известно, что к нему прибегали такие радикально настроенные националистические организации, как сербские и македонские национал-патриоты, ирландские се-

¹ См.: Цой Л.Н. Новый взгляд на борьбу с терроризмом или с террористом? (размышления социолога) // Терроризм: современные аспекты. Сборник научных статей. – М.: Академия управления МВД России, Институт социологии РАН, 1999. С.46; Франциферов Ю. Терроризм вчера и сегодня // Правозащитник, 2000, №4. С.28.

² См.: Манько А. Указ. Соч. С.40-41.

³ См.: Кабанов П.А. Политический терроризм: Криминологическая характеристика и меры сдерживания. – Нижнекамск: НКФ МГЭИ, 1998. С.8.

⁴ См.: Век террора // Сегодня, 2000, 13 марта. С.8-9; Франциферов Ю. Указ. соч. С.27-28.

паратисты. Так, сербский радикал-националист Г. Принцип 28 июня 1914 года в столице Боснии убил наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену, что, как известно, послужило формальным поводом к началу первой мировой войны. В период между двумя мировыми войнами террор взяли на вооружение ультраправые партии и движения. После второй мировой войны он приобрел «второе дыхание». Наибольшее распространение терроризм получил в семидесятых и начале восьмидесятых годов. Количество совершаемых актов терроризма резко возросло, а сам терроризм стал носить международный характер¹.

Обращаем внимание, что в процессе описания истории возникновения и развития терроризма термины «террор» и «терроризм» зачастую употреблялись нами как синонимы. Причиной этому послужило то, что указанным терминам до недавнего времени было свойственно одинаковое понимание. Рассмотрим, как решается вопрос о соотношении понятий террор и терроризм в настоящее время.

В литературе существуют разные взгляды на этот счет. Так, С.А. Эфиров рассматривает террор как составную часть терроризма, утверждая, что «в широком смысле слова, терроризм объединяет как подпольную подрывную деятельность, так и все формы государственного террора, террористической политики и геноцида»². И тут же высказывает иное мнение, согласно которому «в узком смысле это понятие следует употреблять главным образом в отношении нелегальных террористических актов»³, а понятие террора в этом случае сохраняет свое раннее значение, то есть значение исключительно государственного террора.

В.П. Емельянов резко критикует позицию С.А. Эфирова, указывая на недопустимость такого широкого подхода при сравнении данных терминов. Он высказывает мнение, что террор не всегда одиозен, напротив, иногда он может быть исторически оправдан. А вот терроризм – есть явление антинародное, в конечном итоге смыкающееся с уголовщиной. По его мнению, терроризм от террора следует отграничивать по следующим признакам:

- во-первых, терроризм – это одноразово совершаемый акт либо серия подобных актов, имеющих не тотальный, массовый, а напротив, локальный характер;

- во-вторых, субъекты терроризма, в отличие от субъектов террора, не то что безграничной, а вообще никакой официально установленной (выборным путем, путем военной интервенции и т.д.) властью над социальным контингентом той местности, где разворачиваются события, не располагают;

- в-третьих, в отличие от террора, являющегося социально-

¹ См.: Чухвичев Д.В. Указ. соч. С.118.

² Терроризм: психологические корни и правовые оценки. «Круглый стол» // Государство и право, 1995. №4. С.24.

³ Там же. С.24.

политическим фактором действительности, терроризм есть явление уголовно-правового свойства, и его насилие с целью принуждения к каким-либо действиям на фоне созданного состояния страха имеет не всеобщее, а местное значение.

Далее, в иерархии общественных отношений террор и терроризм по значимости причиняемых для общества последствий – явления разноуровневые, поэтому схематично их и родственные им явления можно представить в виде двух параллельных рядов. Первый (верхний) ряд наряду с понятием «террор» составляют такие родственные ему понятия, как «война», «агрессия», «геноцид» и т.д. Второй же (нижний) ряд наряду с понятием терроризм составляют такие понятия, как «политическое убийство», «бандитизм» и т.п.

Иными словами, террор признается явлением более глобальным чем терроризм, а последний должен рассматриваться только как некая совокупность преступных деяний.

В итоге В.П. Емельянов предлагает отказаться в уголовно-правовых исследованиях от понятия «террор», поскольку оно не может употребляться без дополнительных оговорок и уточнений, а соответственно приводит лишь к путанице и бессмысленным спорам в науке¹.

Некоторые авторы предлагают проводить различие терроризма и террора по характеру действий: терроризм – конспиративные, нелегальные действия, а террор – открытые, демонстративные². Другие – понятием «терроризм» обозначают действия оппозиции, практикующей политические убийства, а понятием «террор» – репрессивные действия государства (правлящей элиты, опирающейся на государственную власть) в отношении населения³.

Аналогично вышеизложенному, польский ученый А. Бернгард считает, что террор – это устрашение насилием слабого со стороны более сильного, а терроризм, наоборот, устрашение насилием сильного со стороны более слабого⁴.

Нам представляется не совсем верным увязывание террора исключительно с действиями официальной власти, так как реалии сегодняшнего дня указывают на возможность его развертывания и осуществления любой радикальной группой лиц, характеризующейся антисоциальной направленностью.

¹ См.: Емельянов В.П. Терроризм и преступления террористической направленности. С.41-42.

² См.: Горбунов Ю.С. К вопросу о классификации терроризма // Московский журнал международного права, 1996, №1. С.54; Замковский В., Ильчиков М. Терроризм – глобальная проблема современности. – М.: Институт международного права и экономики, 1996. С.8-10.

³ См.: Белая книга Российских спецслужб. – М.: Информационно-издательское агентство «Обозреватель», 1996. С.124; Новикова Г. Указ. соч. С.57.

⁴ См.: Бернгард А. Стратегия терроризма. – Варшава, 1978. С.20-23.

По мнению Ю.М. Антоняна, под терроризмом следует понимать как явление в целом, так и отдельные акты терроризма, а к террору относить длительное совершение актов терроризма, на большой территории, в отношении большого количества людей¹.

Учитывая все рассмотренные точки зрения, наиболее предпочтительной, верной, на наш взгляд, является позиция Г.В. Овчинниковой, которая считает, что терроризм – это преступное явление, а террор – способ его реализации с помощью устрашения населения угрозой применения насилия².

Рассмотрев феномен терроризма с позиции историко-этимологического подхода, можно констатировать, что вопрос об определении его понятия в данной области является предметом научной дискуссии. Однако нас, прежде всего, интересует правовое понятие терроризма. Поэтому далее рассмотрим различные точки зрения на определение понятия терроризма в свете общеправового и уголовно-правового подходов, а также с позиции международного права.

В России начало правового противодействия терроризму связано с принятием 1 декабря 1934 года Постановления ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов». Данное постановление содержало перечень преступных деяний, которые рассматривались как террористический акт, и устанавливало особый порядок производства по делам о их совершении. Однако общеправовое определение терроризма появилось лишь через 64 года в ст.3 Федерального закона РФ от 25 июля 1998 года «О борьбе с терроризмом» и получило свое развитие в ст.3 Федерального закона РФ от 6 марта 2006 года «О противодействии терроризму». Этот закон является универсальным нормативным актом, устанавливающим правовую основу противодействия терроризму. Подобные законы известны ряду зарубежных государств: Франции – Закон «О борьбе с терроризмом и политическими посягательствами на государственную безопасность» 1986 года; Германии – Закон «О борьбе с терроризмом» 1986 года; Турции – Закон «О борьбе с терроризмом» 1991 года; Перу – Закон «Преступления, связанные с терроризмом» 1992 года; США – Закон «О борьбе с терроризмом и применении смертной казни» 1996 года. Для России, как справедливо отмечает В.П. Сальников, этот закон явление достаточно новое, специфичное императивностью содержащихся в нем предписаний³. Он не содержит уголовно-правовых норм и отсылает правоприменителя к УК РФ.

¹ См.: Антонян Ю.М. Указ. соч. С.10-11.

² См.: Овчинникова Г.В. Терроризм: Серия «современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе» / Научный редактор проф. Б.В. Волженкин. – СПб., 1998. С.7.

³ См.: Сальников В.П. Российское законодательство в сфере борьбы с терроризмом и проблемы его применения // Законодательство и законотворчество, 2006. №5. С.18.

Указанный Закон предлагает понимать под терроризмом «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»¹.

К террористической деятельности данный Закон относит:

- организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;
- подстрекательство к террористическому акту;
- организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;
- вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;
- информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;
- пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности².

Примечательно, что понятие «террористический акт», определенное в ст.3 Федерального закона «О противодействии терроризму» пришло на смену уголовно-правовому понятию «терроризм», найдя буквальное отражение в диспозиции ст.205 УК РФ, криминализирующей наиболее распространенную форму проявления террористической деятельности.

Нам представляется, что эффективность Федерального закона РФ «О противодействии терроризму» всецело зависит от полноты отражения его положений в отраслевом законодательстве.

Таким образом, мы подошли к рассмотрению понятия терроризма в уголовно-правовом аспекте.

Нам представляется, что отсутствие массового характера проявлений терроризма и его недостаточная научная изученность до второй половины XX века, обусловили то, что в нормативных актах Царской России, а впоследствии СССР и РСФСР не было правового определения понятия «терроризм». Хотя отдельные признаки этого понятия содержались в диспозициях некоторых составов преступлений против государственной власти³.

Первая попытка определения понятия терроризма в уголовном праве была реализована в Федеральном законе от 4 июля 1994 года «О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР и УПК РСФСР», который дополнил УК РСФСР 1960 года ст.213³ «Терроризм». В данной статье под терроризмом понималось «совершение в целях нарушения общественной безопас-

¹ Федеральный закон от 06.03.2006 г. №35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета. 10.03.2006.

² См.: там же. С.143.

³ См.: Назаркин М.В. Указ. соч. С.11.

ности либо воздействия на принятие решений органами власти взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, а равно наступление иных тяжких последствий»¹ и располагалась она в главе 10 «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения». Этим же законом была введена ст.213⁴ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма», а также изменена редакция ст.66 «Террористический акт», который определялся как убийство государственного или общественного деятеля либо представителя власти (часть 1) либо причинение им тяжкого телесного повреждения (часть 2), совершенные по политическим мотивам. Тем самым была расширена субъективная сторона данного преступления, так как в прежней редакции обязательной была цель подрыва или ослабления Советской власти. Кроме того, в ст.67 УК РСФСР содержалась специальная норма «Террористический акт против представителя иностранного государства», под которым понималось убийство (часть 1) или причинение тяжкого телесного повреждения (часть 2) представителю иностранного государства с целью провокации войны или международных осложнений. Деяния, предусмотренные ст.ст. 66 и 67 УК РСФСР, относились к особо опасным преступлениям против государства.

Следующее уголовно-правовое определение понятия терроризма было дано уже в 1996 году в тексте ныне действующего УК РФ. В соответствии со ст.205 УК РФ, расположенной в главе 24 «Преступления против общественной безопасности» раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», под терроризмом понималось «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решения органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях»².

27 июля 2006 года понятие «терроризм» как таковое перестало существовать в УК РФ в связи с внесением изменений в ст.205 Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона РФ «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона РФ «О противодействии терроризму»³. Ему на смену

¹ Уголовный кодекс РСФСР. – М., 1995. С.96.

² Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: «Проспект», 2004. С.129.

³ Федеральный закон РФ от 27.07.2006 г. №153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»

пришло понятие «террористический акт» - совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

При сравнении указанных определений, несомненной является преэминентность положений ст.205 УК РФ по отношению к ст.213³ УК РСФСР. Ст.205 УК РФ в обеих приведенных редакциях несколько расширила прежнее понятие терроризма, отнеся к нему, помимо собственно террористических действий, и угрозу их совершения. Первоначальная редакция данной статьи дополнила и цель совершения описанных в диспозиции действий указанием на устрашение населения; кроме того, акт терроризма должен был создавать опасность наступления «иных общественно опасных последствий», а не «иных тяжких последствий», как предусматривалось в ст.213³ УК РСФСР. Редакция же 2006 года наиболее близка к ст.213³ УК РСФСР: в ней вновь идет речь об «иных тяжких последствиях» и отсутствует цель «устрашения населения», правда, как и нет указания на цель «нарушения общественной безопасности».

Важно отметить, что для обозначения деяний, предусмотренных в ст.205 УК РФ и определенных как террористический акт, в примечании к этой статье и диспозиции ст.207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма», употребляется термин «акт терроризма». Думается, что во избежание путаницы в правоприменительной деятельности данные термины должны рассматриваться как тождественные.

Следует отметить, что изначально в УК РФ «террористический акт» определялся в ст.277 как посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность. Эта статья помещена в главу 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» раздела X «Преступления против государственной власти». Однако все тем же Федеральным законом РФ от 27 июля 2006 года №153-ФЗ второе название ст.277 УК РФ – террористический акт было упразднено.

На наш взгляд, изменения, внесенные в ст.205 и ст.277 УК РФ вполне оправданы и единичные деяния, подпадающие под признаки ст.205 УК РФ, правильным будет называть именно «террористическими актами» так как по мнению многих авторов терроризм – это комплексное социально-правовое явление, различные формы которого охватываются помимо ст.205, еще рядом статей Уголовного кодекса¹.

Отдельные авторы предлагают отказаться от использования в уголовном законодательстве и термина «террористический акт» и назвать ст.205 УК РФ так, как это было сделано в ст.65¹ УК БССР 1960 года, а

¹ См.: Побегайло Э.Ф. Указ. соч. С.205; Ляхов Е.Г., Попов А.В. Указ. соч. С.171.

именно: «Совершение взрыва, поджога или иных действий, посягающих на общественную безопасность»¹.

По нашему мнению, для обозначения преступления, предусмотренного ст.205 УК РФ, как и для единичных случаев его совершения, вполне приемлемым представляется термин, употребляемый с 2006 года законодателем – «террористический акт».

Для более глубокого уяснения существа рассматриваемого феномена важным представляется исследование его трактовки в источниках и нормативных документах международного характера.

Стоит заметить, что вопрос об определении сущности терроризма и выработке комплексных мер борьбы с ним, в силу объективных причин, начал решаться в международном праве гораздо раньше, чем в национальном законодательстве². Ему посвящен ряд универсальных и региональных международных конвенций. Уже в 1937 году под эгидой Лиги Наций было разработано два документа: Конвенция о предотвращении терроризма и наказании за террористические действия и Конвенция о создании международного уголовного суда. Они, несомненно, оказали положительное воздействие на совместную международно-правовую борьбу с терроризмом, но так и не были ратифицированы большинством государств³.

Со второй половины прошлого века до сегодняшних дней явно выражена тенденция к увеличению с каждым годом числа нормативных актов, посвященных международному противодействию терроризму и террористическим преступлениям⁴. К их числу можно отнести: Токийскую конвенцию о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (1963 год); Гаагскую конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970 год); Монреальскую конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (1971 год); Конвенцию о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (1973 год); Международную конвен-

¹ См.: Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовное законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации: Общий сравнительно-правовой комментарий. Сравнительная таблица Уголовных кодексов Республики Беларусь и Российской Федерации. Научно-практическое пособие. – М.: МИ МВД России, 1999. С.34, 117.

² См.: Афанасьев Н.Н. Международные конвенции о борьбе с терроризмом // Закон и право, 2001. №5. С.4-5.

³ См.: Международное уголовное право (И.П. Блищенко, Р.А. Каламкарян, И.И. Карпец и др.). – М., 1995. С.110-111.

⁴ См.: Хлобустов О. О международно-правовых основах борьбы с терроризмом // Власть, 2000, №1. С.46-49; Устинов В.В. Правовое регулирование и механизмы противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации: действующая нормативно-правовая база и перспективы ее совершенствования. С.41.

цию о борьбе с захватом заложников (1979 год); Конвенцию о физической защите ядерного материала (1980 год); Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Монреальскую конвенцию (1988 год); Римскую конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, и Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (1988 год); Декларацию Генеральной Ассамблеи ООН о мерах по ликвидации международного терроризма (1994 год); Конвенцию о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала (1995 год); Специальную резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН «Меры по ликвидации международного терроризма» (1997 год); Международную конвенцию о борьбе с бомбовым терроризмом (1998 год); Шанхайскую Конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001 год); Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (2005 год).

Однако нужно отметить, что ни один из перечисленных актов, регулирующих международно-правовую борьбу с терроризмом, не содержит четкой дефиниции этого явления.

Решение указанного вопроса осуществлялось также и на региональном уровне. Так, борьбе с терроризмом в отдельных регионах мирового пространства посвящены: Конвенция Организации Американских Государств о предупреждении и наказании терроризма, от 2 февраля 1971 года; Европейская конвенция о пресечении терроризма, от 27 января 1977 года, ратифицированная Российской Федерацией по Распоряжению Президента Российской Федерации «О подписании Европейской конвенции о пресечении терроризма» от 31 января 1999 года; Африканская конвенция о предупреждении и борьбе против терроризма, от 14 июля 1999 года. В июне 1999 года был заключен Договор о сотрудничестве государств участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом. Ст.1 Договора определяет терроризм как противоправное уголовно наказуемое деяние, совершенное в целях нарушения общественной безопасности, оказания воздействия на принятие органами власти решений, устрашения населения, проявляющееся в виде:

- насилия или угрозы его применения в отношении физических или юридических лиц;
- уничтожения (повреждения) или угрозы уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающих опасность гибели людей;
- причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий;
- посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенного для прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность;
- нападения на представителя иностранного государства или сотруд-

ника международной организации, пользующегося международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой;

- иных деяний, подпадающих под понятие террористических в соответствии с национальным законодательством Сторон, а также иными общепризнанными международно-правовыми актами, направленными на борьбу с терроризмом¹.

Мы видим, что в этом международном документе феномен терроризма определяется, как и в ранее действовавшем Федеральном законе РФ «О борьбе с терроризмом» от 25 июля 1998 года казуистическим способом, через перечисление совокупности его различных проявлений.

В связи с тем, что, согласно ч.4 ст.15 Конституции Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры России, входят в правовую систему нашего государства, то они неизбежно накладывают на нее определенный отпечаток. Поэтому понятие терроризма в национальном законодательстве должно учитывать признаки данного явления, закрепленные в международно-правовых актах. В свою очередь из анализа указанных документов, посвященных межгосударственному сотрудничеству в сфере борьбы с терроризмом, видно, что в большинстве из них речь ведется о международном терроризме. Поэтому представляется целесообразным более детально рассмотреть это понятие.

Прежде всего надо отметить, что по вопросу определения понятия «международный терроризм» в науке нет единого мнения.

Большой юридический словарь определяет международный терроризм как «совокупность общественно опасных в международном масштабе деяний, влекущих бессмысленную гибель людей, нарушающих нормальную дипломатическую деятельность государств и их представителей и затрудняющих осуществление международных контактов и встреч, а также транспортных связей между государствами»². Аналогичные определения даны в Словаре международного права³ и Дипломатическом словаре⁴.

Анализируя приведенное понятие международного терроризма, необходимо обратить внимание, по крайней мере, на два момента.

¹ См.: Участие органов внутренних дел и внутренних войск МВД России в международном сотрудничестве. Сборник документов. Выпуск №3. / Под общ. ред. А.Н. Малиновского. – М.: Управление международного сотрудничества Главного управления правовой работы и внешних связей МВД России, 2000. С.94-178.

² Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 1998. С.692.

³ См.: Словарь международного права. – М.: Международные отношения, 1986. С.397.

⁴ См.: Дипломатический словарь. – М.: Наука, 1986. С.461.

Во-первых, нередко бывает сложно провести грань между международным терроризмом и национально-освободительной борьбой, так как многие националистические террористические организации функционируют под лозунгом реализации права наций и народов на самоопределение, провозглашенным в Уставе ООН (п.2 ст.1), в ст.1 Международных пактов о правах 1966 года¹. Нам представляется, что в случае применения терроризма как способа достижения цели, не может идти речи об освободительной борьбе, так как она должна осуществляться допустимыми политическими средствами. Даже в том случае, когда она перерастает в вооруженный конфликт, имеющий своей целью освобождение народа отдельного государства, например, от расистского режима либо иностранной оккупации, национально-освободительные организации должны вести военные действия в соответствии с правилами, предусмотренными в Дополнительных протоколах I и II 1977 года к Женевским конвенциям о защите жертв войны от 1949 года. Эти же международные документы запрещают террор как способ освободительной борьбы².

Во-вторых, необходимо отличать международный терроризм от внутригосударственных террористических проявлений. Ряд авторов видит решение данной проблемы в трактовке международного терроризма как одного из видов политического и уголовного насилия, затрагивающего в большей или меньшей степени международные отношения, особого способа ведения войны³.

Среди российских правоведов наблюдаются расхождения не только при определении понятия международного терроризма, но и при отнесении его к таким категориям, как международное преступление, преступление международного характера, иное международное правонарушение.

Так, известный советский ученый А.Н. Трайнин, определяя сущность и место международных преступлений среди иных международных правонарушений, относил терроризм к международным преступлениям, опираясь при этом на ряд международных актов: резолюции III, IV и V Международных конвенций по унификации уголовного законодательства (1930, 1931, 1933 годов), Конвенцию о предупреждении и пресечении тер-

¹ См.: Моджорян Л.А. Терроризм и национально-освободительные движения // Государство и право, 1998, №3. С.82.

² См.: Ханс-Петер Гассер. Запреты на акты террора в международном гуманитарном праве. – Международный комитет Красного Креста, 1994. С.7-14.

³ См.: Салимов К.Н. Современные проблемы терроризма. – М.: издательство «Щит-М», 1999. С.10-13; Ляхов Е.Г. Терроризм и межгосударственные отношения. – М.: Международные отношения, 1991. С.15-18; Зябкий А.И. Проблема юридической квалификации терроризма как международного правонарушения // Ученые записки юридического факультета. Выпуск 2. Актуальные проблемы юриспруденции в условиях становления правовой системы России. – СПб.: Санкт-Петербургский университет профсоюзов, 1997. С.87-90.

роризма (1937 года)¹.

Сходную с изложенной точку зрения высказывал И.И. Карпец, считая, что международный терроризм – это преступление международного характера особого вида, определяемое как международная или внутригосударственная, но имеющая международный (то есть охватывающая более двух государств) характер, организованная и иная деятельность, направленная на создание специальных организаций и групп для совершения убийств и покушений на убийство, нанесения телесных повреждений, применения насилия и захвата людей в качестве заложников с целью получения выкупа, насильственного лишения человека свободы, сопряженного с надругательством над личностью, применение пыток, шантажа и так далее; он также может сопровождаться разрушением, ограблением зданий, жилых помещений и иных объектов².

Д.Б. Левин под международным терроризмом понимал убийства дипломатических представителей и политических деятелей иностранных государств в целях усиления международной напряженности и раздувания военных и политических конфликтов³.

Оценивая влияние терроризма на межгосударственные отношения, Е.Г. Ляхов предлагает рассматривать международный терроризм в трех аспектах: как отдельный акт преступного поведения; как террористические группы и организации, избравшие терроризм (официально или тайно) средством достижения своих целей; как идеологии или доктрины, пронизанные идеями насилия или допускающие применение насилия и террора с целью своего утверждения. В первом, интересном для нас случае под международным терроризмом автор понимает «насильственные акты, выражающиеся в действии физического лица или организации, тайно организуемые или допускаемые противоправно и виновно как действующим, так и бездействующим государством (государствами); наносящие ущерб конкретному предмету (предметам) международного правопорядка и международным правоотношениям в целом»⁴.

С.С. Беляев определяет международный терроризм как преступление международного характера, затрагивающее интересы двух и более го-

¹ См.: Трайнин А.Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. – М., 1956. С. 117-120; Трайнин А.Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон / Под общ. ред. Р.А. Руденко. – М.: Наука, 1969. С.43-58.

² См.: Карпец И.И. Преступления международного характера. – М., 1979. С.60-94.

³ См.: Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве. – М., 1966. С.83.

⁴ См.: Ляхов Е.Г. Проблемы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом. – М.: Международные отношения, 1979. С.65-66.

сударств, нарушающее международный правопорядок¹.

Иную позицию занимает Н.С. Беглова, утверждая, что международный терроризм представляет собой продолжение внутреннего терроризма, выход его за пределы границ того или иного государства, поэтому нет необходимости выделять его как отдельный вид терроризма².

Подобную точку зрения излагает и В.П. Емельянов. Он усматривает специфику международного терроризма лишь в одном – наличии иностранного элемента³.

Интересна расшифровка «иностранный элемент», приведенная Л.А. Моджорян, которая отмечает, что терроризм переходит в плоскость международных отношений, когда:

1) совершается за пределами государства, выходцами из которого являются террористы;

2) направлен против лиц, пользующихся международной защитой, их имущества и средств передвижения;

3) подготовка преступления ведется в одном государстве, а осуществляется оно в другом;

4) совершив преступление в одном государстве, террорист укрывается в другом, и встает вопрос о его выдаче⁴.

В Руководстве по борьбе с международным терроризмом 1986 года, принятом Интерполом, терроризм имеет международное значение, если:

1) цели, объявленные лидерами террористов, затрагивают более чем одну страну;

2) террористические группы пользуются поддержкой (материальной и иной) из-за рубежа;

3) подготовка террористических актов началась в одной стране и закончилась в другой;

4) акт планировался или подготавливался в одной стране, а совершался в другой;

5) жертвами акта являются граждане различных стран или служащие международных организаций;

6) ущерб причиняется различным странам или международным организациям⁵.

¹ См.: Беляев С.С. О борьбе с международным терроризмом // Государство и право, 1998, №9. С.106-108.

² См.: Беглова Н.С. Терроризм: поиск решения проблемы // США: Экономика, политика, идеология, 1991, №1. С.36-44.

³ См.: Емельянов В.П. Проблемы ответственности за международный терроризм. – Харьков, 2000. С.71.

⁴ См.: Моджорян Л.А. К вопросу о сотрудничестве государств в борьбе с международным терроризмом // Советское государство и право, 1990, №3. С. 122; Моджорян Л.А. Терроризм: правда и вымысел. С.14-15.

⁵ См.: Yuide for Combating International Terrorism. OIPC. Interpol. №373/2, 1986. P.2.

Представляется, что определение термина «международный терроризм» через перечисление признаков, указывающих на международный характер деяния, является наиболее правильным. Таким образом сформулировано понятие международной террористической деятельности в Федеральном законе РФ «О борьбе с терроризмом». Согласно ст.3 Закона к ней относится террористическая деятельность, осуществляемая:

1) террористом или террористической организацией на территории более чем одного государства или наносящая ущерб интересам более чем одного государства;

2) гражданами одного государства в отношении граждан другого государства или на территории другого государства;

3) в случае, когда как террорист, так и жертва терроризма являются гражданами одного и того же государства или различных государств, но преступление совершено за пределами территорий этих государств¹.

Суммируя изложенное можно полагать, что терроризм приобретает международно-правовое значение, если:

- затрагивает интересы двух или более государств или интересы международной организации;

- подготавливается или совершается на территории другого государства, либо нескольких государств;

- совершается в отношении граждан другого государства или нескольких государств;

- совершается в отношении представителей иностранного государства или сотрудников международной организации, пользующихся международной защитой;

- рассматривается вопрос о выдаче террориста, совершившего преступление в одной стране, а укрывшегося в другой.

Общим для всех правовых определений терроризма является учет законодателем причин его возникновения, мотивов и целей использования в криминальном пространстве, условий борьбы с ним. Большое внимание перечисленным аспектам уделяется при определении терроризма с позиций криминологии. Поэтому представляется целесообразным более подробно рассмотреть криминологические определения понятия «терроризм», существующие в зарубежной и отечественной науке.

Подход зарубежных ученых к этому вопросу двояк. Одни из них широко толкуют понятие терроризма. Так, в книге «Международный терроризм и всемирная безопасность» под терроризмом понимается угроза насилием, индивидуальные акты насилия или компании насилия, ставящие первостепенной целью – внушение страха, то есть терроризирование².

¹ См.: Федеральный закон от 25.07.1998 №130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» (в редакции Федеральных законов от 07.08.2000 №122-ФЗ, от 21.11.2002 №144-ФЗ)// Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. - №31. – Ст. 3808; там же. – 2000. - №33. – Ст.3348; там же. – 2002. - №47. – Ст.4634. С.142.

² См.: International Terrorism and World Security. - L., 1975. P.14.

Специалист в области уголовного права Ж. Сендье (Франция) считает, что терроризм охватывает насилие, совершаемое одним или несколькими лицами в отношении произвольно выбранных жертв с единственной целью утвердить власть, волю сильного посредством страха, оперативного террора, ставшего заразительным¹. Ю. Динстейн (Израиль) утверждает, что сущность терроризма проявляется в беспорядочном насилии, обычно направленном против людей без разбора (невинные жертвы террористического акта) в целях создания в массах идеи, что цель оправдывает средства: чем ужаснее преступление, тем лучше с точки зрения террористов².

Другие зарубежные авторы определяют терроризм через его отличительные признаки. По мнению Э. Арегача, терроризм – это акты, сами по себе являющиеся традиционными формами общеуголовных преступлений, но совершаемые преднамеренно с целью вызова паники, провокации беспорядка и террора в организованном обществе, нарушения общественного порядка, парализации противодействия террору со стороны общественных сил и интенсификации беды и страдания общества. Р. Арон рассматривает акт насилия как террористический, если его психологический эффект пропорционален его истинным физическим результатам³.

В. Уог, используя аналогичный способ определения понятия терроризма, выделяет четыре основных признака:

1) особо жестокие формы насилия; 2) формулирование целей, не связанных с конкретным проявлением насилия; 3) оказание психологического воздействия на широкие слои населения; 4) выбор жертв на основе критерия их символической ценности⁴.

По мнению А. Пфаль-Траугзера, обязательными составляющими терроризма являются:

1) наличие политической цели; 2) целенаправленное применение насилия для устрашения; 3) наличие организационной структуры; 4) общественная изоляция субъектов террористической деятельности⁵.

С. Сегилер называет следующие двенадцать отличительных признаков терроризма:

1) он имеет две цели: тактическую – привлечь внимание к проблеме, и стратегическую – добиться коренных социальных изменений, будь то

¹ См.: Sender J. Le Terrorisme. - P., 1987. P.5.

² См.: International Law Association. Report to the 56-th Conference. - New Delhi, 1974. P.163.

³ Цит по кн.: Ляхов Е.Г. Политика терроризма – политика насилия и агрессии. – М.: Международные отношения, 1987. С.22-23; Салимов К.Н. Современные проблемы терроризма. – М.: Издательство «Щит-М», 1999. С.9-10.

⁴ См.: Waugh W.L. International terrorism: How nations respond to terrorists // Salisbury: Doc. pub / 1982, Vol. VIII. P.27.

⁵ См.: Пфаль-Траугзер А. Правый терроризм в ФРГ // Актуальные проблемы Европы. Проблемы терроризма. Проблемно-тематический сборник, 1997, № 4. С.130-135.

свобода, независимость или революция; 2) обязательно предполагается применение той или иной формы насилия; 3) орудием воздействия служит психологический шок, порождаемый осознанием того, что и в дальнейшем насилие будет хладнокровно применяться; 4) отрицаются какие бы то ни было законы или ограничения; 5) расчет делается на эффект неожиданности; 6) предполагается «политическое вымогательство», поэтому он не связан со стихийными восстаниями и выступлениями населения; 7) нуждается в незамедлительном удовлетворении выдвигаемых требований, в ином случае использует эскалацию насилия; 8) дает о себе знать лишь при наличии организации; 9) используется организациями любой политической окраски; 10) всегда берет на себя ответственность за совершенные акты насилия, так как они всего лишь средство достижения цели, а не самоцель; 11) представляет собой антитезу политического убийства, потому что ему чужда селективность, личность жертвы не имеет значения; 12) важно произвести впечатление на людей в целом или конкретную группу лиц.

По мнению этого автора, суть терроризма сводится к приобретению власти страха для выдвижения и отстаивания политических требований, которые не могут быть удовлетворены иным образом¹.

Полковник швейцарского генерального штаба Г. Деникер понимает под терроризмом систематическое запугивание правительств, кругов населения и целых народов путем единичного или многократного применения насилия для достижения политических, идеологических или социально-революционных целей и представлений..., это интегрированная политика насилия, которая путем бескомпромиссности и жестокости надеется достичь эффекта, недостижимого другими путями².

Немецкий криминолог Г. Шнайдер считает терроризм исключительно политическим преступлением. Он утверждает, что терроризм – это применение насилия или угроза насилия против лиц или вещей ради достижения политических целей; он осуществляется отдельными лицами или группами лиц, действующими по поручению правительства³.

Обобщая приведенные зарубежными криминологами признаки и определения терроризма, можно выделить его следующие общие черты:

- 1) насилие или угроза его применения;
- 2) стремление вызвать страх, запугать;
- 3) наличие конкретной, как правило, политической цели.

Рассмотрим теперь определения, содержащиеся в отечественных источниках. Их спектр не менее разнообразен. Некоторые авторы указывают на преимущественно политический характер терроризма. Так, Л.А. Мод-

¹ См.: Segeler S. Unvisible armies: Terrorism into the 1990 th.- Joseph, 1986, Vol. VII. P.11-15.

² См.: Терроризм в современном капиталистическом обществе. Реферативный сборник. Выпуск 2. ИНИОН АН СССР. – М., 1981. С.75

³ Шнайдер Г. Й. Криминология. – М.: «Прогресс»-«Универс», 1994. С.439.

жорян считает, что терроризм – это акты насилия, совершаемые отдельными лицами, организациями или правительственными органами, направленные на устранение нежелательных государственных и политических деятелей и дестабилизацию государственного правопорядка в целях достижения определенных политических результатов¹. В.В. Витюк понимает под терроризмом тактику политической борьбы, основанную на сознательном и систематическом применении насилия².

Ю.В. Чуфаровский рассматривает терроризм как крайнюю форму проявления насилия в сфере политических отношений, когда на карту ставится жизнь человека³. А.Э. Жалинский также полагает, что терроризм связан с политическим противостоянием и его следует рассматривать как планомерное применение насильственных методов численно небольшими группировками для воздействия на неприкосновенность национальных и интернациональных институтов, прежде всего правительств, иногда со специальной целью вызвать репрессии со стороны государства или принудить к иному реагирующему на действия террористов поведению⁴.

Авторы Белой книги Российских спецслужб определяют терроризм как один из методов политической борьбы, который заключается в применении крайних мер насилия или угрозы такового с целью устрашения политических противников, понуждения органов власти или населения к определенным действиям или отказу от них⁵. На политический характер терроризма указывает и Т. Боголюбова⁶.

Однако в последнее время российские ученые часто высказывают мнение о недопустимости рассмотрения терроризма лишь с позиции его политических мотивов и целей. Так, участники Московской конференции министров стран «восьмерки» по проблемам борьбы с транснациональной организованной преступностью, проходившей 19-29 октября 1999 года, в своем Заявлении против терроризма отметили, что все террористические акты, где бы и кем бы они ни осуществлялись, не имеют оправдания и являются преступными, независимо от мотивов их совершения⁷.

П.А. Кабанов считает, что общее понятие терроризма гораздо шире

¹ См.: Моджорян Л.А. Терроризм: правда и вымысел. – М.: Юридиздат, 1986. С.239.

² См.: Витюк В.В. Социальная сущность и идейно-политические концепции современного левого терроризма: Автореф. дис. док. филос. наук. – М., 1985. С.9.

³ См.: Чуфаровский Ю.В. Психологический анализ социально-политической природы терроризма // Следователь, 2000, №4. С.51.

⁴ См.: Терроризм: психологические корни и правовые оценки. «Круглый стол». С.40.

⁵ См.: Белая книга Российских спецслужб. С.127.

⁶ См.: Боголюбова Т. Борьба с терроризмом: уголовно-правовые проблемы // Уголовное право, 1999, №1. С.42.

⁷ См.: Заявление против терроризма // Прокурорская и следственная практика, 1999. №3-4. С.46.

по своему содержанию и мотивации преступного поведения, чем понятие политический терроризм¹. По мнению Н.Б. Крылова и Ю.А. Решетова, под терроризмом в самом широком значении этого термина понимают акты насилия или угрозу насилием, цель которых – внушить страх и заставить действовать или воздержаться от действий в нужном террористам направлении².

В.С. Комиссаров, рассматривая терроризм в широком смысле, характеризует его как применение насилия со стороны отдельных лиц или групп в целях устрашения населения либо отдельных специальных лиц, поддержания социально-психологической атмосферы страха³, а терроризм в узком смысле, по его мнению, представляет собой совокупность конкретных преступлений, предусмотренных статьями Уголовного кодекса (в том числе, террористический акт – ст.205 УК РФ, захват заложника – ст.206 УК РФ, заведомо ложное сообщение об акте терроризма – ст.207 УК РФ, а также посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля – ст.277 УК РФ)⁴.

В.В. Устинов определяет терроризм как противоправное умышленное применение насилия или угроза его применения в отношении личности, а также уничтожение или повреждение или угроза уничтожения или повреждения имущества и других материальных объектов, осуществляемые для устрашения населения в целях принуждения правительства или международной организации к исполнению или воздержанию от исполнения какого-либо действия, а также для серьезной дестабилизации или разрушения основных политических, конституционных, экономических или социальных структур страны или международной организации⁵.

Ю.М. Антонян под терроризмом понимает насилие, содержащее в себе угрозу другого, не менее жестокого насилия, для того, чтобы вызвать панику, нарушить и даже разрушить государственный и общественный порядок, внушить страх, заставить противника принять желаемое решение, вызвать политические и иные изменения⁶.

У Н.Д. Литвинова терроризм – это активная противозаконная деятельность государственных органов, криминальных объединений (организаций) и отдельных лиц, осуществляемая особо опасным способом по уничтожению (угрозе уничтожения) специально определенных либо совершенно случайных лиц и особо важных объектов для достижения целей, которые они не могут достичь обычным образом⁷.

¹ См.: Кабанов П.А. Указ. соч. С.12.

² См.: Крылов Н.Б., Решетов Ю.А. Указ. соч. С.78.

³ См.: Комиссаров В.С. Указ. соч. С.10.

⁴ См.: Комиссаров В.С. Указ. соч. С.27.

⁵ См.: Устинов В.В. Государственная антитеррористическая стратегия: общая концепция и правовые аспекты. С.17.

⁶ См.: Антонян Ю.М. Указ. соч. С.10.

⁷ См.: Литвинов Н.Д. К вопросу о понятии и классификации терроризма // Про-

А. Тихомиров утверждает, что терроризм представляет собой незаконное применение или угрозу применения насилия в отношении личности или имущества с политическими или социальными намерениями, и имеет своей целью запугивание или принуждение властей, групп людей и отдельных личностей к изменению их политики или поведения¹.

Авторы монографии «Основы борьбы с организованной преступностью» предлагают определять терроризм как «метод разрешения социальных противоречий путем использования морально-психологического давления, различных видов устрашения, угроз, убийств, физического и психологического насилия»².

В ряде источников понятие терроризма определяется через отличительные признаки данного явления.

Так, Т.З. Имаков и А.Ж. Каримбеков выделяют следующие черты:

- 1) применение насилия с целью устрашающего психологического эффекта;
- 2) антинародный характер целей;
- 3) общественная изоляция действующих лиц;
- 4) наличие организационной структуры, дающей возможность проводить одновременно несколько терактов³.

С точки зрения В.Е. Петрищева, специфика терроризма состоит в том, что, во-первых, его акты совершаются с особой жестокостью, они рассчитаны на устрашение всех, кто не согласен с террористами. Во-вторых, акции терроризма тщательно и скрытно готовятся, то есть не могут быть совершены спонтанно, по неосторожности или в состоянии аффекта. В-третьих, они преследуют определенную цель. Таким образом, объект террористических посягательств «обладает двойственным характером, ибо включает в себя непосредственные жертвы террористов или разрушаемые ими материальные ценности и общий объект, в качестве которо-

блемы укрепления законности, усиления борьбы с преступностью и профилактика правонарушений в современных условиях. Материалы научно-практической конференции. - Воронеж: ВНИИ МВД России. Администрация Воронежской области, 1996. С.93.

¹ См.: Тихомиров А. Пресечение актов терроризма в современных условиях: некоторые проблемы деятельности ОВД и ВВ МВД России // Профессионал, 1998, №4. С.13.

² Основы борьбы с организованной преступностью. Монография / Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблонова. – М.: «ИНФРА-М», 1996. С.189.

³ См.: Имаков Т.З., Каримбеков А.Ж. Новый Уголовный кодекс России и вопросы совершенствования борьбы с терроризмом // Новый Уголовный кодекс Российской Федерации и вопросы совершенствования борьбы с преступностью: Материалы межвузовской научно-практической конференции. - Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 1997. С. 133.

го выступают элементы конституционного строя»¹.

М.П. Киреев самым общим образом определяет терроризм как форму насилия, рассчитанную на массовое восприятие². Аналогичную точку зрения высказывает С.Г. Келина, которая понимает под терроризмом «действия, совершаемые в целях саморекламы, с намерениями вызвать шок, страх у населения и властей»³.

Назаркин М.В. полагает, что терроризм следует определять как умышленное уничтожение, повреждение, захват какого-либо объекта, включая физических лиц, либо иные насильственные действия в отношении них или угроза совершения таких действий с одновременным выдвиганием политических, экономических или других социально-значимых требований. По его мнению, данное определение учитывает практически все основные характеристики рассматриваемого социально-правового явления, такие как:

1) устрашение, которое может выступать как цель и как следствие (если оно выступает как факультативное или неумышленное обстоятельство, то деяние можно охарактеризовать как имеющее террористическую окраску);

2) одновременное выдвигание каких-либо социально значимых целей – опосредованный характер воздействия на объект (насильственный шантаж);

3) умышленное повреждение, уничтожение, захват либо иные насильственные действия в отношении каких-либо объектов, включая физических лиц. Данная часть определения подчеркивает противоправный характер описываемых деяний и указывает на угрозу общественной безопасности, нарушение которой может являться следствием паники, ужаса, страха, массовой истерии и прочих последствий данных действий⁴.

В.П. Емельянов выделяет следующие отличительные черты терроризма:

1) он порождает общую опасность, возникающую в результате совершения общеопасных действий либо угрозы таковыми;

2) публичный характер его исполнения;

3) преднамеренное создание обстановки страха, подавленности, напряженности на социальном уровне для достижения поставленной цели. Это основная черта терроризма, специфика, позволяющая его отделить от

¹ Петрищев В.Е. Терроризм как общегосударственная проблема // Духовность. Правопорядок. Преступность: материалы научно-практической конференции 28 марта 1996 г. – М., 1996. С.77-78.

² См.: Киреев М.П. Криминологические и социально-психологические причины терроризма на воздушном транспорте: Материалы научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с организованной преступностью», Калининград, 1997. С.76.

³ Терроризм: психологические корни и правовые оценки. «Круглый стол». С.33.

⁴ См.: Назаркин М.В. Указ. соч. С.8, 40-41.

похожих на него явлений;

4) при его совершении общеопасное насилие применяется в отношении одних лиц или имущества, а психологическое воздействие в целях склонения к определенному поведению оказывается на других лиц, то есть насилие здесь влияет на принятие решения потерпевшим не непосредственно, а опосредованно – через выработку (хотя и вынужденно) волевого решения самим потерпевшим лицом (физическим или юридическим или группой лиц) вследствие созданной обстановки страха и выраженных на этом фоне стремлений террористов¹.

На основе указанных признаков В.П. Емельянов предлагает следующее обобщающее определение терроризма как явления, выраженного в деянии: терроризм – это публично совершаемые общеопасные действия или угрозы таковыми, направленные на устрашение населения или какой-то его части, в целях прямого или косвенного воздействия на принятие какого-либо решения или отказ от него в интересах террористов².

И. Хлебников определяет терроризм более широко, рассматривая его как многоаспектное явление включающее в себя:

1) преднамеренное действие, направленное на то, чтобы путем запугивания и насилия свергнуть институты власти вообще или ее демократические институты или вывести часть территории страны из-под юрисдикции государства;

2) совокупность противоправных актов (убийств, похищений, диверсий и т.д.), служащих средством достижения политических целей;

3) крайне опасное антиобщественное явление, выражающееся в преступных действиях в виде убийств, захвата заложников, других насильственных действиях, посягающих на жизнь, здоровье, свободу и имущество граждан, установленный правопорядок и общественную безопасность;

4) преднамеренное, политически мотивированное насилие, совершаемое против гражданских целей, используемое обычно для оказания влияния на окружающих. К гражданским целям при этом относится и военный персонал, который в момент совершения акций не имеет оружия и находится на службе;

5) форма непосредственного подрыва национальной безопасности государств³.

Обобщая рассмотренные отечественные определения терроризма, можно сделать вывод, что в них выделены практически те же общие признаки данного социально-правового явления, что и в зарубежных источниках. В их числе: насилие или угроза его применения, элемент запугивания (устрашения), цель понуждения государства, общества, отдельных граж-

¹ См.: Емельянов В.П. Терроризм и преступления террористической направленности. С.96-99.

² См.: там же. С.99.

³ См.: Хлебников И. Терроризм в современном мире // Юридическая газета, 1998, №21. С.3.

дан к определенным действиям или отказу от них.

Нам представляется, что в целом эти признаки отражают суть исследуемого явления, однако если вести речь об унифицированном определении, охватывающем все его конкретные проявления, некоторые моменты нуждаются в уточнении. Так, на наш взгляд, недостаточно корректным является использование в качестве одного из признаков терроризма термина «насилие». В юридической науке под физическим насилием понимается «общественно опасное противоправное воздействие на организм другого человека, совершенное против его воли», а под угрозой применения насилия – «воздействие на психическую сферу организма человека, выражающееся в запугивании его применением физического насилия»¹. По нашему мнению, терроризм не всегда связан с опасностью причинения смерти или вреда здоровью человека, так как он может влечь причинение имущественного ущерба, нарушение нормальной деятельности различных инфраструктур и другие последствия. Так, по данным исследований, проведенных М.П. Киреевым и С.А. Эфировым, в 1970 году 80% актов терроризма было направлено против собственности и 20% - против людей, а уже в 1998 году это соотношение было – пятьдесят на пятьдесят². Поэтому акцентирование внимания на насильственных методах совершения актов терроризма неизбежно приведет к ограниченному пониманию всего многообразия его проявлений, и повлечет ошибки в установлении комплекса причин, порождающих данное явление.

Нельзя согласиться и с тем, что терроризм совершается только путем действия, ведь аналогичное воздействие на намеченных субъектов, в ряде случаев, может осуществляться террористами и путем общественно опасного бездействия (например, посредством невыполнения обязанностей по отключению определенных производственных или технологических процессов в энергетике, на транспорте и т.п.).

Кроме того, террористы не всегда используют общепасные способы действий. Этот признак характерен не для всех террористических акций. Так, например, при совершении захвата заложников, посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля опасность для третьих лиц, нередко, отсутствует.

Итак, рассмотрев терроризм с этимологической, исторической, правовой и криминологической точек зрения, можно сделать вывод, что по своей правовой природе он представляет собой совершение или угрозу совершения общественно опасных действий (бездействия), направленных на устрашение населения или отдельных социальных групп, в целях прямого или косвенного воздействия на принятие какого-либо решения или отказ

¹ Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. – М.: Юридическая литература, 1974. С.3.

² См.: Киреев М.П., Эфиров С.А. Исторические и современные взгляды на природу терроризма // Уголовная политика и проблемы безопасности государства. Труды академии управления МВД России. – М., 1998. С.42.

от него государством, обществом или гражданином в интересах террористов или третьих лиц.

Что же касается решения вопроса о выработке единого понятия терроризма – как конкретного уголовно-наказуемого деяния, и закреплении его в отдельной статье Особенной части УК РФ, следует отметить два основных подхода.

Сторонники первого из них считают, что терроризм – это не отдельное преступление, а социально-правовое явление, ввиду многогранности которого сформулировать полностью охватывающую его диспозицию уголовно-правовой нормы невозможно¹.

Так, В.П. Ревин считает, что при попытке установления ответственности за терроризм в одной самостоятельной статье УК РФ описательность конкретной нормы входит в противоречие с масштабностью самого явления, которое не может быть «помещено» в одну статью Уголовного кодекса².

В свою очередь, В.В. Устинов, принимая во внимание трудность определения объекта терроризма, решение проблемы видит в возможном формулировании всего перечня преступлений террористической направленности в отдельном законе, как и всей совокупности специальных процессуальных и организационно-правовых вопросов, относящихся к сфере уголовно-правовой борьбы с терроризмом³. При этом он предлагает взять за основу дефиницию терроризма, содержащуюся в УК РФ, при одновременной конкретизации всех общественно опасных деяний, совершаемых в террористических целях.

А.В. Наумов, рассматривая данный вопрос, высказывает мысль о том, что достаточно общеправового понятия терроризма, а в УК лишь необходимо предусмотреть более полную совокупность преступлений, устанавливающих ответственность за его различные проявления⁴.

Свою точку зрения большинство сторонников рассматриваемого подхода аргументируют двумя принципиальными положениями: во-первых, очень политизированы и очень разнятся подходы к оценке проявлений терроризма; во-вторых, вряд ли можно втиснуть в прокрустово ложе одной правовой нормы весь широчайший спектр террористических проявлений, тем более что формы и тактика последних постоянно трансформи-

¹ См., например: Roberts A. Terrorism and international order // Terrorism and international order. - Routledge: Roy. Inst. Of intern, affairs, 1988. P.34.

² См.: Ревин В.П. Указ. соч. С.36.

³ См.: Устинов В.В. Правовое регулирование и механизмы противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации: действующая нормативно-правовая база и перспективы ее совершенствования. С.33.

⁴ См.: Терроризм: психологические корни и правовые оценки. «Круглый стол». С.33.

руются, видоизменяются¹. Кроме того, как утверждает Т.С. Бояр-Созонович, «по мере развития науки и техники постоянно будут возникать новые виды и формы терроризма, которые на каком-то этапе выпадут из поля действия уголовного закона»². Поэтому если в обществе складывается консенсус по поводу того, какие объекты и ценности нуждаются в абсолютной защите от террористических акций через установление ответственности за любые посягательства на такие объекты и ценности, то подобный путь оказывается и легитимным и полностью оправданным³.

Приверженцы другого подхода выступают за создание универсальной нормы Уголовного кодекса, базирующейся на существенных признаках терроризма. Без этого, по их мнению, значительно осложняется задача предупреждения и пресечения актов терроризма. Они однозначно отрицают точку зрения сторонников первого подхода, считая, что отсутствие самостоятельной статьи, устанавливающей ответственность за терроризм, ведет к произволу; к попранию многих ценностей демократического общества во имя эффективности обеспечения безопасности граждан и государственных учреждений, ликвидации террористических группировок; к отходу от борьбы с собственно терроризмом, потому что не принимаются во внимание мотивы преступлений, но абсолютизируется преследование и наказание за посягательство на лиц и объекты, представляющие особую ценность⁴.

Как видим, аргументация в обоих случаях довольно серьезная и во многом напоминает перетягивание каната. Вместе с тем, на наш взгляд, более убедительными выглядят аргументы сторонников первого подхода, которые считают, что закрепление понятия терроризма в отдельной статье Уголовного кодекса Российской Федерации не обязательно, так как сформулировать ее диспозицию, охватывающую как можно более полно всевозможные проявления исследуемого социально-правового феномена, будет довольно непросто. Разумеется, последний довод (сложность формулы диспозиции) сам по себе не является непреодолимой преградой на пути создания пусть даже очень громоздкой формулировки. Но не в этом глав-

¹ См.: Петрищев В.Е. Правовые и социально-политические проблемы борьбы с терроризмом // Государство и право, 1998, №3. С.90.

² Бояр-Созонович Т.С. Международный терроризм: политико-правовые аспекты. - Киев-Одесса: «Лыбидь», 1991. С. 119-120.

³ См.: Энтим М.Л. Сотрудничество в борьбе с терроризмом // Советский ежегодник международного права, 1988. С.123.

⁴ См.: Емельянов В.П. Проблемы ответственности за международный терроризм // Государство и право, 2000, №1. С.70-71; Карпец И.И. Международная преступность. - М.: Наука, 1988.С. 12; Крылов Н.Б., Решетов Ю.А. Государственный терроризм - угроза международной безопасности // Советское государство и право, 1987, №2. С.78; Федянин В.Ю. Проблемы выработки универсального определения терроризма // Московский журнал международного права, 1998, №1. С. 12-14.

ное. Полагаем, что решающим аргументом в пользу реализации идей первого подхода является то, что многочисленные террористические акции зачастую посягают на общественные отношения, лежащие в плоскости различных родовых объектов. Установить же уголовную ответственность за терроризм можно путем криминализации его конкретных проявлений в различных статьях УК, что в свою очередь позволит законодателю быстро реагировать на изменения содержания данного явления и возникновение его новых форм. Именно такой способ использован во многих зарубежных государствах¹ и однозначно вытекает из смысла вышеуказанного общеправового определения терроризма, закрепленного в Федеральном законе РФ от 6 марта 2006 года «О противодействии терроризму». Дополнительным аргументом в пользу поддерживаемого нами подхода являются изменения, внесенные в УК РФ Федеральным законом №153-ФЗ от 27 июля 2006 года, в соответствии с которыми ст.205 УК РФ получила новое название – «Террористический акт».

Результаты, полученные в процессе рассмотрения понятия терроризма под различными углами зрения, представляются достаточной базой для того, чтобы перейти к решению второй задачи настоящей главы – определению правовой природы видов преступлений террористической направленности (характера).

Федеральный закон РФ от 25 июля 1998 года «О борьбе с терроризмом» помимо состава ст.205 УК РФ относил к преступлениям террористической направленности следующие: ст.206 УК РФ «Захват заложника», ст.207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма», ст.208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем», ст.277 УК РФ «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля» и ст.360 УК РФ «Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой». Кроме того, по мнению законодателя, к ним могли быть отнесены и другие преступления, предусмотренные Уголовным кодексом РФ, если они совершены в террористических целях. Действующий Федеральный закон от 6 марта 2006 года «О противодействии терроризму» не содержит прямого указания на перечень преступлений террористической направленности. Вместе с тем из смысла ст.24 Закона следует, что законодатель усматривает террористические признаки в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 205-206, 208, 211, 277-280, 282¹, 282² и 360 УК РФ. Сам факт отсутствия в Законе прямого закрепления перечня преступлений террористической направленности, на наш взгляд, свидетельствует о том, что к ним могут относиться различные преступления, совершенные в террористических целях, в том числе и заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст.207 УК РФ), которое не отмечено в ст.24 рассматриваемого нормативного акта.

В научной литературе также нет единого мнения по вопросу об оп-

¹ См.: Ващенко Ю.В. Опыт борьбы с терроризмом за рубежом // Преступность и законодательство. – М.: Криминологическая Ассоциация, 1997. С.382.

ределении видов и классификации преступлений террористической направленности. Так, Ю.М. Антонян в зависимости от наличия признака «устрашение» выделяет «собственно террористические преступления» и «террористические преступления». При этом к первой группе он относит преступления, предусмотренные ст.ст. 205, 207 и 277 УК РФ, а ко второй – предусмотренные ст.ст. 126, 206, 211, 278, 279, 280, 281, 282, 294, 295, 317, 318, 357, 358, 360 УК РФ. По его мнению, «собственно террористическим» преступлениям однозначно присущ признак устрашения, а для составов «террористических» преступлений он не является обязательным, но может присутствовать в действиях лица¹.

В.С. Комиссаров считает, что к террористическим преступлениям следует относить составы, предусмотренные ст.ст. 205, 207, 277, 281, п.п. «б», «е» ч.2 ст.105, 295, 317 УК РФ. Причем автор разделяет их на три группы. Первую группу образуют преступления, направленные на причинение вреда неопределенно широкому кругу лиц, а общеопасный способ их совершения связан, в первую очередь, с причинением вреда личности, а уже во вторую – с уничтожением или повреждением материальных объектов (ст.ст. 205 и 207 УК РФ). Ко второй группе относятся преступления, направленные на подрыв конституционного строя и безопасности государства как важнейших, основополагающих элементов организации общества. Причинение вреда потерпевшим при осуществлении таких деяний является не самоцелью, а способом подрыва конституционного строя и безопасности государства (ст.ст. 277 и 281 УК РФ). Третья группа объединяет преступления, посягающие на охрану жизни либо конкретных лиц (ст.ст. 295 и 317 УК РФ), либо «безымянной», но индивидуально определенной личности (п. «б» ч.2 ст.105 УК РФ)².

Г.М. Миньковский и В.П. Ревин к террористическим деяниям помимо состава ст.205 УК РФ причисляют следующие: захват заложника (ст.206 УК РФ), организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст.208 УК РФ), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст.277 УК РФ), насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст.278 УК РФ), вооруженный мятеж (ст.279 УК РФ), диверсия (ст.281 УК РФ) и другие³.

С точки зрения М.В. Назаркина, перечень преступлений террористической направленности приведенный В.С. Комиссаровым, равно как и аналогичный перечень, составленный Г.М. Миньковским и В.П. Ревиным можно было бы дополнить следующими уголовно наказуемыми деяниями: убийство по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести (п. «л» ч.2 ст.105 УК РФ); умышленные уничтожение или повреждение имущества (ст.167 УК РФ); угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава

¹ См.: Антонян Ю.М. Указ. соч. С.11-12.

² См.: Комиссаров В.С. Указ. соч. С.64-65.

³ См.: Миньковский Г.М., Ревин В.П. Указ. соч. С.87.

(ст.211 УК РФ); геноцид (ст.357 УК РФ)¹.

С.У. Дикаев считает, что поскольку основным объектом терроризма является общественная безопасность, то перечень преступлений террористического характера должен включать составы, посягающие, в первую очередь, на общественную безопасность. Исключением могут быть только так называемые «конвенционные» нормы. В этой связи к преступлениям террористического характера он предлагает относить деяния, предусмотренные ст.ст. 205¹-212, 227, 277 и 360 УК РФ².

Т. Боголюбова отмечает, что обычно к преступлениям террористической направленности относят посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст.277 УК РФ), нападение на лиц или учреждения, пользующиеся международной защитой (ст.360 УК РФ)³, хотя террористический характер может носить любое из преступлений, предусмотренных ст.ст. 105, 111, 119, 126, 205, 211, 277, 281, 360 УК РФ и другими⁴.

По мнению О. Хлобустова, традиционный круг преступлений террористического характера следует несколько расширить, отнеся к ним, в частности, «умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст.167 УК РФ), бандитизм (ст.209 УК РФ), организацию массовых беспорядков (ст.212 УК РФ), посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст.295 УК РФ), угрозу или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст.296 УК РФ) и ряд других»⁵.

Аналогичную точку зрения высказывает И. Артамонов, который считает, что в определенный Законом «О борьбе с терроризмом» перечень преступлений террористического характера следует добавить деяния, предусмотренные ст.ст. 278 и 279 УК РФ⁶.

Г.В. Овчинникова делит все террористические преступления на собственно терроризм (ст.ст. 205 и 207 УК РФ) и иные преступления, отнесенные к проявлениям терроризма международными соглашениями, и наказуемые по национальному законодательству в соответствии со ст.ст. 206, 211, 277, 360 УК РФ. К общим признакам второй группы преступлений она относит:

1) открытость, демонстративность, иногда ультимативность дейст-

¹ См.: Назаркин М.В. Указ. соч. С.15-25.

² См.: Дикаев С.У. Теоретические проблемы установления смысловых границ в уголовно-правовом определении терроризма. // Уголовное право, 2004, №1. С.22.

³ См.: Боголюбова Т. Указ. соч. С.42.

⁴ См.: там же. С.43.

⁵ Хлобустов О. Терроризм – вне закона! // Юридическая газета, 1998, №27. С.3.

⁶ См.: Артамонов И. «Терроризм»: проблемы уголовной ответственности. // Уголовное право, 2002, №3. С.5.

вий и требований;

2) насилие, связанное, как правило, с общепасным способом действия;

3) причинение физического вреда или применение психического насилия в отношении неопределенного круга лиц, в том числе случайных, «невинных» жертв;

4) причинение материального вреда объектам не как самоцель (чтобы вывести их из строя, как при диверсии), а как средство воздействия на людей (население) или на власть (государство) в тех же целях;

5) транснациональный и международный характер¹.

М.Ю. Павлик три последних признака также считает обязательными для всех преступлений террористической направленности².

В.П. Емельянов в зависимости от выраженности признаков «терроризирования» в диспозициях статей Особенной части УК классифицирует все преступления террористической направленности на три группы:

Первую группу составляют преступления, в которых террористическая направленность деяния выражена в обязательных признаках, то есть, предусмотрена в самом составе, является его конструктивным признаком. К этой группе он относит более 15 составов преступлений: вымогательство (ст.163 УК РФ), захват заложника (ст.206 УК РФ), воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст.169 УК РФ) и другие.

Вторая группа включает преступления, в которых террористическая направленность деяния может быть усмотрена в качестве факультативного признака. К ним автор причисляет также около 15 составов, предусмотренных УК РФ, в том числе, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст.277 УК РФ), посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст.295 УК РФ), нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст.360 УК РФ) и ряд других преступлений.

И наконец, третья группа представлена преступлениями, которые в отдельных случаях и при определенных обстоятельствах могут обретать террористическую направленность. Это происходит тогда, когда такие деяния являются для субъекта не самоцелью, а средством достижения другой цели, то есть служат рычагом воздействия, запугивания и принуждения к принятию какого-либо решения или воздержанию от такового. По мнению В.П. Емельянова, практически любое насильственное преступление и некоторые умышленные ненасильственные преступления могут обрести подобное качество. Так, признаки терроризирования могут обретать: хищения; различные половые преступления, в целях склонения потерпев-

¹ См.: Овчинникова Г.В. Указ. соч. С.15-17.

² См.: Павлик М.Ю. Понятие преступлений террористической направленности (конвенционные) // Судебная реформа и эффективность деятельности органов суда, прокуратуры и следствия: Научно-практическая конференция молодых ученых. Тезисы выступлений. - СПб., 1998. С.67-68.

шего или его близких к принятию какого-либо решения; оставление в опасности, в целях склонения заинтересованных лиц к выгодному для виновного поведению и т.п. Однако для одних составов этой группы степень вероятности наличия такого признака деяния, как террористическая направленность, довольно велика, а для других (и их подавляющее большинство) она очень незначительна¹.

И.А. Кириллов к преступлениям террористической направленности предлагает относить:

- преступления, предусмотренные ст.ст. 205, 206, 227 УК РФ, в которых террористический характер безальтернативен;

- преступления, в составах которых признаки деяний террористического характера предусматриваются альтернативно с признаками других деяний. В эту группу он включает составы, предусмотренные ст.126, ч.2 ст.141, ч.3 ст.178, ч.ч. 2 и 3 ст.211, а также ст.ст. 277 и 360 УК РФ, если их диспозиции дополнить следующим положением: «в целях понуждения государства, международной организации, физического или юридического лица или группы лиц к принятию какого-либо решения или отказу от него»².

Для более полного представления о круге преступлений террористической направленности, рассмотрим, каким образом этот вопрос решен в законодательстве некоторых зарубежных государств.

Так, Закон Франции «О борьбе с терроризмом» (1986 год) определил круг преступлений, уже содержащихся в старом УК Франции, которые признавались террористическими в случае совершения их с «целью опасного нарушения общественного порядка путем запугивания или террора». Таких преступлений насчитывалось около 30, в том числе, умышленное уничтожение общественного и личного имущества граждан опасным для жизни и здоровья людей способом, умышленное убийство, захват воздушного судна³. В свою очередь новый УК Франции 1992 года в ст.421¹ устанавливает исчерпывающий перечень преступлений, которые при совершении их «с целью серьезно нарушить общественный порядок путем запугивания или террора» должны квалифицироваться как террористический акт, что влечет за собой существенное повышение санкций и не позволяет превращать террористический акт в особый состав преступления⁴.

Закон Турции «О борьбе с терроризмом» (1991 год) в ст.3 определяет, что как терроризм квалифицируются преступления, предусмотренные ст.ст. 171 и 172 УК Турции. А ст.4 Закона предписывает относить к деяниям террористического характера ряд других составов, а именно: преступ-

¹ См.: Емельянов В.П. Терроризм и преступления террористической направленности. С.100-138.

² Кириллов И.А. Указ. соч. С.33.

³ Цит. по кн.: Петрищев В.Е. Правовые и социально-политические проблемы борьбы с терроризмом. С.91.

⁴ Цит. по кн.: Ващенко Ю.В. Указ. соч. С.382.

ления, предусмотренные п.п. «в», «с», и «е» ст.9 Закона «О создании судов государственной безопасности», а также около 10 составов общеуголовных преступлений, если они совершены в террористических целях (изменение государственного устройства, подрыв государственных начал, национальной и государственной целостности, нарушение основных прав и свобод, причинение вреда общественному строю и другие)¹.

Обобщая рассмотренные нами точки зрения ученых и законодательные положения, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, до сих пор нет единого подхода к названию данной группы преступлений. В Федеральном законе РФ «О борьбе с терроризмом» они именовались «преступлениями террористического характера», в ряде источников «преступлениями террористической направленности», и даже «преступлениями с признаками терроризирования». Нам представляется, что последнее название является слишком широким, так как охватывает большое количество деяний, в том числе и общеуголовных. Что же касается двух других, то в целом они аналогичны, так как в русском языке слово «характер» обозначает отличительное свойство, особенность, качество чего-нибудь², а «направленность» - сосредоточенность мыслей, интересов, направленных к одной цели³, следовательно, оба эти слова указывают на то, что рассматриваемые преступления характеризуются общим признаком, отличающим их от других преступлений – совершение в террористических целях. Однако нам представляется, что слово «направленность» по своему смыслу все-таки более точно подходит для обозначения отличительной особенности данной группы преступлений, к тому же УК РФ уже употребляет его в ст.282¹ по отношению к экстремистским преступлениям. Поэтому в дальнейшем, во избежание путаницы, мы будем использовать формулировку – «преступления террористической направленности».

Во-вторых, дискуссионным остается вопрос об определении самого перечня преступлений террористической направленности. Перечень, установленный законодательными актами, посвященными борьбе с терроризмом, ставится некоторыми авторами под сомнение. Так, И. Кириллов полагает, что из него следует исключить преступления, предусмотренные ст.ст. 207 и 208 УК РФ, так как они не содержат основного признака состава ст.205 УК РФ – соответствующая цель. А в деяниях, предусмотренных ст.ст. 277 и 360 УК РФ, террористический характер деяния является лишь факультативным признаком⁴. Аналогичную точку зрения, на этот

¹ Цит. по кн.: Петрищев В.Е. Правовые и социально-политические проблемы борьбы с терроризмом. С.90.

² См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз. 1984. С.765.

³ См.: там же. С. 341.

⁴ См.: Кириллов И. Указ. соч. С.33.

счет, высказывает С.В. Помазан¹.

По нашему мнению, при определении видов преступлений террористической направленности целесообразно придерживаться перечня, предложенного в ранее действовавшем Федеральном законе РФ «О борьбе с терроризмом», который не нуждается в излишнем расширении, так как включает в себя преступления, традиционно признаваемые международным сообществом частными формами терроризма, и, кроме того, позволяет относить к рассматриваемой группе и другие преступления при наличии террористической цели их совершения.

Однако сам этот перечень, думается, нуждается в некоторой корректировке. Так, на наш взгляд, сомнительна необходимость включения в него ст.208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем», так как данное преступление будет приобретать террористическую направленность лишь в случае совершения его в террористических целях. Помимо этого, непонятно, чем руководствуется законодатель, когда данное преступление относит к преступлениям террористической направленности, а преступление, предусмотренное ст.210 УК РФ «Организация преступного сообщества», выносит за пределы указанной группы, хотя основное различие деяний, предусмотренных ст.ст. 208 и 210 УК РФ состоит лишь в степени общественной опасности.

Помимо этого, мы считаем необходимым добавить в рассматриваемый перечень еще три состава преступления. Во-первых, ст.205¹ УК РФ «Содействие террористической деятельности» и ст.205² УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма», введенные в действие Федеральным законом РФ от 27 июля 2006 года №153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму», так как они однозначно имеют террористическую направленность. Во-вторых, преступление, предусмотренное ст.211 УК РФ «Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава», которое в международном праве традиционно считается одним из проявлений терроризма (Токийская конвенция о преступлениях и некоторых других действиях, совершаемых на борту воздушного судна 1963 года; Гаагская конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 года; Монреальская конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971

¹ См.: Помазан С.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия терроризму: Дисс. канд. юрид. наук. - М.: Академия управления МВД России, 2001. С.94-95.

года)¹. Тем более что в ст.205¹ УК РФ и ст.24 Федерального закона «О противодействии терроризму» законодатель и сам относит состав преступления, предусмотренный ст.211 УК РФ наряду с другими деяниями к преступлениям террористической направленности.

Таким образом, к преступлениям, на наш взгляд, однозначно имеющим террористическую направленность, следует относить: террористический акт (ст.205 УК РФ), содействие террористической деятельности (ст.205¹ УК РФ), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст.205² УК РФ), захват заложника (ст.206 УК РФ), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст.207 УК РФ), угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст.211 УК РФ), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст.277 УК РФ) и нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст.360 УК РФ). При этом, по нашему мнению, нельзя отказываться от законодательного положения о том, что к рассматриваемой группе могут быть отнесены и другие преступления, предусмотренные Уголовным кодексом РФ, если они совершены в террористических целях.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод, что терроризм это сложное социально-правовое явление, понимание которого в историко-этимологическом, общеправовом, уголовно-правовом, криминологическом и международно-правовом аспектах существенно различается. При этом наиболее узким является уголовно-правовое понятие терроризма, которое поглощается широкими криминологическими определениями данного феномена. Вопрос об определении признаков и круга преступлений террористической направленности также является предметом научной дискуссии. Анализ различных подходов к его решению позволяет предположить, что наиболее приемлемым для достижения научных и прикладных целей является, с учетом обозначенных корректив, перечень преступлений террористической направленности, содержащийся в ранее действовавшем Федеральном законе РФ «О борьбе с терроризмом».

¹ См.: Ляхов А.Г. Преступления против безопасности международной гражданской авиации и советское уголовное законодательство // Советское государство и право, 1989. №7. С.124-128.

Глава II. Юридический анализ состава преступления террористический акт

§1. Объективные признаки, характеризующие состав преступления террористический акт

По смыслу ст.8 УК РФ, единственным и достаточным основанием для квалификации содеянного по ст.205 УК РФ «Террористический акт» и последующего привлечения к уголовной ответственности за это преступление является наличие в совершенном деянии всех признаков состава преступления, предусмотренного данной статьей.

Значимость института состава преступления неоспорима, однако нормативного определения его понятия нет, оно разработано в теории уголовного права. Под составом преступления понимают совокупность установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление¹.

Традиционно в науке уголовного права в структуре состава преступления выделяют элементы и признаки. Следуя правилам формальной логики, воспроизведем их в самом общем виде, поскольку теория подробнейшим образом давно установила, а практика подтвердила их жизнеспособность и значимость.

Элементы состава – это отдельные части его структуры, характеризующиеся группой признаков. Всего их четыре: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона². Под признаками состава преступления понимают конкретные законодательные характеристики наиболее существенных свойств преступления, позволяющие отграничить один состав от другого. Признаки состава преступления соответствуют его четырем элементам и делятся на признаки, характеризующие объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону преступления. Кроме того, в зависимости от наличия их во всех составах или только в некоторых, они классифицируются соответственно на обязательные (основные, необходимые) и факультативные (дополнительные, специальные). Вместе с тем и

¹ См.: Российское уголовное право. В двух томах. Том I. Общая часть / Под ред. проф. А.И. Рарога. – М.: Профобразование, 2003. С. 90; Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – М.: Юристъ, 1999. С.84; Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная. Учебник / Под общ. ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина и С.В. Максимова.- М.: Юриспруденция, 1999. С.76; Российское уголовное право. Общая часть. / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Спарк, 1997. С.84; Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. – М.: Юрид. лит., 1974. С.164; Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. – М.: Московский университет, 1984. С.32; Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. – М., 1961. С.108.

² См., например: Карпушин М.П., Курляндский В.И. Указ. соч. С.173-174.

обязательные и факультативные признаки, включенные в состав конкретного преступления, называют конструктивными, при этом факультативные признаки приобретают значение обязательных¹.

Юридическая характеристика любого состава преступления предполагает анализ совокупности всех присущих ему признаков. Соответственно давая юридическую характеристику состава террористического акта необходимо проанализировать признаки, относящиеся к его объекту, объективной стороне, субъекту, субъективной стороне, а также квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки, отягчающие ответственность за рассматриваемое преступление.

Анализ состава террористического акта представляется целесообразным начать с объекта, поскольку содержание именно этого элемента позволяет определить направленность преступного деяния и характер его общественной опасности.

Под объектом преступления традиционно понимают охраняемые уголовным законом общественные отношения, на которые посягает преступление и которым причиняется или может быть причинен вред². Как элемент состава преступления объект характеризуется рядом признаков: обязательным – общественные отношения, охраняемые уголовным законом, и факультативными – дополнительный объект, предмет преступления и потерпевший³.

Объект преступления принято классифицировать по вертикали и по горизонтали. По вертикали обычно выделяют общий, родовой, видовой и непосредственный объекты преступления⁴. Классификация по горизонтали проводится на уровне непосредственного объекта, который подразделяется на основной, дополнительный и факультативный⁵.

В УК РФ норма об ответственности за террористический акт поме-

¹ См.: Уголовное право. Общая часть. Учебник / Под. Ред. Л.Д. Гаухмана и Л.М. Колодкина. – М.: МИ МВД России, 1997. С.119-120; Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. С.96-97.

² См.: Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. – М.: Госюриздат, 1957. С. 124; Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1960. С.4; Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно правовой охраны. – М.: Академия МВД СССР, 1980. С. 17-27; Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. – М., 1963. С.167-168.

³ См.: Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная. Учебник / Под общей ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина и С.В. Максимова. С.94-95.

⁴ См.: Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений. Учебное пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1976. С.21-29.

⁵ См.: Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. – Свердловск, 1969. С.213; Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С.80-83.

щена законодателем в главу 24, именуемую «Преступления против общественной безопасности», которая в свою очередь входит в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Исходя из этого, родовым объектом террористического акта являются общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность и общественный порядок, а видовым – общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность. Здесь оснований для теоретических споров не усматривается в силу точности законодательных формулировок.

Между тем, вопрос об определении непосредственного объекта террористического акта является предметом научной дискуссии. Большинство авторов считают террористический акт многообъектным преступлением, посягающим на общественную безопасность, нормальное функционирование органов власти, жизнь и здоровье человека, а также имущество. При этом общественная безопасность признается ими основным объектом, а остальные дополнительными¹.

Однако, В.Ф. Антоненко, напротив, полагает, что общественная безопасность не может быть основным объектом преступления, предусмотренного ст.205 УК РФ. По его мнению, основной объект данного преступления – национальные и наднациональные институты (в их различных вариантах), посягая на которые виновные лица достигают или стремятся достигнуть своей главной цели².

В.П. Емельянов утверждает, что непосредственным основным объектом террористического акта выступают общественные отношения, обеспечивающие предотвращение и устранение общей опасности насильственного причинения вреда правоохраняемым интересам неопределенного числа конкретных участников этих отношений, дополнительным объектом являются те общественные отношения, которые обеспечивают нормальное функционирование органов власти, а факультативными объектами могут быть отношения, обеспечивающие охрану жизни, здоровья, собственности и т.п.³.

Другие авторы отстаивают иную позицию, согласно которой террористический акт посягает исключительно на общественную безопасность, включающую в себя весь комплекс отношений по защите личности, мате-

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под общей ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. – М.: ИНФРА-М-НОРМА, 2002. С.487; Российское уголовное право. Особенная часть. / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Спарк, 1997. С.230; Российское уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. М.П. Журавлева и С.И. Никулина. – М.: Спарк, 1998. С.221 и др.

² См.: Антоненко В. Понятие терроризма (уголовно-правовой аспект) / Право Украины. 1999. №2. С.93.

³ См.: Емельянов В.П. Терроризм и преступления террористической направленности. С.149-150.

риальных ценностей, социальных институтов, окружающей среды и др.¹. Так, В.С. Комиссаров считает, что посягательство на общественную безопасность неизбежно связано либо с угрозой указанным благам, либо с причинением им реального вреда, поэтому в таких преступлениях отсутствует дополнительный объект². По мнению Г.В. Овчинниковой, это подтверждается изучением механизма причинения вреда общественной безопасности, ведь «без взрыва, поджога, угрозы не может быть самого террористического акта, а эти действия, в свою очередь, невозможны без причинения вреда личности или собственности, или хотя бы угрозы его причинения»³.

Аналогичную точку зрения высказывают В.В. Мальцев и Ю.В. Франциферов, которые считают, что единственным объектом террористического акта является общественная (общая) безопасность, то есть отношения, обеспечивающие безопасность неопределенного числа членов общества⁴.

Из изложенных точек зрения, нам представляется наиболее приемлемой первая, как было отмечено, поддерживаемая большинством авторов. Соответственно, непосредственным основным объектом террористического акта, по нашему мнению, являются отношения, обеспечивающие основы общественной безопасности. Дополнительный же объект образуют общественные отношения, нарушаемые одновременно с основным объектом и поглощаемые им. К ним можно отнести: отношения, обеспечивающие безопасность жизни и здоровья личности; отношения собственности; отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов власти.

Рассмотрим обозначенные понятия. В словаре С.И. Ожегова, «безопасность» – это состояние, при котором не угрожает опасность кому-нибудь или чему-нибудь⁵, а «опасность» – это способность причинить какой-нибудь вред, а также угроза жизни и здоровью человека, иным его ценностям⁶. Таким образом, понятие безопасности определяется через об-

¹ См.: Боголюбова Т. Указ. соч. С.40; Гринько С.Д. Борьба с терроризмом и захватом заложника (уголовно-правовые и криминологические проблемы): Автореф. канд. дисс. - Ростов-на-Дону, 1998. С.15; Тер-Акопов А.А. Новое в уголовном праве России Учебное пособие. – М.: МНЭПУ, 1995. С.42.

² См.: Комиссаров В.С. Преступления, нарушающие общие правила безопасности (понятие, система, общая характеристика): Автореф. докт. дисс. – М., 1997. С.12-13.

³ Овчинникова Г.В. Указ. соч. С.17.

⁴ См.: Мальцев В.В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования // Государство и право. 1998. №8. С.104; Франциферов Ю.В. Терроризм – преступление против общественной безопасности // История государства и права. 2000. №1. С.41-43.

⁵ См.: Ожегов С.И. Указ. соч. С.47.

⁶ См.: Там же. С.451.

ратное ему понятие – «опасность».

Законодательно понятие безопасности впервые было закреплено в ч.1 ст.1 Закона РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 года: «Безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»¹. Под жизненно важными интересами в Законе понимается совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства. К основным объектам безопасности Закон относит: личность – ее права и свободы, общество – его материальные и духовные ценности, государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальную целостность.

В ст.13 Закона РФ «О безопасности» перечисляются виды безопасности, в числе которых выделяется и общественная безопасность, однако ее определения нет ни в этом Законе, ни в других нормативных актах РФ. Нет единообразного подхода к пониманию рассматриваемого понятия и в юридической науке. В силу значимости безопасности в современной жизни личности, общества и государства, только в последние годы общественная безопасность в самых разных аспектах являлась предметом рассмотрения многочисленных исследований, и каждый из авторов пытался дать свое определение данного термина с привязкой, разумеется, к предмету исследования.

Так, П.С. Матышевский считает, что общественная безопасность предполагает введение определенной системы мер и создание необходимых условий, обеспечивающих спокойное и беспрепятственное функционирование государственных и общественных предприятий, учреждений и организаций, а также спокойствие граждан². У А.Ю. Шумилова, общественная безопасность – это урегулированная нормами права и морали система общественных отношений, выраженная в защищенности жизненно важных интересов человека, общественного порядка, нормального функционирования государственных органов и общественных организаций от угроз, исходящих от деяний лиц, совершающих правонарушения или нарушающих нормы морали, явлений негативного природного и техногенного характера³. Такие же широкие дефиниции предлагаются и другими учеными⁴, но по справедливому замечанию Тихого В.П., они носят слишком

¹ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1992, №15, Ст.769.

² См.: Матышевский П.С. Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. – М.: Юрид. лит., 1964. С.8.

³ См.: Правовое обеспечение противодействия терроризму: Справочное пособие / Автор-сост. А.Ю. Шумилов. – М.: Издатель Шумилова И.И., 1998. С.37.

⁴ См.: Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. Учебное пособие. – М.: ВИТ МВД СССР, 1970. С.5.

общий характер и не дают полного и достаточно четкого представления о содержании и специфических признаках рассматриваемого явления¹. Стоит заметить, что при такой трактовке общественной безопасности недопустимо расширяется круг посягающих на нее преступлений, что имеет своим следствием сложности, связанные с их квалификацией и отграничением друг от друга.

Другие авторы, наоборот, слишком узко трактуют понятие общественной безопасности, связывая его лишь с источниками повышенной опасности². По нашему мнению, прав С.У. Дикаев, который считает такой подход не совсем удачным для современных реалий, так как при нем не учитывается, что преступления против общественной безопасности могут посягать и на отношения, не связанные с нарушением правил обращения с источниками повышенной опасности³. Аналогичной точки зрения придерживается и А.Н. Позднышов⁴.

Принципиально иной подход к проблеме определения понятия «общественная безопасность» предложил В.П. Тихий, который рассматривает его на четырех уровнях: в самом широком, широком, узком смысле слова и как родовой объект преступлений против общественной безопасности. На первом уровне (в самом широком смысле слова) общественная безопасность трактуется им как безопасность общества от различных опасных источников, на втором (в широком смысле слова) – как безопасность общества от общественно опасных посягательств. Третий уровень понятия (в узком смысле слова) использовался уголовным законом в главе X Особенной части УК РСФСР – «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения»⁵. Наконец, на четвертом уровне общественная безопасность выступает как родовой объект со-

¹ См.: Тихий В.П. Квалификация преступлений против общественной безопасности: Учебное пособие. – Харьков: Харьковский юридический институт, 1981. С. 13.

² См.: Антипов В.И. Уголовно-правовая борьба с посягательствами на общественную безопасность: Учебное пособие. – Киев: КВШ МВД СССР, 1987. С.9; Гришанин П.Ф., Владимиров В.А. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. Учебное пособие. – М.: ВШ МООП РСФСР, 1962. С.4; Ефимов М.А. Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. – Минск: Высшая школа, 1971. С. 5.

³ См.: Дикаев С.У. Общественная безопасность как основной объект уголовно-правовой охраны при терроризме // Следователь. 2003. №7. С.61.

⁴ См.: Позднышов А.Н. К вопросу о понятии общественной безопасности // Юрист правовед: научно-теоретический и информационно-методический журнал РЮИ МВД России. 2003. №2(7). С.76-77.

⁵ См.: Тихий В.П. Проблемы уголовно-правовой охраны общественной безопасности (Понятие и система преступлений, совершенствование законодательства): Автореф. докт. дисс. – Харьков, 1987. С.9-11.

ответствующих преступлений и представляет собой определенную систему общественных отношений, обеспечивающих предотвращение и устранение общей опасности насильственного причинения вреда охраняемым интересам в целом, гарантирующих тем самым их устойчивость и надежность¹.

Указанный многоуровневый подход к определению этого понятия представляется рациональным и часто используется в настоящее время в различных модификациях. Когда речь идет о родовом объекте преступлений, предусмотренных разделом IX УК РФ – «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», то под общественной безопасностью (в широком смысле) понимают совокупность общественных отношений, направленных на обеспечение и поддержание безопасных условий функционирования общества и общественного порядка; здоровья населения и общественной нравственности; экологической безопасности; безопасности движения и эксплуатации транспорта; безопасности в процессе использования компьютерной информации. В случаях, когда говорят о видовом объекте преступлений, предусмотренных главой 24 УК РФ – «Преступления против общественной безопасности», то общественная безопасность (в узком смысле слова) определяется как совокупность общественных отношений, обеспечивающих безопасные условия жизни общества; общественный порядок; безопасность при производстве различного рода работ; безопасность в процессе обращения с предметами, веществами и материалами общепасного характера.

Компоненты общественной безопасности (в узком смысле слова) выступают непосредственными объектами отдельных видов преступлений, включенных законодателем в главу 24 УК РФ. Исходя из специфики предмета исследования, нас интересует первый из указанных компонентов – интересы в сфере обеспечения безопасных условий жизни общества. Это непосредственный объект таких преступлений, как террористический акт (ст.205 УК РФ), захват заложника (ст.206 УК РФ), бандитизм (ст.209 УК РФ), организация преступного сообщества (преступной организации) (ст.210 УК РФ) и некоторых других². Важно указать, что этот элемент не связан с нарушением правил при производстве различных работ или при обращении с источниками повышенной опасности. Отличается он и от отношений, обеспечивающих общественный порядок.

Рассматриваемый нами объект преступного посягательства является составной частью общественной безопасности (в широком смысле слова), вобравшей в себя нормальные условия существования общества. В этом случае его можно определить как основы общественной безопасности, которые включают в себя совокупность общественных отношений по обес-

¹ См.: Тихий В.П. Квалификация преступлений против общественной безопасности. С.14.

² См.: Российское уголовное право. В двух томах. Том II. Особенная часть / Под ред. проф. А.И. Рарога. – М.: Профобразование, 2003. С. 376-378.

печению неприкосновенности жизни и здоровья граждан, общественного спокойствия, имущественных интересов физических и юридических лиц, нормальной деятельности государственных и общественных институтов. При этом сами эти общественные отношения являются дополнительными объектами террористического акта, которые поглощаются непосредственным основным объектом данного преступления - основами общественной безопасности.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что под основами общественной безопасности следует понимать одну из составляющих общественной безопасности как видового объекта преступлений, предусмотренных главой 24 УК РФ, не связанную ни с посягательством на общественный порядок, ни с нарушением специальных правил ведения различных работ или обращения с предметами, веществами и материалами общепасного характера, представляющую собой совокупность общественных отношений, обеспечивающих базовые условия безопасного существования общества.

Перечень дополнительных объектов террористического акта, повлекшего по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия (ч.3 ст.205 УК РФ) помимо отношений, обеспечивающих неприкосновенность жизни и здоровья человека, отношений собственности, а также отношений, обеспечивающих нормальное функционирование органов власти, может дополняться другими общественными отношениями в зависимости от того, какого рода тяжкие последствия повлекло за собой совершение террористического акта или угроза его совершения.

В случае, когда террористический акт или угроза его совершения сопряжены с посягательством на объекты использования атомной энергии (ч.3 ст.205 УК РФ), обязательным признаком анализируемого элемента состава преступления является еще и предмет. В юридической литературе предметом преступления признается «материальный субстрат, предмет материального мира..., в связи с которым или по поводу которого совершается преступление, на который непосредственно воздействует преступник, совершая преступление»¹. В данной ситуации предметом террористического акта выступают объекты использования атомной энергии. Посягательство на них значительно повышает общественную опасность указанного преступления, так как предполагаемые последствия могут затронуть не только национальные, но и международные интересы.

Как видим, приведенная развернутая юридическая характеристика объекта рассматриваемого состава преступления дает нам возможность четкого определения его важнейших признаков, имеющих, как это будет показано в дальнейшем, существенное значение при квалификации террористического акта и «отмежевании» его от иных составов преступлений. Не менее значимым в данном контексте, на наш взгляд, является анализ

¹ Гаухман Л.Д. Объект преступления. Лекция. – М.: Академия МВД РФ, 1992. С.23.

объективной стороны террористического акта, ведь именно по ее признакам, как правило, производится первоначальное суждение о квалификации содеянного по ст.205 УК РФ.

В теории уголовного права под объективной стороной преступления понимают совокупность установленных законом внешних признаков преступного поведения человека¹. Она представляет собой процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы, рассматриваемый с его внешней стороны, с точки зрения последовательного развития тех событий и явлений, которые начинаются с преступного действия (бездействия) субъекта и заканчиваются наступлением преступного результата².

В группу признаков, характеризующих этот элемент состава преступления, входят: общественно опасное деяние (в форме действия или бездействия), общественно опасные последствия, причинная связь между общественно опасным деянием и общественно опасными последствиями, время, место, способ, обстановка, орудия и средства совершения преступления. Однако среди ученых нет единства в вопросе деления признаков объективной стороны на обязательные и факультативные. Одни из них к обязательным относят общественно опасное действие (бездействие), вредные последствия, наступающие в результате его совершения, и причинную связь между ними, не учитывая при этом, что в формальных составах два последних признака отсутствуют³.

Другие авторы считают, и, на наш взгляд, это наиболее приемлемая позиция, что обязательным признаком объективной стороны является только общественно опасное деяние, а все остальные – факультативными, так как обязательные (основные, необходимые) – это признаки, присущие всем конкретным составам преступления⁴.

Существует и третий вариант классификации, когда наряду с обязательным (общественно опасное деяние) и факультативными (время, место, способ, обстановка, орудия и средства совершения преступления) выделяются еще и основные признаки, наиболее часто, но не всегда включаемые в диспозицию норм Особенной части УК РФ (общественно опасное

¹ См.: Гришанин П.Ф. Вопросы общей части уголовного права социалистических государств. Учебное пособие. – М.: Академия МВД СССР, 1988. С.39; Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1991. С.18; Куринов Б.А. Указ. соч. С.69.

² См.: Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления, - М.: Госюриздат, 1960. С.9.

³ См.: Трайнин А.Н. Указ. соч. С.132-133; Куринов Б.А. Указ. соч. С.71.

⁴ См.: Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. С.128; Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. – М.: БЕК, 1999. С.157.

последствие и причинная связь)¹.

Очевидно, что ч.1 ст.205 УК РФ содержит сразу два основных состава преступления:

1) совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями;

2) угроза совершения указанных действий в тех же целях.

Объективная сторона первого основного состава характеризуется следующими признаками: деянием, последствием и причинной связью между ними.

Общественно опасное деяние может выражаться альтернативно в совершении взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население, причем перечень последних оставлен законодателем открытым. Некоторые авторы критически подходят к такому описанию деяния террористического акта. Так, В.П. Емельянов считает, что способ совершения преступления уместно выделять лишь тогда, когда это позволяет отграничить один состав преступления от другого либо предусмотреть квалифицирующий признак состава². Нам представляется, что указанный прием законодательного описания деяния террористического акта не является случайным. Он имеет своей целью обратить внимание правоприменителя на специфику способа совершения данного преступления – его общественную опасность.

Взрыв – это освобождение большого количества энергии в ограниченном объеме за короткий промежуток времени. Взрыв приводит к образованию сильно нагретого газа с очень высоким давлением, который при расширении оказывает механическое воздействие (давление, разрушение) на окружающие предметы³. По своей природе различают физический, ядерный (атомный), электромагнитный, механический и химический взрывы⁴. Чаще всего взрыв осуществляется за счет освобождения химической энергии взрывчатых веществ.

В свою очередь под взрывчатыми веществами согласно п.3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 года №5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»

¹ См.: Уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. Л.Д. Гаухмана и Л.М. Колодкина. – М.: МИ МВД России, 1997. С.151.

² См.: Емельянов В.П. Терроризм и преступления террористической направленности. С.150.

³ См.: Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. – М.: Издательство БЕК, 1997. С.32.

⁴ См.: Моторный И.Д. Криминалистическая взрывотехника: новое учение в криминалистике: Учебно-методическое и справочное пособие. – М.: Издатель Шуилова И.И., 2000. С.26.

следует понимать химические соединения или механические смеси веществ, способные к быстрому самораспространяющемуся химическому превращению, взрыву без доступа кислорода воздуха¹.

Среди взрывчатых веществ, по способу их применения, выделяют: а) инициирующие (первичные), предназначенные для возбуждения взрывчатых превращений в зарядах (гремучая ртуть, азид свинца, тетразен и др.); б) бризантные (вторичные), используемые для снаряжения боеприпасов и взрывных устройств (тротил, гексоген, октоген, нитроглицерин, пластид и др.); в) метательные (дымный и бездымный порох, ракетное топливо и др.)².

По данным специалистов ФСБ России, в последние годы при совершении многих террористических актов (например, в 2003 году на Тушинском поле, в центре Москвы на 1-й Тверской-Ямской улице и др.), использовался пластид. В качестве основной причины выбора террористами именно этого взрывчатого вещества выделяется то, что даже в небольшом размере оно обладает серьезным поражающим действием³.

Использование при террористических актах энергии взрыва взрывчатых веществ всегда сопряжено с изготовлением и последующим применением взрывных устройств.

Пленум Верховного Суда в указанном Постановлении предписывает под взрывными устройствами понимать промышленные и самодельные изделия, функционально объединяющие взрывчатое вещество и приспособление для инициирования взрыва (запал, взрыватель, детонатор и т.п.). К взрывным устройствам промышленного производства относятся, в частности, боеприпасы, под которыми понимаются предметы вооружения и метаемое снаряжение, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной, метательный, пиротехнический или вышибной заряды либо их сочетание (артиллерийские снаряды и мины, военно-инженерные подрывные заряды и мины, ручные и реактивные противотанковые гранаты, боевые ракеты, авиабомбы и т.п.)⁴.

По типу механизма приведения в действие взрывные устройства подразделяются на огневые, химические, механические, электрические, радиоуправляемые и смешанные⁵.

В качестве примера можно привести электрические самодельные взрывные устройства, использованные террористами при взрывах жилых домов в сентябре 1999 года в Буйнакске, Москве и Волгодонске. Согласно опубликованным данным, элементы взрывных устройств во всех четырех террористических актах были идентичны: взрывоспособная смесь, со-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ, 2002, №10. С.5.

² См.: Моторный И.Д. Указ. соч. С.17.

³ См.: Взрывная волна докатилась до центра Москвы // Российская газета. 2003. 11 июля.

⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ, 2002, №10. С.5-6.

⁵ См.: Моторный И.Д. Указ. соч. С.156.

стоящая из тротила, аммиачной селитры и алюминиевой пудры; пластид в качестве промежуточного заряда взрывчатого вещества; электродетонаторы; предохранительно-исполнительный механизм (таймер-замедлитель), сделанный на базе электронных часов¹.

Применение при террористическом акте взрывчатых веществ, взрывных устройств и боеприпасов требует, в зависимости от фактических обстоятельств дела, дополнительной квалификации по ст.ст. 222, 223 или 226 УК РФ.

По данным некоторых исследований, 35% террористических актов совершается взрывом².

Поджог – это преднамеренное вызывание пожара, то есть неконтролируемого процесса горения, сопровождающегося уничтожением материальных ценностей и создающего опасность для жизни людей³.

В контексте рассмотрения первого основного состава террористического акта под «иными» следует понимать самые разнообразные действия, устрашающие население, схожие с вышеперечисленными по опасности и возможным последствиям. Это может быть устройство обвалов, затоплений, камнепадов; заражение источников воды и запасов продовольствия; выведение из строя систем водоснабжения, теплоснабжения и электрообеспечения; блокирование транспортных коммуникаций; устройство аварий и крушений на транспорте; захват, разрушение зданий, вокзалов, портов, культурных и религиозных сооружений; распространение болезнетворных микробов, способных вызывать эпидемии или эпизоотии, иное химическое или бактериологическое заражение местности и т.д.⁴. Кстати говоря, по мнению академика Г.А. Онищенко, из всего перечисленного биотерроризм представляет наибольшую угрозу современному мировому сообществу, ведь согласно статистике Всемирной организации здравоохранения, каждый год в мире умирает 51 миллион человек, из них 16 миллионов по причине инфекционных и паразитарных болезней. В связи с этим сложно представить себе последствия массового распространения террористами возбудителей инфекционных заболеваний, учитывая,

¹ См.: Кровавый террор / Сост. В. Ставицкий. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С.4-5, 135.

² См.: Киреев М.П. Проблемы борьбы органов внутренних дел с актами терроризма // Терроризм: современные аспекты. Сборник научных статей. – М., 1999. С.6.

³ См.: Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1986. С.1023.

⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева, С.246; Российское уголовное право. В двух томах. Том II. Особенная часть / Под ред. проф. А.И. Рарога. С.381; Овчинникова Г.В. Указ. соч. С. 18; Емельянов В.П. Терроризм и преступления террористической направленности. С. 150.

что для вирусов не существует границ¹.

Ряд авторов полагают, что в указанный перечень могут быть включены не только единичные, разовые действия, но и продолжаемые деяния, состоящие из ряда взаимосвязанных посягательств на жизнь, здоровье, имущество, объединенные общим замыслом и целью запугать население².

Нам представляется, что подобное расширительное толкование ст.205 УК РФ в большей степени подходит для криминологического понимания террористического акта, а в уголовно-правовом контексте для обозначения подобных ситуаций стоит пользоваться устоявшимся и общепринятым понятием совокупности преступлений.

Следующий важный момент, на который необходимо обратить внимание, это то, что, по смыслу законодательной конструкции ст.205 УК РФ, объективная сторона террористического акта характеризуется лишь активными формами человеческого поведения (в диспозиции ч.1 ст.205 УК РФ применяются термины: «взрыв», «поджог», «иные действия», «указанных действий»). Однако, на наш взгляд, террористический акт может быть совершен и путем бездействия, например, посредством невыполнения обязанностей, связанных со своевременным отключением производственных или технологических процессов на транспорте, в промышленности и т.д.³. Тем более что в частях 2 и 3 ст.205 УК РФ законодателем уже используется термин «деяние», который охватывает и действие и бездействие.

Общественно опасное последствие террористического акта состоит в создании опасности – альтернативно:

- 1) гибели человека;
- 2) причинения значительного имущественного ущерба;
- 3) наступления иных тяжких последствий.

Опасность наступления любого из перечисленных последствий должна быть реальной. Мы склонны согласиться с мнением ряда авторов, которые считают, что реальность грозящей опасности следует оценивать на основе анализа имеющихся данных о времени, месте, обстановке, способе и других обстоятельствах совершения конкретного террористического акта. При этом необходимо учитывать информацию о личности преступников, их профессиональной подготовке, наличии у них оружия, взрывчатых веществ, а также сведения о влиянии на механизм преступного посягательства случайных обстоятельств (скопления людей, техники, транспортных средств и т.д.)⁴.

¹ См.: Террор под микроскопом // Российская газета. 2004. 29 января.

² См.: Киреев М.П. Уголовно-правовые основы борьбы органов безопасности и органов внутренних дел с террористической деятельностью. С.58; Кириллов И.А. Уголовно-правовые меры борьбы с терроризмом. Лекция. – М.: Академия управления МВД России, 1999. С.7.

³ См. также: Мальцев В.В. Указ. соч. С.104.

⁴ См.: Антонян Ю.М. Указ. соч. С.276; Овчинникова Г.В. Указ. соч. С.19; Кириллов И.А. Уголовно-правовые меры борьбы с терроризмом. Лекция. С.8-9.

По нашему мнению, законодательное положение о том, что деяние должно создавать опасность гибели человека, является более точным, чем содержащееся в ст.205 УК РФ до 27 июля 2006 года указание на создание опасности гибели людей¹.

«Значительный имущественный ущерб» – оценочный признак. Он использован законодателем при описании объективной стороны таких преступлений, как кража (п. «в» ч.2 ст.158 УК РФ), мошенничество (ч.2 ст.159 УК РФ); умышленное уничтожение или повреждение имущества (ч.1 ст.167 УК РФ) и др.

Между тем, в нашем случае имеется ряд сложностей, суть которых состоит в следующем.

Во-первых, в соответствии с п.2 Примечания к ст.158 УК РФ значительный ущерб определяется с учетом имущественного положения потерпевшего, но не может составлять менее двух тысяч пятисот рублей². Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 27 декабря 2002 года №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указал, что квалифицирующий признак «причинение значительного ущерба гражданину» может быть инкриминирован виновному лишь в случае, когда в результате совершенного преступления потерпевшему был реально причинен значительный для него материальный ущерб³.

Во-вторых, В.В. Мальцев считает, что «значительный имущественный ущерб» в ст.205 УК РФ должен определяться аналогичным образом⁴. Думается, что с подобным утверждением в принципе можно согласиться, но с оговоркой Г.В. Овчинниковой, которая замечает, что в статьях предусматривающих преступления против собственности, речь идет о причинении ущерба конкретному гражданину, а в ст.205 УК РФ он определяет посягательство на общественную безопасность и должен быть адекватен по характеру целям террористического акта и другим последствиям, предусмотренным ст.205 УК РФ⁵.

И наконец, вполне справедливо утверждение о том, что еще сложнее оценивать характер опасности причинения ущерба религиозным и культурным ценностям, а также объектам, имеющим символическое значение, так как для этого потребуется проведение судебных экспертиз, в том числе комплексных⁶.

¹ См. также: Антонян Ю.М. Указ. соч. С.278; Кириллов И.А. Уголовно-правовые меры борьбы с терроризмом. Лекция. С.9.

² См.: Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: «Проспект», 2004. С.96.

³ См.: Российская газета. 2003. 23 января.

⁴ Мальцев В.В. Ответственность за терроризм // Российская юстиция. 1997. №11. С.35; Мальцев В.В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования, С.105.

⁵ См.: Овчинникова Г.В. Указ. соч. С.20.

⁶ См.: Антонян Ю.М. Указ. соч. С.278; Кириллов И.А. Уголовно-правовые меры борьбы с терроризмом. Лекция. С.9.

Интересна и противоположная позиция относительно данного оценочного признака объективной стороны террористического акта.

Так, ряд авторов высказывает мнение вообще о нецелесообразности использования при характеристике террористического акта такого признака, как создание опасности причинения значительного имущественного ущерба. Они обосновывают его тем, что, исходя из направленности рассматриваемого преступления, факт причинения значительного или незначительного имущественного ущерба при совершении его отдельных актов не является определяющим¹. А сам сугубо оценочный признак – «создание опасности причинения значительного имущественного ущерба» - не способствует стабильности следственной и судебной практики, и в итоге позволяет работникам правоохранительных органов манипулировать с показателями, характеризующими рост либо снижение случаев совершения террористических актов, следовательно, и их раскрываемости².

Нам представляется, что указанное предложение продиктовано некоторой узостью подхода к определению термина «значительный имущественный ущерб», который в ст.205 УК РФ, как уже отмечалось, имеет несколько иное значение, чем в статьях, входящих в главу 21 УК РФ – «Преступления против собственности». Кроме того, вряд ли справедливо связывать террористический акт только с созданием опасности причинения вреда личности, так как в этом случае не охватывается весь спектр возможных террористических проявлений.

Остановимся теперь на положении уголовного закона, которое указывает на возможную опасность наступления иных тяжких последствий. На наш взгляд, данный термин представляется более корректным, чем тот, который использовался законодателем до 27 июля 2006 года – «иные общественно опасные последствия» по следующим причинам. Как справедливо замечает В.В. Мальцев, опасность наступления общественно опасных последствий присуща всем без исключения преступлениям³. В связи с этим давно напрашивалась более точная характеристика таких последствий, которая дана путем указания в тексте закона на их тяжесть. В самом деле, отнесение к числу последствий террористического акта, не являющихся таковыми, то есть не наносящих существенного вреда общественной безопасности, приведет к тому, что как террористический акт будут квалифицироваться деяния, общественная опасность которых невелика. К тому же и в ст.213³ УК РСФСР 1960 года (Терроризм) речь шла о совершении деяний, создающих опасность наступления «иных тяжких последствий». Такими последствиями могут быть: причинение тяжкого вреда

¹ См.: Байрак Г.Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с терроризмом. Дисс. канд. юрид. наук. – Краснодар, 2003. С.28; Мальцев В.В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования. С.105.

² См.: Байрак Г.Ф. Указ. соч. С.27.

³ См.: Мальцев В.В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования, С.105.

здоровью граждан; нарушение работы служб жизнеобеспечения; дезорганизация деятельности органов власти¹; дестабилизация обстановки в населенном пункте²; создание паники, беспорядков среди значительных групп населения³ и другие.

Не меньшее значение имеет такой обязательный признак объективной стороны первого основного состава террористического акта как причинная связь между общественно опасным деянием и последствием.

Рассматриваемое преступление признается оконченным с момента наступления последствия в виде опасности гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий. Это обстоятельство определяется тем, что анализируемый состав по конструкции объективной стороны является составом опасности (разновидность материального состава)⁴. Хотя некоторые авторы полагают, что террористический акт – преступление с формальным⁵ или усеченным составом⁶, так как не признают общественно опасными последствиями опасность их наступления – как следствие совершенного деяния.

Завершая характеристику объективной стороны первого основного состава террористического акта, важно, на наш взгляд, обратить внимание на такие факультативные признаки, как место и время совершения преступления. Несмотря на то, что они не включены в конструкцию статьи 205 УК РФ и, следовательно, напрямую не влияют на квалификацию, их учет необходим при производстве первоначального суждения о квалификации совершенного деяния как террористического акта. Высказанная точка зрения подтверждается и правоприменительной практикой, так, например, при совершении террористического акта в московском метрополитене в феврале 2004 года, именно выбор террористами места – вагон поезда и времени – 8 часов 32 минуты (утренний час пик), определил такое большое количество жертв (более 30 погибших, около 50 раненых), и несомненно

¹ См.: Киреев М.П. Уголовно-правовые основы борьбы органов безопасности и органов внутренних дел с террористической деятельностью. С.58; Антонян Ю.М. Указ. соч. С.278; Гринько С.Д. Указ. соч. С.16; Тер-Акопов А.А. Новое в уголовном праве России. Учебное пособие. С.43.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под общей ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. С.487.

³ См.: Овчинникова Г.В. Указ. соч. С.20.

⁴ См.: Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная. Учебник / Под общ. ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина и С.В. Максимова. С.550.

⁵ См.: Киреев М.П. Уголовно-правовые основы борьбы органов безопасности и органов внутренних дел с террористической деятельностью. С.58; Кириллов И.А. Уголовно-правовые меры борьбы с терроризмом. Лекция. С.8; Емельянов В.П. Терроризм и преступления террористической направленности. С. 151.

⁶ См.: Уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. – М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 2000. С.372.

подчеркнул направленность действий террористов на устрашение населения¹.

Второй основной состав террористического акта с позиции объективной стороны характеризуется деянием в виде угрозы совершения действий, указанных в диспозиции ст.205 УК РФ.

В уголовном праве под угрозой принято понимать вид психического насилия, характеризующийся следующими основными признаками:

- внешне выраженной решимостью совершить действие, направленное на причинение вреда благу другого;

- реальностью (то есть способностью угрозы вызвать убеждение в возможности ее осуществления). Оценка реальности угрозы должна осуществляться при учете как объективных, так и субъективных обстоятельств. Например, не может быть признана реальной угроза, которая по объективным причинам не была воспринята потерпевшим, равно как и объективно неосуществимая угроза².

Представляется, что под угрозой в ч.1 ст.205 УК РФ следует понимать прямое высказывание о намерении совершить террористический акт, исходящее, как правило, от лица, готовящего его совершение.

Относительно того, должна ли данная угроза быть реально подкрепленной совершением конкретных действий (приобретением взрывчатых веществ, изготовлением или установкой взрывного устройства), мнение ученых двояко. Так, одни утверждают, что подобные подготовительные действия для оценки угрозы как реальной необходимы. Одного лишь факта обнаружения умысла, по их мнению, недостаточно³. Другие, наоборот, полагают, что не имеет значения, намеривались ли действительно террористы исполнить угрозу и была ли у них реальная возможность к тому. Они считают достаточным самого факта высказывания террористами угрозы для достижения целей, определенных в законе, при условии, что оно вызвало опасение ее осуществления⁴.

Последняя точка зрения, на наш взгляд, является наиболее приемлемой. В качестве дополнительного аргумента можно привести формулировку диспозиции ст.119 УК РФ, в которой говорится об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если «имелись основания опа-

¹ См.: Взрыв в метро // Российская газета. 2004. 7 февраля.

² См.: Костров Г.К. Уголовно-правовое значение угрозы: Автореф. канд. дисс. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1970. С.5-9.; Стерехов Н.В. Ответственность за угрозу по советскому уголовному праву (вопросы теории и практики): Автореф. канд. дисс. – Свердловск; Свердловский юридический институт, 1972. С.6-8.

³ См.: Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования (уголовно-правовое исследование). - М.: NOTA BENE, 2000. С.245; Мальцев В.В. Ответственность за терроризм. С.35.

⁴ См.: Сумин А. Вопросы борьбы с терроризмом // Законность. 1999. №11. С.2-3; Антонян Ю.М. Указ. соч. С.279-280; Кириллов И.А. Уголовно-правовые меры борьбы с терроризмом. Лекция. С. 10.

саться осуществления этой угрозы».

По форме выражения угроза совершения террористического акта может быть любой (устная, письменная, с использованием современных средств связи). Она может высказываться открыто или анонимно, одному человеку или широкому кругу лиц.

Второй основной состав террористического акта будет признаваться оконченным с момента выражения угрозы. То есть состав в данном случае является формальным.

Следует отметить, что в отечественном законодательстве угроза стала оцениваться как оконченный террористический акт только в УК РФ. С одной стороны, введение такого положения является вполне оправданным, так как уже само сообщение о возможных действиях, создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, способно породить страх, панику, вызвать беспорядки, дезорганизовать работу транспорта, предприятий, учреждений, организаций, вынудить государственные органы проводить сложные предупредительные мероприятия¹. Однако, с другой стороны, трудно не согласиться с мнением о том, что совмещение в ст.205 УК РФ двух разных составов преступлений (собственно террористического акта и угрозы его совершения) не обоснованно, так как общественная опасность данных деяний несопоставима². Уместной является аналогия с убийством – преступлением, также отличающимся повышенной степенью общественной опасности, - и угрозой совершения убийства. В соответствии со ст.105 УК РФ убийство без отягчающих обстоятельств наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет, а при наличии квалифицирующих признаков – от восьми до двадцати лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью. Угроза же убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, согласно ст.119 УК РФ, наказывается ограничением свободы до двух лет, либо арестом на срок до четырех месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

В уголовно-правовой литературе рассматривается несколько способов решения обозначенной проблемы. Так, В.В. Мальцев предлагает дополнить ст.207 УК РФ (Заведомо ложное сообщение об акте терроризма) частью второй, предусмотрев в ней за угрозу совершения террористического акта наказание до пяти лет лишения свободы, изменив соответственно и наименование ст.207 УК РФ³. Однако, думается, что такой подход

¹ См.: Петрищев В.Е. Проблемы профилактики терроризма в России // Преступность: стратегия борьбы. Под ред. А.И. Долговой. – М.: Криминологическая Ассоциация, 1997. С.86.

² См.: Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. Монография. – СПб.: СПБИВЭСЭП, Знание, 2000. С.244-246; Мальцев В.В. Ответственность за терроризм. С.36.

³ См.: Мальцев В.В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования. С.107.

является не совсем верным, так как его реализация создаст лишь дополнительные трудности в отграничении угрозы совершения террористического акта от заведомо ложного сообщения о нем.

На наш взгляд, более правильным будет решение, суть которого состоит в том, что угроза совершения террористического акта выделяется в качестве самостоятельной части ст.205 УК РФ или даже отдельной статьи, с возможностью назначения более мягкого наказания¹. По такому пути уже пошел белорусский законодатель, предусмотрев в УК Республики Беларусь 1999 года ответственность за терроризм и за угрозу совершения акта терроризма соответственно в ст.ст. 289 и 290.

Завершая характеристику объективной стороны террористического акта, стоит, вероятно, согласиться с В.В. Мальцевым и С.Ф. Милюковым, по мнению которых, главный изъян современной конструкции данного состава заключается в том, что при несомненной направленности этого деяния против жизни человека (как правило, многих людей), умышленное причинение смерти не охватывается рамками состава².

В данном случае весьма резонным представляется объяснение указанной проблемы, предложенное С.Ф. Милюковым, который усматривает причины такого построения нормы в плоскости уголовной политики, в частности, ее международного аспекта. В самом деле, логично, что законодатель стремится иметь в Уголовном кодексе как можно меньше статей, где в качестве наказания фигурирует смертная казнь³. Выделение же за рамки ст.205 УК РФ умышленного причинения смерти при совершении террористического акта выхолащивает содержание общественной безопасности как объекта уголовно-правовой охраны, превращая, в свою очередь, и действующую норму о террористическом акте в норму, искусственно лишенную всякого реального содержания⁴.

Таким образом, проведенный анализ признаков объекта и объективной стороны террористического акта подтверждает их несомненную важность для квалификации, особенно на первоначальном этапе, так как именно эти признаки характеризуют внешнее проявление рассматриваемого преступления. Однако юридическая характеристика состава преступления предполагает подробное изучение совокупности всех присущих ему признаков, в связи с чем необходимо уделить внимание признакам субъекта и субъективной стороны террористического акта, тем более что, с уче-

¹ См.: Гаухман Л.Д. Проблемы уголовно-правовой борьбы с терроризмом // Законность. 2001. №5. С.6; Милюков С.Ф. Указ. соч. С.244-246; Кириллов И.А. Проблемы современного терроризма в социально-правовом, криминологическом и уголовно-правовом аспектах. С.32-33.

² См.: Милюков С.Ф. Указ. соч. С.245; Мальцев В.В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования. С.106.

³ См.: Милюков С.Ф. Указ. соч. С.245.

⁴ См.: Мальцев В.В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования. С.106.

том специфики предмета исследования, их точное установление имеет не меньшее значение для правильной квалификации данного преступления и его «отмежевания» от смежных составов.

§2. Субъективные признаки, характеризующие состав преступления террористического акта

Под субъектом преступления в уголовном праве понимают лицо, совершившее общественно опасное деяние, ответственность за которое установлена уголовным законом, и способное нести за него уголовную ответственность¹. Законодатель не оперирует термином «субъект преступления», но использует понятие «лицо, подлежащее уголовной ответственности» (глава 4 УК РФ).

В уголовном законе (ст.19 УК РФ) и в теории уголовного права указываются следующие общие (обязательные, основные) признаки субъекта преступления: физическое лицо, то есть принадлежность к человеческому роду; вменяемость; достижение возраста, установленного уголовным законом².

В ряде случаев в Особенной части УК РФ предусматривается наличие специальных (факультативных, дополнительных) признаков, характеризующих лицо, совершившее конкретное преступление. Субъекты, обладающие помимо общих еще и специальными признаками, соответственно именуются в теории уголовного права специальными³. В качестве таких специальных признаков могут выступать гражданский, служебный, образовательный, профессиональный статусы, демографические признаки и др.

Таким образом, по смыслу указанных положений Общей части УК РФ и диспозиции ст.205 УК РФ, субъектом террористического акта может быть любое физическое вменяемое лицо, достигшее на момент совершения преступления установленного уголовным законом возраста. Исходя из этого, можно заключить, что субъект террористического акта – общий, и ему должны быть свойственны указанные признаки.

¹ См.: Лазарев А.М. Субъект преступления. Учебное пособие для студентов ВЗЮИ. – М.: ВЗЮИ, 1981. С.3; Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. С.203; Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная. Учебник / Под общ. ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина и С.В. Максимова. С. 106.

² См.: Орлов В.С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1958. С.29; Пионтковский А.А. Указ. соч. С.244-245; Лазарев А.М. Указ. соч. С.3-8, 14-38; Иванов В.Д., Мазуков С.Х. Субъект преступления. - Ростов-на-Дону: Издательство «Булат», 1998. С.4-10, 15.

³ См.: Лазарев А.М. Указ. соч. С.9-10; Семенов С.А. Специальный субъект преступления в уголовном праве: Автореф. канд. дисс. - М.: Академия управления МВД РФ, 1999. С.8, 15; Иванов В.Д., Мазуков С.Х. Указ. соч. С.13.

Рассмотрим их более подробно. Первый признак, согласно ст.ст. 11-13 УК РФ, означает, что субъектом террористического акта может быть только физическое лицо, то есть гражданин РФ, иностранный гражданин или лицо без гражданства. Уголовная ответственность юридических лиц не предусмотрена УК РФ, хотя идея ее установления до недавнего времени активно обсуждалась в уголовно-правовой науке и на законодательном уровне¹. Между тем, положительное решение указанного вопроса противоречило бы одному из основных принципов уголовного права – принципу вины (ст.5 УК РФ)².

Сама по себе ответственность юридических лиц в российском праве это теоретически не разработанный вид ответственности, сочетающий в себе гражданско-правовые и уголовно-процессуальные элементы³. В связи с этим нельзя говорить, в частности, об уголовной ответственности террористической организации. К уголовной ответственности могут быть привлечены лишь физические лица – члены этой организации, признанные виновными в террористической деятельности.

Второй обязательный признак субъекта террористического акта это вменяемость. УК РФ не содержит определения вменяемости, раскрывая в ст.21 лишь противоположное ему понятие невменяемости. Поэтому в теории уголовного права вменяемость определяется как понятие обратное невменяемости, то есть состояние психики, при котором человек способен осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими⁴. Вывод о вменяемости или невменяемости конкретного лица делает суд на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы.

Третьим признаком субъекта террористического акта является достижение им установленного уголовным законом возраста. В соответствии с ч.2 ст.20 УК РФ уголовной ответственности за террористический акт подлежат лица, достигшие к моменту совершения преступления четырнадцатилетнего возраста. Отметим, что в ранее действовавшем УК РСФСР возраст уголовной ответственности за терроризм был аналогичным. Таким образом, террористический акт отнесен законодателем к числу преступлений с пониженным возрастом уголовной ответственности, если учитывать,

¹ См.: Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ // Уголовное право: новые идеи / Под ред. С.Г. Келиной и А.В. Наумова. – М., 1994. С.50-60; Преступление и наказание. Комментарий к проекту Уголовного кодекса России / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и А.В. Наумова. – М., 1993. С.297-301.

² См.: Лазарев А.М. Указ. соч. С.3; Иванов В.Д., Мазуков С.Х. Указ. соч. С.4.

³ См.: Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная. Учебник / Под общ. ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина и С.В. Максимова. С. 107.

⁴ См.: Российское уголовное право. В двух томах. Том I. Общая часть / Под ред. проф. А.И. Рарога. С.217; Иванов В.Д., Мазуков С.Х. Указ. соч. С.5; Лазарев А.М. Указ. соч. С.27-28.

что общий возраст ее наступления – 16 лет.

Однако существует мнение о том, что установление пониженного возраста уголовной ответственности за террористический акт не совсем оправдано. Так, О. Качмазов считает, что повышенная общественная опасность данного преступления не может выступать единственным основанием для снижения возраста уголовной ответственности. При определении возраста уголовной ответственности за каждое конкретное преступление в первую очередь следует исходить из способности лица его совершающего, по достижении указанного возраста, осознавать фактический характер и общественную опасность данного преступления. В свою очередь, умыслом несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет, которые, по мнению законодателя, не могут четко оценивать опасность посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля и диверсии (уголовная ответственность за данные преступления наступает с 16 лет) и преследовать цель прекращения государственной или иной политической деятельности государственного или общественного деятеля либо цель подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации, цель террористического акта – воздействие на принятие решений органами власти или международными организациями, тем более не может охватываться¹. Аналогичной точки зрения придерживается и Г.Ф. Байрак².

Однако, как представляется, приведенные аргументы не столь существенны, чтобы признать ошибочным установление законодателем пониженного возраста уголовной ответственности за рассматриваемое преступление, по крайней мере, по следующим причинам. Во-первых, можно и должно вести речь о возможности осознания подростком не столько целей террористического акта, сколько и, в первую очередь, общественной опасности самого деяния, образующего его объективную сторону. В самом деле, сегодня редкий четырнадцатилетний подросток не в полной мере может осознавать опасность взрыва, поджога и иных подобных действий. Во-вторых, как справедливо отмечает Ю.М. Антонян, установление пониженного возраста уголовной ответственности за террористический акт обусловлено ростом количества данных преступлений, совершаемых несовершеннолетними³. И наконец, в-третьих, нельзя упускать из виду и то, что законодателем установлен 14-летний возрастной предел не только за совершение рассматриваемого преступления, но и за ряд преступлений террористической направленности (ст.ст. 206 и 207 УК РФ), что несомненно имеет определенный сдерживающий, превентивный эффект, «адресованный» как самим 14-летним террористам, так и тем, кто готовит их, натаскивает, учит метать гранату или поджигать с полным осознанием содеянного.

¹ См.: Качмазов О. Уголовная ответственность за терроризм // Законность. 1998. №8. С.30.

² См.: Байрак Г.Ф. Указ. соч. С.38.

³ См.: Антонян Ю.М. Указ. соч. С.280.

Сказанное «лишний» раз подтверждает правильность установления уголовной ответственности за террористический акт с четырнадцатилетнего возраста. Что же касается тех лиц, которые по достижении указанного возраста вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения террористического акта не могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, то они в соответствии с ч.3 ст.20 УК РФ не будут подлежать уголовной ответственности. Здесь исключений из общего правила, как видим, нет.

При рассмотрении признаков субъекта террористического акта несомненный интерес представляет вопрос о юридической оценке действий виновного лица, совершившего данное преступление вместе с невменяемым или не достигшим четырнадцатилетнего возраста лицом, либо использовавшего указанных лиц для его совершения.

В первом случае, когда преступление совершается, например двумя лицами, одно из которых не может быть субъектом террористического акта по причине невменяемости или недостижения возраста уголовной ответственности, действия другого лица, вменяемого и достигшего установленного возраста, будут квалифицироваться как совершение преступления одним лицом, а не в соучастии¹.

Во втором случае, при умышленном использовании лицом, обладающим признаками субъекта террористического акта, для выполнения объективной стороны данного преступления других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу невменяемости либо недостижения возраста уголовной ответственности, его действия будут рассматриваться как «посредственное исполнение» и повлекут в соответствии с ч.2 ст.33 УК РФ уголовную ответственность за содеянное как исполнителя преступления.

Кроме того, если будет установлено, что несовершеннолетний подстрекался к совершению террористического акта лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, то последнее понесет ответственность не только за соучастие в террористическом акте, но и за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления по ст.150 УК РФ².

Следующий важнейший и неотъемлемый элемент состава террористического акта – субъективная сторона. Это наиболее сложный и трудно устанавливаемый элемент данного состава преступления. Не случайно именно в вопросах установления признаков субъективной стороны терро-

¹ См.: П.7 постановления №7 Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 года «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2000, №4. С.11.

² См.: Там же. С.12.

ристического акта часто допускаются ошибки на практике¹.

В теории уголовного права субъективная сторона преступления – это совокупность предусмотренных уголовным законом признаков, характеризующих психическую деятельность лица, непосредственно связанную с совершением преступления². Данный элемент состава отражает процессы, протекающие в психике виновного, не поддающиеся непосредственному восприятию органами чувств человека, установление которых возможно только через анализ поведения преступника и обстоятельств совершения преступления³.

Содержание субъективной стороны состава преступления традиционно раскрывается с помощью таких признаков, как вина, мотив, цель и эмоции. При этом вина является обязательным признаком, а мотив, цель и эмоции – факультативными⁴.

Анализ диспозиции ст.205 УК РФ показывает, что субъективная сторона террористического акта характеризуется двумя обязательными для квалификации признаками: вина и специальная цель.

Практика свидетельствует о том, что установление признаков субъективной стороны террористического акта (и, прежде всего, специальной цели) вызывает наибольшие затруднения при квалификации. В этой связи представляется целесообразным остановиться на них более подробно.

Для точного определения формы и вида вины, с которыми совершается данное преступление, необходимо обратить внимание на следующие законодательные и теоретические положения:

- во-первых, во всех случаях, когда в статье Особенной части УК РФ отсутствует специальное указание на то, что предусмотренное ею преступление совершается только по неосторожности, оно может быть совершено умышленно или по неосторожности, либо только умышленно (ч.2 ст.24 УК РФ);

- во-вторых, наличие в ст.205 УК РФ указания на специальную цель исключает возможность совершения предусмотренного ею преступления с косвенным умыслом, а тем более по неосторожности. Такое преступление может совершаться только с прямым умыслом⁵;

- в-третьих, как уже отмечалось, при угрозе совершения террористического акта состав данного преступления является формальным. В науке

¹ См.: Дагель П.С., Михеев Р.И. Установление субъективной стороны преступления (учебное пособие). – Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 1972. С.5-8.

² См.: Гаухман Л.Д. Субъективная сторона преступления (сравнительно-правовой аспект). Лекция. – М.: Академия МВД РФ, 1992, С.7.

³ См.: Дагель П.С., Михеев Р.И. Указ. соч С.8-11.

⁴ См.: Иванов В.Д., Мазуков С.Х. Субъективная сторона преступления. - Ростов-на-Дону: Издательство «Булат», 1999. С.4; Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. С. 161.

⁵ См.: Рарог А.И. Вина и квалификация преступлений. – М.: ВЮЗИ, 1982. С.33.

уголовного права общепринятым считается положение, согласно которому умышленные преступления с формальным составом могут совершаться только с прямым умыслом¹. Применительно к таким преступлениям нельзя говорить о косвенном умысле, так как его волевое содержание в виде сознательного допущения либо безразличного отношения законом связано исключительно с общественно опасными последствиями, входящими в объективную сторону только материальных составов.

Приведенные положения позволяют сделать вывод о том, что террористический акт может совершаться исключительно с прямым умыслом, установление которого является одной из важнейших задач при квалификации данного преступления. В этой связи, на наш взгляд, совершенно прав Н.Г. Кадников, который отмечает, что в случае, когда будет доказано, что лицо при совершении террористического акта желало наступления таких последствий, как гибель человека, причинение вреда его здоровью и т.п., его действия должны квалифицироваться по совокупности с преступлениями, предусмотренными соответствующими статьями УК РФ (ст.ст.105, 111 УК РФ и др.)².

Так как в ч.1 ст.205 УК РФ содержится два основных состава преступления, один из которых является материальным (при совершении террористического акта), а другой формальным (при угрозе его совершения), представляется целесообразным раскрыть содержание прямого умысла отдельно для каждого из них.

Прежде всего, нельзя не заметить, что в уголовном законе определение прямого умысла сформулировано применительно к материальным составам преступлений (ч.2 ст.25 УК РФ). Оно характеризуется сочетанием двух моментов психического отношения лица к содеянному: интеллектуального и волевого. Первый, интеллектуальный момент, выражается в осознании общественной опасности своих действий (бездействия), то есть того, что относится к настоящему времени (на момент совершения деяния), второй – в предвидении возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий, то есть того, что относится к будущему времени. Наконец, волевой момент прямого умысла состоит в желании наступления этих последствий. Таким образом, действуя с прямым умыслом, виновный в совершении террористического акта осознает, что совершает взрыв, поджог или иные подобные действия, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде создания опасности гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий и желает наступления этих последствий.

¹ См.: Гаухман Л.Д. Субъективная сторона преступления (сравнительно-правовой аспект). Лекция. С.31; Рарог А.И. Вина и квалификация преступлений. С.39; Иванов В.Д., Мазуков С.Х. Субъективная сторона преступления. С.16.

² См.: Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. – М.: НОРМА, 2003. С.103.

Важно иметь в виду, что определение прямого умысла применительно к формальным составам, каковым является угроза совершения террористического акта, несколько усечено¹. В них объективным признаком, воплощающим общественную опасность преступного деяния, является общественно опасное действие или бездействие, в связи с чем форма вины определяется характером интеллектуального и волевого отношения именно к этому признаку².

Исходя из этого, в рассматриваемом нами случае прямой умысел выражается в осознании виновным того, что он угрожает совершением взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, и в желании действовать таким образом.

В науке уголовного права и судебной практике помимо закрепленных законодательно прямого и косвенного умысла выделяют и другие его виды. Так, по времени возникновения умысел классифицируют на заранее обдуманый и внезапно возникший, последний из которых, в свою очередь, подразделяется на простой и аффектированный³.

По данным исследования, проведенного Ю.Н. Дерюгиной, террористические акты совершаются чаще всего с заранее обдуманным умыслом⁴. Он характеризуется наличием периода формирования и реализуется в преступлении через более или менее значительный промежуток времени после возникновения. В это время субъект укрепляется в решимости совершить общественно опасное деяние, учитывает противоборствующие факторы, избирает способы и средства их преодоления, составляет план осуществления своего намерения. Во многих случаях заранее обдуманый умысел свидетельствует о повышенной опасности субъекта преступления, о его настойчивости, а иногда – изощренности и коварстве в достижении цели⁵.

Террористические акты, совершенные с таким умыслом, отличаются тщательной спланированностью; определением места совершения преступления, а также объекта, на который нацелен террористический акт; подбором орудий и средств совершения преступления, распределением ролей между соучастниками, специальной подготовкой исполнителей преступления и т.д. Так, сегодня уже ни для кого не секрет, что взрывают жилых до-

¹ См.: Гаухман Л.Д. Субъективная сторона преступления (сравнительно-правовой аспект). Лекция. С.30.

² См.: Рарог А.И. Общая теория вины в уголовном праве: Учебное пособие. – М.: ВЮЗИ, 1980. С.53.

³ См.: Там же. С.47-49.

⁴ См.: Дерюгина Ю.Н. Терроризм: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Дисс. канд. юрид. наук. - М.: Московский институт МВД РФ, 2001. С.150.

⁵ Подробнее см.: Рарог А.И. Общая теория вины в уголовном праве. Учебное пособие. С.48.

мов в г. Москве и г. Волгодонске в 1999 году предшествовала серьезная подготовка, которая включала в себя не только изготовление взрывных устройств и их доставку в указанные города, но и тщательную подготовку исполнителей данных террористических актов.

Приведенная классификация умысла имеет не только криминологическое, но и несомненное уголовно-правовое значение. Так, например, только при заранее обдуманном умысле могут быть стадия приготовления к преступлению и соучастие, выражающееся в совершении преступления группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)¹. Иными словами, совершение преступлений, предусмотренных п. «а» ч.2 и ч.3 (в случае совершения его организованной группой) ст.205 УК РФ, возможно только с заранее обдуманным умыслом.

Особого рассмотрения требует признак вины при совершении террористического акта, повлекшего по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия (ч.3 ст.205 УК РФ). В соответствии со ст.27 УК РФ это преступление с двумя формами вины: прямой умысел по отношению к террористическому акту, и неосторожность в виде легкомыслия или небрежности по отношению к смерти человека или иным тяжким последствиям. В целом такое преступление законодатель предписывает считать умышленным.

В данной ситуации мы имеем дело с неоднородным психическим отношением виновного к совершению террористического акта или к угрозе его совершения, которые сами по себе уже являются преступлением, и к последствиям, как квалифицирующим признакам. По отношению к таким последствиям у террориста имеет место неосторожная форма вины, которая может выражаться как в виде легкомыслия, так и в виде небрежности.

Причинение по неосторожности смерти нескольким лицам в результате совершения террористического акта охватывается данной нормой и дополнительной квалификации по ст.109 УК РФ, предусматривающей ответственность за причинение смерти по неосторожности, не требует. Это следует, в частности, из сравнительного анализа санкций указанных норм.

Помимо вины, обязательным признаком субъективной стороны террористического акта является специальная цель, в качестве которой выступает воздействие на принятие решения органами власти или международными организациями.

Для квалификации содеянного как террористического акта по ст.205 УК РФ точное установление данного признака имеет очень большое значение. Специфика современного терроризма в России состоит в том, что зачастую после совершения взрывов, поджогов и иных подобных действий никакая террористическая организация не берет на себя ответственность за них и ни каких требований не высказывается. Кроме того, во многих слу-

¹ См.: Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная. Учебник / Под общ. ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина и С.В. Максимова. С. 126-127.

чаях совершения подобных действий лица их совершившие не устанавливаются. Все это существенно затрудняет определение и последующее доказывание цели, которую преследовали преступники. Практика показывает, что данное обстоятельство чаще других бывает причиной переквалификации содеянного в ходе предварительного расследования либо в суде со ст.205 УК РФ на другие статьи УК. Представляется, что в случае, когда цель не установлена, содеянное должно квалифицироваться в зависимости от фактически наступивших последствий по ст.105 УК РФ, ст.167 УК РФ и др.

Следует заметить, что до внесения изменений в УК РФ 27 июля 2006 года для квалификации содеянного по ст.205 УК РФ необходимо было установить наличие хотя бы одной из трех преступных целей – нарушение общественной безопасности, устрашение населения, оказание воздействия на принятие решений органами власти. В ст.213³ УК РСФСР «Терроризм» предусматривались такие же цели за исключением «устрашения населения».

Воздействие на принятие решения органами власти или международными организациями выражается в побуждении, подталкивании соответствующих субъектов к совершению действий, нужных и выгодных для террористов, ради которых они применяют столь изощренные способы, создают такие ситуации, когда органы власти или международные организации вынуждены принимать незаконные решения ради обеспечения безопасности граждан и общества¹.

Что же касается упразднения из диспозиции ст.205 УК РФ двух из трех вышеуказанных целей, то оно на наш взгляд вполне оправдано.

Так, в научной литературе уже давно высказывалась мысль о некорректности выделения в диспозиции ст.205 УК РФ в качестве цели террористического акта «нарушения общественной безопасности», так как общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность, образуют родовую объект всех преступлений, помещенных в главу 24 УК РФ². С одной стороны, это ведет к возможности расширительного толкования и, соответственно, к трудностям при отграничении террористического акта от смежных составов³. С другой стороны, трудно не согласиться с В.П. Емельяновым, который отмечает, что выделение в ст.205 УК РФ специ-

¹ См.: Российское уголовное право. В двух томах. Том II. Особенная часть / Под ред. проф. А.И. Рарога. С.383-384.

² См.: Гринько С.Д. Указ. соч. С. 14; Емельянов В.П. Терроризм - как явление и как состав преступления. - Харьков: Право, 1999. С. 179-180; Кириллов И.А. Проблемы современного терроризма в социально-правовом, криминологическом и уголовно-правовом аспектах. С.31; Терроризм: психологические корни и правовые оценки. «Круглый стол». С.42.

³ См.: Кириллов И.А. Проблемы современного терроризма в социально-правовом, криминологическом и уголовно-правовом аспектах. С.31; Терроризм: психологические корни и правовые оценки. «Круглый стол». С.42.

альной цели, совпадающей с объектом данного преступления, никакой дополнительной смысловой нагрузки не несет и выглядит типичной тавтологией, как если бы диспозицию статьи об ответственности за убийство сформулировать примерно так: «умышленное убийство в целях лишения жизни»¹.

Вторая упраздненная законодателем цель террористического акта также не вносила большой ясности в процесс квалификации рассматриваемого преступления, поскольку устрашение населения отнюдь не конечный результат, которого стремится достичь террорист, а лишь средство его достижения. В этой связи отнесение законодателем устрашения населения к характеристике такого признака объективной стороны террористического акта как деяние, вполне понятно. Подтверждением сказанного являются слова К.Н. Салимова: «Терроризм это всегда устрашение, которое в первую очередь выступает не целью, а средством достижения политических, национальных и иных целей»².

Значимость для квалификации террористического акта такой преступной цели как оказание воздействия на принятие решения бесспорна, принято считать, что все остальные цели террористов носят второстепенный характер³. Что же касается расширения данной цели за счет предумышленного в качестве одного из возможных субъектов террористического воздействия международных организаций, то об этом уже давно высказывались многие ученые, занимавшиеся проблемами уголовно-правовой борьбы с терроризмом (А.В. Наумов⁴, В.П. Емельянов⁵, Г.В. Овчинникова⁶), так как это вполне соответствует современному пониманию терроризма как явления международного масштаба..

Что касается мотивов террористического акта, то они могут быть самыми разнообразными и практического значения для уголовно-правовой квалификации содеянного не имеют.

Подводя итог изложенному можно отметить, что определение субъективных признаков состава террористического акта вызывает определенные затруднения при их теоретическом толковании и, как следствие, при

¹ См.: Емельянов В.П. Терроризм – как явление и как состав преступления. С.179-180.

² Салимов К.Н. Современные проблемы терроризма: Автореф. дисс. докт. юрид. наук. – М.: ВНИИ МВД России, 1999. С.9.

³ См.: Байрак Г.Ф. Указ. соч. С.49; Емельянов В.П. Терроризм и преступления террористической направленности. С. 151-153; Ермакова Л., Комарова М. Цель как признак терроризма // Уголовное право, 2002. №2. С.24; Овчинникова Г.В. Указ соч. С.22.

⁴ См.: Терроризм: психологические корни и правовые оценки. «Круглый стол». С.34.

⁵ См.: Емельянов В.П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с терроризмом // Государство и право, 2000. №3. С.86.

⁶ См.: Овчинникова Г.В. Указ. соч. С.22.

практическом применении ст.205 УК РФ. Все признаки субъекта и субъективной стороны рассматриваемого состава имеют немаловажное значение для индивидуализации ответственности террористов, но не все из них учитываются при квалификации, чего нельзя сказать о квалифицирующих и особо квалифицирующих признаках террористического акта, о которых пойдет речь далее.

§3. Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки террористического акта и освобождение от ответственности за него

Помимо рассмотрения признаков, характеризующих объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону преступления, при анализе состава преступления необходимо освещать квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки.

Квалифицирующими признаками называют обстоятельства, существенно повышающие общественную опасность преступления, прямо предусмотренные статьей Особенной части УК РФ. К особо квалифицирующим относятся включенные в диспозицию нормы Особенной части УК РФ признаки, которые придают совершенному преступлению более высокую степень общественной опасности по сравнению не только с основным, но и с квалифицированным составом преступления¹.

В отличие от обстоятельств, отягчающих наказание (ст.63 УК РФ), рассматриваемые признаки влияют на квалификацию преступления. Они могут относиться к любому элементу состава преступления или ко всем его элементам.

В ч.2 ст.205 УК РФ предусмотрено два квалифицирующих признака террористического акта: 1) группой лиц по предварительному сговору (п. «а»); 2) с применением огнестрельного оружия (п. «в»).

Особо квалифицирующими признаками террористического акта в соответствии с ч.3 ст.205 УК РФ являются: 1) совершение деяний, предусмотренных частями 1 и 2 названной статьи, организованной группой; 2) наступление по неосторожности смерти человека или иных тяжких последствий; 3) сопряжение акта терроризма с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ.

Следует отметить, что перечень квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков террористического акта, содержащийся в УК РФ отличается от закрепленного в ранее действовавшем УК РСФСР. В ч.2

¹ См.: Уголовное право. Часть Общая. Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М.: Новый Юрист, 1997.С.398.

ст.213³ УК РСФСР в качестве квалифицирующих признаков приводились следующие: 1) причинение значительного имущественного ущерба; 2) наступление иных тяжких последствий; 3) совершение акта терроризма организованной группой. Особо квалифицирующим был один признак – наступление смерти человека (ч.3 ст.213³ УК РСФСР).

Проанализируем признаки, обозначенные в частях 2 и 3 ст.205 УК РФ. Начнем с квалифицирующих признаков террористического акта.

Террористический акт, совершенный группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч.2 ст.205 УК РФ). Исходя из смысла формулировки, данный признак означает совершение террористического акта в соучастии, в одной из его форм – группой лиц по предварительному сговору. Далее, известное положение ч.2 ст.35 УК РФ о том, что преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления, позволяет выделить, по крайней мере, три обязательных условия, необходимых для наличия рассматриваемого квалифицирующего признака.

Во-первых, в совершении террористического акта должны участвовать два или более лиц, каждое из которых обладает признаками субъекта данного преступления. Совершение террористического акта двумя лицами, одно из которых не обладает признаками субъекта данного преступления, не образует соучастия¹.

Следует также учитывать, что, несмотря на то, что в законе прямо не указывается, что участники группы лиц по предварительному сговору должны быть соисполнителями, судебная практика² и большинство ученых³ исходят именно из этого. В такую группу могут входить и другие виды соучастников (организатор, подстрекатель и пособник), но при наличии не менее двух соисполнителей. Таким образом, если объективная сторона террористического акта выполнена одним лицом, а остальные участники группы выступали в качестве организатора, подстрекателя или пособника, то квалифицирующий признак «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору» отсутствует. Деяние исполнителя при отсутствии других квалифицирующих признаков необходимо квалифицировать по

¹ См.: Гаухман Л.Д. Соучастие в преступлении по советскому законодательству (опыт сравнительного правоведения). Лекция. – М.: Академия МВД СССР, 1990. С.9-10

² См.: П. 10 постановления №11 Пленума Верховного суда СССР от 5 сентября 1986 года «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности» // Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (РФ) по уголовным делам. – М: Спарк, 2004. С.278-279.

³ См.: Овчинникова Г.В. Указ. соч. С.23; Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под общей ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. С.84; Российское уголовное право. В двух томах. Том I. Общая часть / Под ред. проф. А.И. Рарога. С.282-283.

ч.1 ст.205 УК РФ, а деяния других соучастников по ч.1 ст.205 УК РФ со ссылкой на соответствующую часть ст.33 УК РФ.

Во-вторых, деятельность указанных лиц при совершении террористического акта, должна носить совместный характер, то есть их деяния должны быть взаимосвязанными и взаимообусловленными, направленными к единому преступному результату¹.

В-третьих, необходимо наличие предварительного сговора между соучастниками, под которым понимается договоренность о совместном совершении террористического акта, состоявшаяся до его непосредственного совершения, то есть до начала действий, непосредственно направленных на совершение взрыва, поджога и т.п., а также на угрозу их совершения. Последующее присоединение соучастников, без предварительной договоренности вступить в действие лишь на определенном этапе совершения террористического акта, не влечет уголовной ответственности по п. «а» ч.2 ст.205 УК РФ².

Террористический акт, совершенный с применением огнестрельного оружия (п. «в» ч.2 ст.205 УК РФ).

Понятие огнестрельного оружия дается в ст.1 Федерального закона РФ «Об оружии» от 13 декабря 1996 года, в которой говорится, что огнестрельным следует признавать «оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда»³.

По поводу того, что понимать под применением огнестрельного оружия при совершении террористического акта, в теории уголовного права существует несколько точек зрения. Ряд ученых, различая понятия использование и применение огнестрельного оружия, под последним подразумевают реализацию поражающих качеств, свойств этого оружия для причинения вреда здоровью человека (производство стрельбы на поражение)⁴. Другие исследователи полагают и, на наш взгляд, с ними следует согласиться, что применение огнестрельного оружия при совершении акта

¹ См.: Аминов Д.И. О некоторых подходах к новым признакам организованных преступных групп в уголовном праве // Проблемы борьбы с организованной преступностью: Сборник. – М.: МИ МВД России, 1996. С. 150; Водько Н.П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью: научно-практическое пособие. – М.: Юриспруденция, 2000. С.9-10.

² См.: Антонян Ю.М. Указ. соч. С.281-282; Кириллов И.А. Уголовно-правовые меры борьбы с терроризмом. Лекция. С. 11.

³ Российская газета, 1996, 18 декабря. С.4-5.

⁴ См.: Васецов А. Закон РФ «Об оружии» и квалификация преступлений, совершенных с применением оружия // Российская юстиция, 2001, №2. С.36; Савелий М. Применение оружия: что нужно знать, чтобы применять? // Профессинал, 1998, №4. С.20-21; Маршунов М.А. Комментарий к законам «Об оружии», «О частной детективной и охранной деятельности» (научно-практические рекомендации). – СПб: Издательский Торговый Дом «Герда», 1999. С.18.

терроризма означает использование его поражающих свойств для причинения вреда здоровью или уничтожения людей как с реальными последствиями, так и при покушении на жизнь и здоровье людей, а также использование огнестрельного оружия в целях психического воздействия, когда оно только демонстрировалось (например, когда из него нецельно стреляли), но при этом создавалась опасность причинения вреда людям¹.

Последнюю точку зрения обобщил и Верховный Суд РФ, которым действия лиц вооруженных огнестрельным оружием, боеприпасами и взрывными устройствами, 23 октября 2002 года захвативших в заложники 916 человек, находившихся на представлении мюзикла «Норд-Ост» в Доме Культуры ОАО «Московский подшипник», с целью оказания воздействия на органы власти Российской Федерации по принятию решения о выводе войск с территории Чеченской республики, были квалифицированы, в частности, по п. «в» ч.2 ст.205 УК РФ как террористический акт, совершенный с применением огнестрельного оружия, несмотря на то, что оно лишь демонстрировалось преступниками для устрашения заложников².

Однако следует иметь в виду, что если огнестрельное оружие не приведено в годное для выстрела состояние, не находится в руках преступника, то говорить о его применении нет оснований.

Следует заметить, что применение при террористическом акте огнестрельного оружия, при наличии к тому законных оснований и в зависимости от фактических обстоятельств дела, требует дополнительной квалификации по ст.ст. 222, 223 или 226 УК РФ.

Между тем, многие авторы вообще ставят под сомнение целесообразность включения в ст.205 УК РФ в качестве отягчающего обстоятельства применение огнестрельного оружия. Так, по мнению Ю.М. Антоняна, огнестрельное оружие не представляется более опасным по сравнению со взрывчатыми веществами, способными вызвать взрывы, пожары и другие часто массовые по своему характеру бедствия³.

В свою очередь С.Ф. Милюков также отмечает, что «нелепой выглядит формулировка п. «в» ч.2 ст.205, которая позволяет резко усилить ответственность и наказание даже за одиночный выстрел из охотничьего ружья, но не считает возможным сделать это за подрыв нескольких тонн взрывчатки»⁴.

В связи с этим предлагаются два пути решения обозначенной про-

¹ См.: Овчинникова Г.В. Указ. соч. С. 24; Мальцев В.В. Ответственность за терроризм. С.36; Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная. Учебник / Под общ. ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина и С.В. Максимова. С.412.

² См.: Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 сентября 2003 года №5-003-149 // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2003, №9. С. 12-13.

³ См.: Антонян Ю.М. Указ. соч. С.283.

⁴ Милюков С.В. Указ. соч. С.245.

блемы: исключить данный квалифицирующий признак из ст.205 УК РФ¹; дополнить его положением, указывающим на то, что опасность террористического акта повышается не только при совершении его с применением огнестрельного оружия, но и боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств².

На наш взгляд, более обоснованным является первый вариант, так как использование при совершении акта терроризма взрывчатых веществ и взрывных устройств охватывается понятием «взрыв», которое является конструктивным признаком основного состава террористического акта, и выделять его в качестве квалифицирующего признака вряд ли целесообразно.

Необходимо отметить, что отдельные авторы предлагают включить в ч.2 ст.205 УК РФ еще один квалифицирующий признак: совершение преступления из корыстных побуждений или по найму.

Данное дополнение, на наш взгляд, вполне обоснованно. Так, С.Ф. Милюков справедливо отмечает, что большинством террористов движет как раз корысть, многие из них являются наемниками³. По данным М.П. Киреева, около 70% террористов преследуют корыстные цели. Это подтверждают и события последнего времени. Так акт терроризма в г. Беслан (Северная Осетия) в сентябре 2004 года был совершен группой боевиков более чем наполовину состоящей из наемников. На повышенную опасность террористического акта, совершенного из корыстных побуждений или по найму, указывает то, что данное обстоятельство уже предусмотрено в качестве квалифицирующего признака в ряде составов преступлений (ст.ст. 105, 111, 117, 126, 206 УК РФ).

Первым особо квалифицирующим признаком террористического акта согласно ч.3 ст.205 УК РФ является его совершение организованной группой.

Как и совершение террористического акта группой лиц по предварительному сговору данный признак означает совершение рассматриваемого преступления в соучастии, но уже в его более опасной форме – организованной группой.

В ч.3 ст.35 УК РФ под организованной группой понимается устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

Таким образом, помимо общих признаков соучастия, организованной группе, согласно ее законодательному определению, присущи следующие черты: 1) устойчивость; 2) лица, входящие в ее состав, объедини-

¹ См.: Мальцев В.В. Терроризм: проблема уголовно-правового регулирования. С. 105, 107; Емельянов В.П. Терроризм – как явление и как состав преступления. С. 194-195; Кириллов И.А. Проблемы современного терроризма в социально-правовом, криминологическом и уголовно-правовом аспектах. С.33.

² См.: Качмазов О. Указ. соч. С.30; Милюков С.Ф. Указ. соч. С.246.

³ См.: Милюков С.Ф. Указ. соч. С.245.

лись заранее; 3) специальная цель объединения – совершение одного или нескольких преступлений.

Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ в п.4 Постановления №5 от 25 апреля 1995 года «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности», детализируя понятие организованной группы, разъясняет, что она характеризуется, как правило, высоким уровнем организованности, планированием и тщательной подготовкой преступления, распределением ролей между соучастниками и т.п. Применительно к убийствам в п.10 Постановления №1 Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года «О судебной практике по делам об убийстве» говорится, что обычно такая группа тщательно планирует преступление, заранее подготавливает орудия убийства, распределяет роли между участниками группы. Признаками организованной группы могут быть также «подготовка средств и орудий преступления, ... обеспечение заранее мер по сокрытию преступления, подчинение групповой дисциплине и указаниям организатора преступной группы»¹.

Анализ положений ст.35 УК РФ показывает, что основным критерием, отличающим эту форму соучастия от группы лиц по предварительному сговору, является устойчивость. Между тем, устойчивость как признак организованной группы представляет собой оценочное понятие, не определенное в уголовном законе.

Его определение дается в теории уголовного права² и судебной практике. Так, Пленум Верховного Суда РФ в п.4 Постановления №1 от 17 января 1997 года «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» характеризует понятие устойчивости банды через такие признаки, как «стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность ее существования и количество совершаемых преступлений». При этом в п.2 Постановления поясняется, что банда может быть создана и для совершения одного, но требующего тщательной подготовки преступления³.

По мнению некоторых ученых, основной характеристикой устойчивости организованной группы является наличие организатора или руководителя группы⁴. На это же указывается в п.15 постановления Пленума

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ, 1999, №1. С. 14.

² См.: Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1959. С. 84; Иванов Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. – Саратов: Изд-во Саратовского Ун-та, 1991. С.101; Быков В. Виды преступных групп // Российская юстиция, 1997. №12. С. 19-20; Шутемова Т.В. К вопросу о доказывании устойчивости банды // Следователь, 1998. №5. С.7-9.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ, 1997, №3. С.2.

⁴ См.: Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). Комментарий. – М.: Учеб-

Верховного Суда РФ №29 от 27 декабря 2002 года «О судебной практике по делам о краже, грабеже, разбое». Кроме того, в данном постановлении к типичным обстоятельствам, характеризующим устойчивость как признак организованной группы, отнесены: наличие заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределение функций между членами группы, их техническая оснащенность¹.

Однако нам представляется более правильным, что делать вывод об устойчивости группы необходимо не по наличию какого-то одного признака, а на основе анализа совокупности всех обозначенных признаков в конкретной ситуации.

Еще одной отличительной чертой организованной группы от группы лиц по предварительному сговору является различие в квалификации преступных действий членов этих групп. При совершении террористического акта группой лиц по предварительному сговору уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника, если они непосредственно не участвовали в совершении преступления, наступает по п. «а» ч.2 ст.205 УК РФ со ссылкой на ст.33 УК РФ. При совершении террористического акта организованной группой действия всех ее членов независимо от того, какова была роль каждого из них в совершении данного преступления (исполнителя (соисполнителя), организатора, подстрекателя или пособника), надлежит квалифицировать по ч.3 ст.205 УК РФ без ссылки на ст.33 УК РФ, то есть как соисполнительство.

Некоторые авторы считают, что выделение рассматриваемого признака как особо квалифицирующего в составе террористического акта нецелесообразно. Так Г.Ф. Байрак, обосновывая данное положение, отмечает, что «разброс» террористических действий группы лиц по предварительному сговору, как правило, шире действий организованной группы, направленных на выполнение строго определенных задач, а соответственно больше число жертв и опасность актов терроризма совершаемых ими².

По нашему мнению, вряд ли можно согласиться с таким утверждением, так как повышенная опасность совершения террористического акта организованной группой определяется не количеством жертв и масштабами совершенных ею преступных деяний, а качественными параметрами или собственно устойчивостью данной формы соучастия и высоким уровнем ее организованности.

Следующим особо квалифицирующим признаком террористического акта является наступление по неосторожности смерти человека или иных тяжких последствий.

Для наличия данного признака достаточно, чтобы террористический акт повлек по неосторожности любое тяжкое последствие. При этом законодатель особо выделяет наступление по неосторожности смерти хотя бы

но-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1997. С.9.

¹ См.: Российская газета. 2003. 23 января.

² См.: Байрак Г.Ф. Указ. соч. С.61-62.

одного человека, так как указанное последствие представляется ему наиболее распространенным и опасным при совершении террористического акта. Вопрос об определении «иных тяжких последствий» должен решаться так же как и при толковании конструктивного признака основного состава террористического акта – «иные общественно опасные последствия». То есть, несмотря на то, что данный признак носит оценочный характер, и в каждом конкретном случае вопрос о признании последствий тяжкими решается судом индивидуально, по своей опасности они должны быть сопоставимы с гибелью человека.

На основе анализа судебной и следственной практики, а также юридической литературы по рассматриваемой проблематике можно сделать вывод о том, что к «иным тяжким последствиям» при террористическом акте следует относить причинение тяжкого вреда здоровью человека; массовые отравления и заражения людей; экологическую катастрофу; возникновение международных конфликтов; дезорганизацию деятельности органов государственной власти; нарушение работы служб жизнеобеспечения, транспорта, связи; срыв массовых мероприятий, имеющих важное политическое и социально-культурное значение; уничтожение или повреждение памятников истории и культуры; разрушение зданий и сооружений и т.д.

Весьма спорным является вопрос о признании тяжким последствием террористического акта причинения средней тяжести вреда здоровью человека. Одни ученые разделяют эту точку зрения¹, другие считают, и эта позиция представляется нам более приемлемой, что объект террористического акта и его содержание предполагают более высокую степень общественной опасности, чем причинение средней тяжести вреда здоровью человека, тем более что законодатель относит это преступление к категории средней тяжести, в то время как террористический акт является особо тяжким преступлением. Однако, следует отметить, что если речь идет о причинении средней тяжести вреда здоровью многим людям, то такие последствия террористического акта могут быть признаны тяжкими.

С точки зрения субъективной стороны, речь в данном случае идет о преступлении с двумя формами вины: прямой умысел по отношению к акту терроризма, и неосторожность в виде легкомыслия или небрежности по отношению к смерти человека или иным тяжким последствиям. Хотя, надо сказать, чаще всего указанные последствия наступают не в результате неосторожного к ним отношения, а являются следствием если не прямого, то косвенного умысла виновного. В этом случае наступление обозначенных последствий находится за рамками ст.205 УК РФ и должно квалифицироваться по совокупности с соответствующими статьями Особенной части УК РФ (ст.ст. 105, 111, 167 УК РФ и др.). Такой подход, как справедливо замечает В.П. Емельянов, искусственно создает идеальную совокупность

¹ См., например: Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие преступления против безопасности общества. По новому УК РФ. – М.: «Кросна-Лекс», 1997. С.157.

при наличии органически единого преступления¹.

На основании изложенного объективизируется целесообразность включения в статью об ответственности за террористический акт указания на причинение смерти человеку или иных тяжких последствий без уточнения формы вины, с приведением санкций, предусматривающих наказание за подобное преступление, в соответствии с характером и степенью общественной опасности содеянного. В этом случае все возможные последствия будут охватываться составом преступления террористического акта и дополнительной квалификации не потребуется.

Для того чтобы представить окончательную редакцию этого признака, необходимо обратить внимание еще на один момент, а именно: можно ли ставить в один ряд такие общественно опасные последствия, как умышленное причинение смерти человеку и иные тяжкие последствия. В нормах Уголовных кодексов некоторых государств-участников СНГ (например, ст.289 УК Республики Беларусь 1999 года, ст.271 УК Туркменистана), а также в предлагаемых отдельными учеными вариантах конструирования статьи об ответственности за данное преступление² наступление смерти человека выделяется в качестве самостоятельного особо отягчающего обстоятельства, которое по своей общественной опасности превосходит все другие тяжкие последствия. Подобная позиция представляется вполне оправданной, так как вряд ли корректно ставить знак равенства между умышленным причинением смерти человеку и, например, нарушением работы служб жизнеобеспечения, транспорта.

В связи с этим предлагается, во-первых, в ч.3 ст.205 УК РФ слова «повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия» заменить словами «повлекли наступление тяжких последствий». Причем понятием «тяжкие последствия» в данном случае будет охватываться и наступление по неосторожности смерти человека. Во-вторых, дополнить ст.205 УК РФ частью 4 предусматривающей ответственность за террористический акт, сопряженный с убийством человека.

Нельзя оставить без внимания и такой особо квалифицирующий признак террористического акта, как сопряжение его с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ, который был включен в ч.3 ст.205 УК РФ Федеральным законом от 9 февраля 1999 года «О внесении изменений и дополнений в УК РФ». В связи с исключительно высокой степенью общественной опасности таких преступлений и их последствий остановимся под-

¹ См.: Емельянов В.П. Терроризм – как явление и как состав преступления. С.182.

² См., например: Мальцев В.В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования. С.107.

робно на юридической характеристике данного признака и его составляющих.

Как представляется, сущность данного признака состоит в направленности террористического акта на конкретный предмет – объект использования атомной энергии, либо в использовании при его совершении специальных средств – ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ.

К объектам использования атомной энергии в соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 1995 года «Об использовании атомной энергии» относятся ядерные установки, радиационные источники и пункты хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ, хранилища радиоактивных отходов¹.

Стоит обратить внимание на то, что Федеральный закон дает исчерпывающий перечень таких объектов, и чтобы исключить какие-либо сомнения, в ст.3 приводит другой перечень объектов, не относящихся к объектам использования атомной энергии, но по смыслу подпадающих под таковые. Приведем его полностью, так как это имеет большое юридическое значение при квалификации террористического акта, поскольку они (объекты) не могут быть предметом данного преступления. К их числу отнесены объекты, содержащие или использующие ядерные материалы и радиоактивные вещества в количествах и с активностью и (или) испускающие ионизирующее излучение с интенсивностью или энергией менее установленных федеральными нормами и правилами значений, для которых требуется разрешение органов государственного регулирования безопасности при осуществлении деятельности с указанными объектами.

Не менее важно дать точную юридическую характеристику следующей составляющей данного особо квалифицирующего признака террористического акта – «сопряженный с посягательством». Под посягательством понимается «попытка причинить вред, ущерб кому-нибудь или чему-нибудь»². Отсюда, посягательство на объекты использования атомной энергии означает попытку причинить вред, ущерб этим объектам. Конкретные формы подобного посягательства могут быть самыми разнообразными. Так, террористический акт, сопряженный с посягательством на объекты использования атомной энергии, может выражаться в угрозе, а в отдельных случаях и в совершении взрыва на указанных объектах; в нарушении технологического процесса, способного привести в последующем к аварии, и т.д.

Что касается террористического акта, сопряженного с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ и источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ, то в данном случае использование

¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. №48. Ст.4552.

² Ожегов С.И. Указ. соч. С.561.

подобных средств совершения преступления, во-первых, облегчает его совершение, так как является весьма весомым аргументом, подкрепляющим требования террористов; во-вторых, причиняет или способно причинить гораздо больший вред личности, обществу и государству. Более того, позволяет выходить за пределы последнего и может повлечь за собой межгосударственные конфликты вплоть до так называемого слепого ядерного удара.

Следующая составляющая анализируемого особо квалифицирующего признака террористического акта – «ядерные материалы, радиоактивные вещества и источники радиоактивного излучения, ядовитых, отравляющие, токсичные, опасные химические или биологические вещества». Их определение и развернутый перечень также содержатся в федеральном законодательстве и в дополнительных разъяснениях, по нашему мнению, не нуждаются.

В контексте проводимого анализа, нельзя не сказать и о том, что в зависимости от способа получения указанных средств действия террористов могут дополнительно квалифицироваться соответственно по ст.ст. 188, 189, 220, 221, 234 УК РФ.

Завершая юридическую характеристику состава террористического акта, рассмотрим примечание к ст.205 УК РФ, в котором сформулированы условия освобождения от уголовной ответственности за данное преступление.

Анализ этого примечания показывает, что для освобождения от уголовной ответственности за террористический акт необходимо наличие следующих условий: 1) лицо участвовало лишь в подготовке акта терроризма; 2) лицо своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления акта терроризма; 3) в действиях этого лица не содержится иного состава преступления. Остановимся на них несколько подробнее.

Первое условие означает, что применение данной поощрительной нормы законодатель ограничивает стадией приготовления к террористическому акту. При покушении на это преступление или совершении окончательного террористического акта лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности.

Поясняя второе условие, следует обратить внимание на то, что предупреждение органов власти должно быть своевременным, то есть у последних должна существовать реальная (временная или иная физическая) возможность предотвратить совершение действий, указанных в диспозиции ст.205 УК РФ, либо наступление общественно опасных последствий¹.

Под иными способами надо понимать как действия самого субъекта по предотвращению осуществления акта терроризма, так и привлечение им

¹ См.: Антонян Ю.М. Указ. соч. С.287; Кириллов И.А. Уголовно-правовые меры борьбы с терроризмом. Лекция. С. 19; Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под общей ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. С.487.

к этому других лиц (например, обезвреживание взрывного устройства, отговор соучастников, воспрепятствование совершению преступления исполнителем путем его дезинформации, применения к нему насилия и т.д.)¹.

Наибольший интерес представляет использованное законодателем словосочетание «способствовало предотвращению осуществления акта терроризма». Из его смысла не ясно, необходимо ли обязательное предотвращение акта терроризма или достаточно того, что лицо пыталось это сделать? Мнение ученых на этот счет двояко. Одни полагают, что анализируемая норма применима лишь в случае предотвращения террористического акта². Другие считают возможным освобождение от уголовной ответственности и тогда, когда попытки лица предотвратить данное преступление завершились неудачей³. Представляется, что такая расплывчатость законодательных формулировок вряд ли допустима.

На наш взгляд, суть третьего условия заключается в возможности применения рассматриваемой поощрительной нормы только в случае отсутствия в действиях субъекта иного состава преступления. Между тем, в юридической литературе высказывается и противоположная точка зрения, согласно которой в подобной ситуации лицо освобождается от уголовной ответственности за террористический акт, но должно отвечать за совершение другого преступления⁴.

По нашему мнению, указанные проблемы связаны с тем, что примечание к ст.205 УК РФ, формально предусматривая специальный вид освобождения от уголовной ответственности⁵, фактически, на что неоднократно указывалось в различных публикациях⁶, дублирует норму о добровольном отказе от преступления. Однако освободить лицо от уголовной ответ-

¹ См.: Тер-Акопов А.А. Новое в уголовном праве России. Учебное пособие. С.43; Антонян Ю.М. Указ. соч. С.287.

² См. например: Михлин А.С. Новое в уголовном законодательстве: Учебное пособие. – М.: МГЭИ, 1996. С.97.

³ См.: Антонян Ю.М. Указ. соч. С.287; Кириллов И.А. Уголовно-правовые меры борьбы с терроризмом. Лекция. С. 19.

⁴ См.: Овчинникова Г.В. Указ. соч. С.35; Российское уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. М.П. Журавлева и С.И. Никулина. С.223-224.

⁵ Об этом говорит, во-первых, использованная в примечании фраза «освобождается от уголовной ответственности»; во-вторых, положение части 2 статьи 75 УК РФ, согласно которому в статьях Особенной части УК РФ предусматриваются специальные случаи освобождения от уголовной ответственности.

⁶ См.: Михлин А.С. Новое в уголовном законодательстве: Учебное пособие. С.97; Рябчук В.Н. Уголовный кодекс Российской Федерации о борьбе с терроризмом // Актуальные проблемы борьбы ФСБ России и МВД России с терроризмом, организованной преступностью и коррупцией в современных условиях. – М., 1997. С.216; Киреев М.П. Проблемы борьбы ОВД с актами терроризма. С. 10.

ственности за приготовление к акту терроризма в связи с добровольным отказом невозможно, так как последний исключает уголовную ответственность за предварительную преступную деятельность.

Своеобразие формулировки примечания к ст.205 УК РФ ученые объясняют по-разному. Так, М.П. Киреев считает, что данная норма имеет в виду только те случаи, когда содействие предотвращению террористического акта осуществляется преступником не добровольно, а вынужденно (например, будучи изобличенным и привлеченным к ответственности), или когда лицо предотвратило готовящийся террористический акт в расчете совершить его позднее, в более удобное время. Иными словами, примечание к ст.205 УК РФ может быть применено только в том случае, когда отсутствуют признаки добровольности и окончательности отказа от акта терроризма, потому что в противном случае вступает в действие ст.31 УК РФ, предполагающая не освобождение, а отсутствие самого основания ответственности¹.

Принимая во внимание сказанное, нам представляется, что поощрительная норма в том виде, в котором она сформулирована в примечании к ст.205 УК РФ, не имеет практического значения. В этой связи данное примечание представляется целесообразным переформулировать, но уже по правилам деятельного раскаяния (ст.75 УК РФ), изложив в следующей редакции: «Примечание. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом предотвратило наступление общественно опасных последствий и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Проведенный анализ квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков террористического акта, а также примечания к ст.205 УК РФ показывает, что их формулировки являются весьма проблемными и имеют неоднозначное толкование, неизбежно порождающее затруднения при практическом применении указанной нормы. Данное обстоятельство подчеркивает важность четкого и единообразного подхода к определению обозначенных признаков состава террористического акта, что позволит избежать типичных ошибок при его квалификации, и в очередной раз указывает на «огрехи» существующие в законодательной конструкции ст.205 УК РФ.

¹ См.: Киреев М.П. Проблемы борьбы ОВД с актами терроризма. С.10.

Глава III. Смежные с террористическим актом составы преступлений и пути совершенствования уголовного законодательства об ответственности за террористический акт

§1. Виды смежных с террористическим актом составов преступлений

При квалификации преступления правоприменитель неизбежно сталкивается с необходимостью анализа составов преступлений, схожих с ним по объективным и субъективным признакам, чтобы впоследствии не допустить ошибки в выборе нужной нормы Уголовного кодекса. В науке такие составы принято называть смежными. Точное определение круга смежных составов преступлений позволяет решить вопрос об отграничении от них рассматриваемого преступления и правильно квалифицировать содеянное.

В контексте предмета настоящего исследования сложность квалификации террористического акта по ст.205 УК РФ обусловлена многообразием его проявлений, что, в свою очередь, значительно расширяет перечень составов преступлений, смежных с предусмотренным данной статьей. Последнее обстоятельство, по нашему мнению также серьезным образом затрудняет квалификацию террористического акта. В связи с этим возникает необходимость не только установления видов данных составов, но и аргументированного разделения их на группы.

Вначале подробнее остановимся на определении понятия «смежные составы преступлений».

Несмотря на то, что большинство современных ученых-криминалистов широко использует этот термин в своих трудах, мало кто из них указывает на его происхождение и правовую сущность в силу самостоятельности предмета изучения. Те же, кто предпринимает попытку комментировать его, наполняют данный термин не всегда одинаковым содержанием. Так, В.Н. Кудрявцев относит к смежным составам преступлений такие, где один состав имеет признак, отсутствующий в другом, а другой состав при этом содержит признак, отсутствующий в первом¹. С.В. Помазан смежными составами преступлений считает деяния, схожие лишь по объективной стороне². Ю.Н. Дерюгина предлагает к смежным относить составы, схожие по своим внешним признакам³. В.В. Коряковцев и К.В. Питулько под смежными составами преступлений понимают преступления с преимущественно совпадающими объективными и субъективными признаками⁴. Некоторые авторы предлагают как альтернативу термину «смежные составы преступлений» использовать понятие «сопряженные

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С.215-216.

² См.: Помазан С.В. Указ. соч. С.104.

³ См.: Дерюгина Ю.Н. Указ. соч. С.195.

⁴ См.: Коряковцев В.В., Питулько К.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – СПб.: Питер, 2004. С.483.

преступления»¹. Имеются и иные, в основном схожие с приведенными подходы. Как видим, разброс мнений весьма широк.

Представляется, что для того, чтобы однозначно определить термин «смежные составы преступлений» целесообразно, прежде всего, обратиться к этимологии слова «смежный». В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля слово «смежный» означает – пограничный, сопредельный, прилегающий². Толковый словарь Д.Н. Ушакова определяет рассматриваемый термин как – «находящийся рядом, соседний, непосредственно прилегающий к границе другого, находящийся в тесном соприкосновении, непосредственно граничащий»³. В Словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой значение этого слова по своему содержанию аналогично последнему⁴. Из приведенных значений наиболее приемлемым, на наш взгляд, является толкование Д.Н. Ушакова, так как, применяя термин «смежные» к конкретным составам преступлений, как правило, имеют в виду, что они (составы) находятся в тесном соприкосновении, непосредственно граничат друг с другом.

Что касается понятия «сопряженные преступления», то оно, по нашему мнению, не может отождествляться с рассматриваемым, так как слово «сопряженные» означает – взаимосвязанные, непременно сопровождаемые чем-либо, то есть указывает на несколько иное соотношение рассматриваемых явлений (событий)⁵.

В свою очередь сложно не согласиться с Л.В. Иногамовой-Хегай, которая считает недопустимым сужение понятия «смежные составы преступлений» указанием на сходство лишь внешних (объективных) свойств конкретных деяний, ведь нередко тесно соприкасаются и непосредственно граничат деяния, схожие не только и не столько по объективным признакам состава преступления, сколько преимущественно по его субъективным признакам⁶.

Учитывая изложенное, в дальнейшем под смежными составами преступлений мы будем понимать те, ряд признаков которых совпадает при различии в одном или нескольких признаках. Большое значение имеет соблюдение условия, при котором конкретное рассматриваемое деяние охва-

¹ См.: Трунцевский Ю. Общая характеристика составов преступлений, сопряженных со ст.146 УК РФ в аудиовизуальной сфере // Уголовное право, 2002, №1. С.48-49. Попович О.М. Криминологическая характеристика групповых корыстно-насильственных преступлений и их предупреждение органами внутренних дел. Автореф. канд. дисс. - М., 2000. С.17.

² См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, Т.IV. С.232.

³ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка, Т.IV. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1987. С.293.

⁴ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С.723.

⁵ См.: там же. С.730.

⁶ См.: Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений: Учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2002. С.161.

тывается одним составом из числа смежных, за исключением тех случаев, когда оно образует идеальную совокупность преступлений. Это указывает на то, что при решении вопроса о квалификации содеянного по одному из смежных составов преступлений возможно применение правил о конкуренции уголовно-правовых норм.

Сказанное позволяет перейти к определению круга составов преступлений, смежных с рассматриваемым (ст.205 УК РФ «Террористический акт»). Следует признать, что в науке по этому поводу нет единой позиции. Основной причиной таких разногласий, на наш взгляд, является акцентированность научных исследований на рассмотрении отдельных проявлений терроризма. В связи с этим для решения поставленной задачи необходимо обратиться к фундаментальным исследованиям этого феномена.

Ю.Н. Дерюгина к составам преступлений, смежным с террористическим актом, относит: убийство, совершенное общеопасным способом («е» ч.2 ст.105 УК РФ); умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенные путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом (ч.2 ст.167 УК РФ); заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст.207 УК РФ); организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст.208 УК РФ); бандитизм (ст.209 УК РФ); угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст.211 УК РФ); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст.277 УК РФ); диверсию (ст.281 УК РФ); нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст.360 УК РФ)¹. Аналогичный перечень предлагает и Г.В. Овчинникова².

По мнению Ю.М. Антоняна, рассматриваемую группу образуют в первую очередь составы таких преступлений, как заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст.207 УК РФ) и посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст.277 УК РФ), а во вторую – похищение человека (ст.126 УК РФ); захват заложника (ст.206 УК РФ); угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст.211 УК РФ); насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст.278 УК РФ); вооруженный мятеж (ст.279 УК РФ); публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст.280 УК РФ); диверсия (ст.281 УК РФ); возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды (ст.282 УК РФ); воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст.294 УК РФ); посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст.295 УК РФ); посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст.317 УК РФ); применение насилия в отношении представителя власти (ст.318 УК РФ); геноцид (ст.357 УК РФ); экоцид (ст.358 УК РФ); нападение на лиц

¹ См.: Дерюгина Ю.Н. Указ. соч. С.196-205.

² См.: Овчинникова Г.В. Указ. соч. С.15-36.

или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст.360 УК РФ)¹.

В.П. Емельянов утверждает, что смежными со ст.205 УК РФ следует считать одноуровневые с террористическим актом составы, так как именно они часто имеют схожесть с ним по тем или иным признакам. К ним он предлагает относить: убийство, совершенное общеопасным способом (п. «е» ч.2 ст.105 УК РФ); вымогательство (ст.163 УК РФ); бандитизм (ст.209 УК РФ); хулиганство (ст.213 УК РФ); пиратство (ст.227 УК РФ); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст.277 УК РФ) и диверсию (ст.281 УК РФ)².

С.В. Помазан к смежным с террористическим актом составам преступлений причисляет более широкий круг деяний, разделяя их на две группы.

Во-первых, составы неосторожных преступлений, направленных против жизни и здоровья, общественной безопасности, безопасности движения и эксплуатации транспорта, с которыми террористический акт схож по своим объективным признакам: причинение смерти и вреда здоровью по неосторожности (статьи 109 и 118 УК РФ), нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики (ст.215 УК РФ), на взрывоопасных объектах (ст.217 УК РФ), при ведении горных, строительных или иных работ (ст.216 УК РФ), а также нарушение правил хранения и использования взрывчатых веществ (ст.218 УК РФ) и правил пожарной безопасности (ст.219 УК РФ), эксплуатации транспорта (статьи 263 и 264 УК РФ), незаконное обращение с радиоактивными материалами (ст.220 УК РФ).

Во-вторых, составы умышленных преступлений, схожие с террористическим актом по объективной стороне: убийство, совершенное общеопасным способом (п. «е» ч.2 ст.105 УК РФ), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст.207 УК РФ), бандитизм (ст.209 УК РФ), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст.277 УК РФ), диверсия (ст.281 УК РФ)³.

В.В. Устинов в своих работах неоднократно указывает на необходимость отграничения террористического акта от смежных ему составов преступлений экстремистского характера, при этом конкретно их не называет⁴.

Анализ приведенных точек зрения позволяет сделать вывод о том, что открытым для критики большинства из них является не всегда оправ-

¹ См.: Антонян Ю.М. Указ. соч. С.11-13.

² См.: Емельянов В.П. Уголовная ответственность за терроризм и преступления с признаками терроризирования. Дисс. д-ра юрид. наук. - М., 2001. С.326-339.

³ См.: Помазан С.В. Указ. соч. С.104-105.

⁴ См.: Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. – М.: «Юрлитинформ», 2002. С.16-23; Устинов В.В. Экстремизм и терроризм: проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция, 2002, №5. С.34-36.

данное сужение числа смежных с террористическим актом составов преступлений, а иногда наоборот, сверхдопустимое расширение их перечня. Думается, что при определении круга составов преступлений, образующих рассматриваемую группу, наиболее приемлемой является позиция Ю.М. Антоняна, хотя и предлагаемая им группировка, с нашей точки зрения, также нуждается в некоторой корректировке. В частности предложенный им перечень, по нашему мнению, необходимо дополнить рядом составов преступлений экстремистского характера, а некоторые составы, наоборот, исключить из него.

Исходя из выделенных нами ранее признаков смежного с рассматриваемым составом преступления и анализа соответствующих статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации представляется, что ввиду наличия сходства по ряду объективных и субъективных признаков к числу смежных с террористическим актом составов преступлений можно отнести: убийство, совершенное общеопасным способом (п. «е» ч.2 ст.105 УК РФ); воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (ст.149 УК РФ); вымогательство (ст.163 УК РФ); умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенные путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом (ч.2 ст.167 УК РФ); содействие террористической деятельности (ст.205¹ УК РФ); публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст.205² УК РФ); захват заложника (ст.206 УК РФ); заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст.207 УК РФ); бандитизм (ст.209 УК РФ); угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст.211 УК РФ); пиратство (ст.227 УК РФ); уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст.243 УК РФ); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст.277 УК РФ); насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст.278 УК РФ); диверсия (ст.281 УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства с применением насилия или с угрозой его применения (п. «а» ч.2 ст.282 УК РФ); геноцид (ст.357 УК РФ); экоцид (ст.358 УК РФ); нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст.360 УК РФ).

Подробный анализ этих составов по объективным и субъективным признакам несколько выходит за рамки предмета нашего исследования, поэтому мы ограничиваемся лишь их перечислением.

На наш взгляд, для квалификации террористического акта не менее важным, чем определение круга смежных с ним составов преступлений, является их категоризация. Она позволяет более целенаправленно подходить к вопросу их разграничения со ст.205 УК РФ «Террористический акт», а следовательно, не допустить ошибок при квалификации.

При разделении обозначенной совокупности составов на группы, мы считаем целесообразным использовать именно термин «категоризация», а не «классификация», хотя зачастую в правовой литературе их отождеств-

ляют¹. Объясняется это, видимо, тем, что и категоризация и классификация в самом общем понимании означают разделение исследуемых явлений на группы по какому-либо основанию. Однако «категоризация» (от греческого *kategoria*), означает «высшее родовое понятие, наиболее общий отвлеченный разряд однородных явлений (предметов), либо их признаков»² и предполагает наличие более общего основания деления, нежели классификация.

В нашем случае смежные с террористическим актом преступления зачастую посягают на совершенно разные объекты уголовно-правовой охраны, и разделение их на группы по объекту посягательства будет не только затруднительным, с точки зрения его осуществления, но и достаточно условным. Классификация же данной совокупности составов по любому более узкому основанию, полагаем, не будет способствовать решению обозначенной задачи, и, следовательно, теряет свой смысл.

Поэтому более правильным представляется категоризировать смежные с террористическим актом составы преступлений, то есть разделить их на отдельные группы (категории) по некому обобщенному, «родовому» основанию. Таким основанием, на наш взгляд, является «направленность» преступлений, входящих в рассматриваемую группу, которая, как указывалось ранее, означает устремленность их к какой-либо одной общей цели.

Как представляется, по направленности все попавшие в перечень смежные с террористическим актом составы преступлений можно разделить на три категории.

Первую категорию образуют составы уже рассмотренных нами преступлений террористической направленности. При этом включению в данную группу подлежат деяния, безусловно совершаемые с террористическими целями, основным инструментом достижения которых является устрашение населения в целом или отдельной социальной группы, а не те, которым они могут быть присущи альтернативно. Соответственно, к ним можно отнести: содействие террористической деятельности (ст.205¹ УК РФ); публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст.205² УК РФ); захват заложника (ст.206 УК РФ); заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст.207 УК РФ); угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст.211 УК РФ); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст.277 УК РФ); нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст.360 УК РФ).

Во вторую категорию следует включить составы преступлений экстремистской направленности. Думается, что для определения их перечня

¹ См.: Наумов А.В. Указ. соч. С.132; Загородников Н.И. Классификация преступлений и ее значение для деятельности органов внутренних дел. – М., 1983. С.9-13; Кривоченко Л.Н. Классификация преступлений. – Харьков, 1979. С.17.

² Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка, Т.1. С.1334.

необходимо обратиться к понятиям «экстремизм» и «экстремистская деятельность».

Термин «экстремизм» происходит от латинского *extremus* – крайний и означает приверженность к крайним взглядам и мерам (преимущественно в политике)¹. В Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года как экстремизм расцениваются деяния, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в указанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них².

Федеральный закон РФ от 25 июля 2002 года «О противодействии экстремистской деятельности» определяет экстремистскую деятельность (экстремизм) как:

1) деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- подрыв безопасности Российской Федерации;
- захват или присвоение властных полномочий;
- создание незаконных вооруженных формирований;
- осуществление террористической деятельности;
- возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;
- унижение национального достоинства;
- осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти, либо вражды, а равно по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

2) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности

¹ См.: Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка, Т.IV. С.1411; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С.896; Словарь иностранных слов в русском языке. – М.: «Юнвес», 1996. С.800.

² См.: Устинов В.В. Правовое регулирование и механизмы противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации: действующая нормативно-правовая база и перспективы ее совершенствования. С.41.

или совершению указанных действий;

4) финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств¹.

Одновременно с принятием данного Федерального закона Уголовный кодекс РФ был дополнен рядом статей, в том числе ст.282¹ «Организация экстремистского сообщества», которая определила круг преступлений экстремистской направленности, отнеся к ним деяния, предусмотренные ст.ст. 148, 149, 213, 214, 243, 244, 280 и 282 УК РФ².

Однако, на наш взгляд, включение законодателем в этот перечень составов, предусмотренных ст.ст. 213 и 214 УК РФ, является не до конца аргументированным, так как и хулиганство и вандализм в большинстве случаев являются общеуголовными преступлениями, и экстремистский характер приобретают лишь при совершении их по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти, либо вражды. В то же время неясно, почему законодатель не включил в рассматриваемый перечень преступления, предусмотренные ст.ст. 278, 281 и 357 УК РФ. Ведь насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст.278 УК РФ) и диверсия (ст.281 УК РФ), как преступление подрывающее государственную безопасность, согласно Закона «О противодействии экстремистской деятельности» являются проявлениями экстремизма, а геноцид (ст.357 УК РФ) непосредственно посягает на жизнь, здоровье и нормальное существование национальной, этнической, расовой или религиозной группы людей и неизбежно влечет к возбуждению соответствующей розни, что данным Законом также отнесено к экстремистской деятельности.

Таким образом, исходя из анализа изложенного, представляется, что определение экстремизма, закрепленное в Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года является более приемлемым чем то, которое установлено Законом РФ «О противодействии экстремистской деятельности», так как последнее, по нашему мнению, является слишком широким, пересекающимся с другими видами преступной деятельности, в том числе и с террористической деятельностью.

¹ См.: Федеральный закон от 25.07.2002 №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. 30 июля. №138-139.

² См.: Федеральный закон от 25.07.2002 №112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. 30 июля. №138-139.

Соответственно к преступлениям экстремистской направленности, на наш взгляд, следует относить деяния, в которых в качестве обязательных признаков выступают действия, имеющие своей целью насильственный захват власти или насильственное удержание власти, насильственное изменение конституционного строя государства или насильственное посягательство на его безопасность, а равно возбуждение расовой, национальной, религиозной или социальной розни, связанной с насилием либо призывами к нему.

Таким образом, вторую категорию смежных с террористическим актом составов преступлений образуют следующие деяния экстремистской направленности: воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (ст.149 УК РФ); уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст.243 УК РФ); насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст.278 УК РФ); диверсия (ст.281 УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства с применением насилия или с угрозой его применения (п. «а» ч.2 ст.282 УК РФ); геноцид (ст.357 УК РФ).

Третью категорию образуют иные смежные с террористическим актом составы преступлений, к которым следует отнести деяния, не имеющие однозначной террористической и экстремистской направленности и не вошедшие в первые две категории, а именно: убийство, совершенное общеопасным способом (п. «е» ч.2 ст.105 УК РФ); вымогательство (ст.163 УК РФ); умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества совершенные путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом (ч.2 ст.167 УК РФ); бандитизм (ст.209 УК РФ); пиратство (ст.227 УК РФ); экоцид (ст.358 УК РФ).

Изложенное позволяет заключить, что по некоторым объективным и субъективным признакам террористический акт (ст.205 УК РФ) схож с рядом преступлений, предусмотренных довольно большим блоком различных статей Особенной части УК РФ. В свою очередь многообразие проявлений терроризма обуславливает наличие значительного числа указанных составов. Приведенная категоризация смежных с террористическим актом составов преступлений по их направленности с выделением трех категорий (смежные с террористическим актом составы преступлений террористической направленности, смежные с террористическим актом составы преступлений экстремистской направленности и иные смежные с террористическим актом составы преступлений) позволяет оптимизировать решение одной из ключевых задач нашего исследования об отграничении от них террористического акта при уголовно-правовой квалификации, имеющее, как представляется, важное теоретико-прикладное значение. Сказанное мы попытаемся аргументировать в следующем разделе настоящей работы.

§2. Отграничение террористического акта от смежных составов преступлений террористической и экстремистской направленности

Одним из факторов, определяющих сложность квалификации террористического акта по УК РФ, является наличие достаточно большого числа смежных с ним составов преступлений, необходимость отграничения его от которых, как показывает практика, возникает часто.

Среди одноуровневых с террористическим актом деяний с ним схожи по тем или иным признакам составы преступлений террористической и экстремистской направленности, которые имеют отличительные черты, и ответственность за них установлена самостоятельными статьями УК РФ. Примечательно соотношение этих преступлений. Так, только в 2005 году по данным ГИАЦ МВД России органами внутренних дел было зарегистрировано 8664 преступления террористической направленности и 1157 преступлений экстремистской направленности¹. В связи с проявляющейся тенденцией к росту числа этих преступлений, объективизируется возможность ошибок при квалификации, поэтому представляется целесообразным более подробно рассмотреть вопрос об отграничении состава ст.205 УК РФ «Террористический акт» от смежных с ним составов террористической (ст.ст. 205¹, 205², 206, 207, 211, 277, 360 УК РФ) и экстремистской направленности (ст.ст. 149, 243, 278, 281, п. «а» ч.2 ст.282, 357 УК РФ).

Террористический акт следует отличать от состава, предусмотренного ст.205¹ УК РФ «Содействие террористической деятельности» по признакам объективной стороны и субъекта.

Ст.205¹ УК РФ устанавливает ответственность за такие деяния, как склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, а равно финансирование терроризма. Исходя из этого, необходимость разграничения составов ст.ст. 205 и 205¹ УК РФ возникает в двух случаях. Во-первых, когда действия субъекта направлены на склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение преступления, предусмотренного ст.205 УК РФ путем уговоров, подкупа или иным способом, не связанным с физическим или психическим принуждением, и с уголовно-правовой точки зрения представляют собой приготовление к террористическому акту в одной из двух форм: приискание соучастников преступления либо сговор на совершение преступления (ч.1 ст.30 УК РФ). Во-вторых, когда действия субъекта связаны с вооружением либо подготовкой лица в целях совершения акта терроризма, а равно финансированием его совершения, и являются пособничеством в совершении террористического акта (ч.5 ст.33 УК РФ).

В обеих ситуациях, следуя законодательно определенному правилу о

¹ См.: Статистический сборник. Состояние преступности в России в январе-декабре 2005 год. – М.: ГИАЦ МВД России, 2006. С.9.

конкуренции общей и специальной норм (ч.3 ст.17 УК РФ), содеянное должно квалифицироваться по ст.205¹ УК РФ, в данном случае специальной нормой по отношению к ст.205 УК РФ, и не будет образовывать состава террористического акта. Если же лицо, совершившее указанные деяния, не достигло шестнадцатилетнего возраста, с которого наступает ответственность по ст.205¹ УК РФ, но при этом «перешагнуло» 14-летний рубеж, то содеянное будет квалифицироваться уже по ст.205 УК РФ, соответственно, как приготовление к террористическому акту либо пособничество в его совершении, так как ответственность за данное преступление наступает с 14 лет.

Вопрос об отграничении террористического акта от состава ст.205² УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма» встает в случае публичных призывов к его совершению, что с точки зрения теории соучастия в преступлении является подстрекательством. Решаться данный вопрос должен аналогично ситуации с составом ст.205¹ УК РФ, рассмотренной выше.

Одним из проявлений терроризма как социально-правового явления, в соответствии с международно-правовыми актами и национальным законодательством, является захват заложника (ст.206 УК РФ). В УК РСФСР 1960 года захват заложника предусматривался в числе преступлений против личности. Однако важно иметь в виду, что данное деяние причиняет ущерб не столько интересам отдельной личности, сколько более широкому кругу общественных отношений – безопасным условиям жизни многих людей, общества в целом. Видимо, поэтому, указанное преступление в действующем УК РФ помещено в одну главу с террористическим актом – главу 24 «Преступления против общественной безопасности».

Несмотря на то, что террористический акт и захват заложника посягают на один и тот же основной непосредственный объект (основы общественной безопасности), они отличаются по дополнительному непосредственному объекту. Так, для террористического акта является обязательным наличие одного из следующих дополнительных объектов: жизнь и здоровье человека, отношения собственности, отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов власти, другие общественные отношения в зависимости от того, какого рода тяжкие последствия повлекло за собой совершение акта терроризма или угроза его совершения. Для захвата заложника указанное условие не является обязательным, за исключением лишь некоторых его квалифицированных видов (например, захват заложника, сопряженный с применением насилия, опасного для жизни или здоровья – п. «в» ч.2 ст.206 УК РФ, либо захват заложника, повлекший по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия – ч.3 ст.206 УК РФ).

Сравнение диспозиций ст.ст. 205 и 206 УК РФ позволяет говорить о том, что по объективной и субъективной стороне захват заложника может подпадать под такие признаки террористического акта, как «совершение... иных действий, создающих опасность гибели человека, причинения значи-

тельного имущественного ущерба или наступления иных тяжких последствий, в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями». Только в качестве «иных действий» в ст.206 УК РФ называется «захват или удержание лица в качестве заложника», а в качестве цели – «понуждение государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условие освобождения заложника». Сказанное «лишний раз» подтверждает справедливость точки зрения В.А. Осипова, который полагает, что террористический акт является общей нормой по отношению к захвату заложника (специальная норма). Следовательно, когда захват заложника подпадает одновременно под признаки преступления, предусмотренного и ст.205, и ст.206 УК РФ, то есть имеется конкуренция общей и специальной норм, следует применять специальную норму¹.

Несомненное значение имеет разграничение террористического акта, который может состоять в угрозе совершения взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий и заведомо ложного сообщения об акте терроризма (ст.207 УК РФ).

Общественная опасность этого преступления, так же как и общественная опасность террористического акта, заключается в том, что оно нарушает нормальную жизнедеятельность людей, вызывает страх, панику, ложные слухи, беспорядки, ведет к дезорганизации работы транспорта, предприятий, учреждений и организаций². Кроме того, заведомо ложное сообщение об акте терроризма подчас причиняет и значительный материальный ущерб, связанный с необходимостью проведения комплекса организационно-технических мероприятий, направленных на проверку полученной информации, эвакуацию людей, предоставление им других помещений, транспортных средств³.

В качестве примера можно привести следующие факты, содержащиеся в публикациях на данную тему. В 1998 году в Екатеринбурге власти, получив сообщение о взрывных устройствах, заложенных в двух пассажирских поездах, вынуждены были переместить пассажиров в резервные поезда и организовать объездной путь их следования. Сообщение о заминировании аэропорта «Внуково-1» прервало его работу на 4 часа, задержав десятки внутренних и международных рейсов. В 2001 году в Санкт-

¹ См.: Осипов В.А. Захват заложника: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Автореф. канд. дисс. – М.: МИ МВД России, 1999. С.14.

² См.: Кудяев А. Ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма // Следователь, 1999. №7. С.24; Тер-Акопов А.А. Новое в уголовном праве России. Учебное пособие. С.44.

³ См.: Назаркин М.В. Указ. соч. С. 16; Овчинникова Г.В. Указ. соч. С.27-28; Антонян Ю.М. Указ. соч. С.292-293; Петрищев В.Е. Российское законодательство: профилактика терроризма. С.205-206; Милюков С.Ф. Указ. соч. С.246-247.

Петербурге на ложные вызовы саперы выезжали более 200 раз, на что затрачено 350 тысяч рублей. Причем почти половина этой суммы приходится на убытки метрополитена, так как закрытие станции метро на 2 часа причиняет ущерб примерно в 35 тысяч рублей. А за 2003 год в результате ложных звонков об актах терроризма различным фирмам Санкт-Петербурга был причинен материальный ущерб в размере более 760 тысяч рублей¹.

«Привычными» стали ложные сообщения о заложенных бомбах, гранатах и т.п. устройствах в школах, институтах, число которых подчас не поддается учету, равно как и нанесенный ими ущерб морального и материального свойства. Так, МВД России в 2005 году было зарегистрировано 5784 таких сообщений, что на 2% больше чем в 2004 году².

Однако провести грань между заведомо ложным сообщением об акте терроризма (ст.207 УК РФ) и угрозой совершения террористического акта (ст.205 УК РФ) бывает очень сложно, особенно если в действительности террористы не намеревались приводить угрозу в исполнение, а лишь таким образом пытались достичь целей, указанных в ст.205 УК РФ.

Мнение ученых по данному вопросу также неоднозначно. Так, А.И. Рарог высказывает мысль, что следует разграничивать данные составы по наличию фактически выполненных действий. То есть, если субъектом совершаются какие-либо действия, реально создающие опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба или наступления иных тяжких последствий, например, приобретение взрывчатых веществ, взрывных устройств или других предметов, способных причинить вред интересам многих людей, установка взрывного устройства и т.д., то деяние следует квалифицировать по ст.205 УК РФ. Если же сообщение об акте терроризма никакими реальными действиями не подкреплено, то деяние содержит состав преступления, предусмотренного ст.207 УК РФ³. На наш взгляд, с данной точкой зрения вряд ли можно согласиться, так как для наличия угрозы совершения террористического акта достаточно самого факта высказывания террористами такой угрозы для достижения цели, определенной в законе, при условии, что оно вызвало опасение ее осуществления⁴.

В свою очередь С.А Денисов считает, что анализируемые составы преступлений необходимо разграничивать в первую очередь по мотивации

¹ См.: Сидорин В. Телефонные террористы кладут город на лопатки // Российские вести, 2003, 15-21 декабря; Овчинникова Г.В. Указ. соч. С.28; Милуков С.Ф. Указ. соч. С.247.

² См.: О практике борьбы с проявлениями терроризма и экстремизма в Российской Федерации. – М.: ВИПК МВД России, 2005. С.12.

³ См.: Уголовное право России. Особенная часть. / Под ред. А.И. Рарога. – М.: Триада Лтд. 1998. С.341.

⁴ См.: Сумин А. Указ. соч. С.2-3; Антонян Ю.М. Указ. соч. С.279-280; Кириллов И.А. Уголовно-правовые меры борьбы с терроризмом. Лекция. С. 10.

субъекта. Для террористического акта характерны политические, экономические, сепаратистские мотивы, в то время как заведомо ложное сообщение об акте терроризма, как правило, совершается из хулиганских побуждений¹.

Г.В. Овчинникова предлагает разграничивать угрозу совершения террористического акта и состав ст.207 УК РФ по трем признакам:

1. Угрозу, предусмотренную ч.1 ст.205 УК РФ, высказывают сами террористы. Заведомо ложное сообщение исходит от других лиц.

2. Мотивы и цели действий, предусмотренных статьями 207 и 205 УК РФ, различны. Действия, предусмотренные ст.205 УК РФ, направлены на запугивание населения, воздействие на принятие решений органами власти. Преступление, предусмотренное ст.207 УК РФ, возможно из хулиганских побуждений, как легкомысленное проявление подросткового озорства и не преследует целей повлиять на принятие решений органами власти или международными организациями.

3. Последствия террористического акта включены в элементы объективной стороны его состава (в ч.1 в виде «опасности», в ч.3 в виде ее реального воплощения в различные последствия). Состав преступления, предусмотренного ст.207 УК РФ – чисто формальный².

Некоторые авторы не соглашаются с приведенной аргументацией, утверждая, что заведомо ложное сообщение об акте терроризма может высказываться и самими террористами, в том числе, и для достижения террористических целей³.

На наш взгляд, при разграничении составов ст.ст. 205 и 207 УК РФ, с определенными оговорками, можно взять за основу точку зрения Г.В. Овчинниковой, выделив следующие отличительные признаки:

Во-первых, и это – наиболее значимое обстоятельство, различающее данные преступления, в ст.207 УК РФ отсутствует указание на цель оказания воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями. Мотив и цель совершения этого преступления значения для квалификации не имеют и могут быть самыми разнообразными (хулиганские побуждения, желание сорвать учебные занятия, пропустить рабочий день, месть и т.п.). Поэтому если виновный сообщает о готовящемся акте терроризма и предъявляет определенные требования к органам власти (например, о передаче денег) как условие несвершения им взрыва, поджога (то есть действует с целью оказания воздействия на принятие ре-

¹ Денисов С.А. Уголовно-правовая характеристика терроризма // Вестник СПб Университета МВД России. 2000 №1(5). С.60.

² См.: Овчинникова Г.В. Указ. соч. С.28.

³ См.: Безрук А.Н. Борьба с заведомо ложными сообщениями об акте терроризма. Дисс. канд. юрид. наук. – Ростов на Дону, 2000. С.98; Демчук С.Д. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма: криминологические и уголовно-правовые аспекты. Автореф. канд. дисс. – СПб.: Университет МВД России, 2002. С.22; Помазан С.В. Указ. соч. С.114.

шений органами власти или международными организациями), и если адресатами данная угроза воспринимается реально (даже если преступник и не намеревался привести ее в исполнение), то содеянное следует квалифицировать не по ст.207, а по ст.205 УК РФ.

Во-вторых, нельзя опускать такой объективный признак состава преступления, предусмотренного ст.207 УК РФ, как заведомая ложность сообщения, который означает, что сообщение не соответствует действительности, и информатор заведомо знает об этом.

И, в-третьих, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, как правило, исходит от других лиц, информирующих о якобы подготавливаемых кем-то террористических действиях, а угроза совершения акта терроризма высказывается самими террористами.

Следующим составом преступления террористической направленности, от которого необходимо отличать террористический акт, является угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст.211 УК РФ). Это деяние было предусмотрено и в УК РСФСР 1960 года (ст.213²), но его предмет ограничивался лишь воздушным судном. 23 октября 1990 года Верховный Совет СССР принял закон «Об уголовной ответственности за блокирование транспортных коммуникаций и иные незаконные действия, посягающие на нормальную и безопасную работу транспорта»¹. В ст.3 этого Закона предусматривалась уголовная ответственность за угон или захват железнодорожного подвижного состава, воздушного, морского или речного судна, а равно захват вокзала, аэродрома, порта или иного транспортного предприятия, учреждения, организации, а также грузов без цели их хищения.

Так же как террористический акт, данное преступление посягает на основы общественной безопасности и с субъективной стороны характеризуется виной в виде прямого умысла. Однако его предмет при этом носит более конкретный характер – судно воздушного или водного транспорта либо железнодорожный подвижной состав, независимо от ведомственной принадлежности и целевого назначения. Кроме того, в составе данного преступления отсутствует указание на специальную террористическую цель: воздействие на принятие решений органами власти или международными организациями.

Состав преступления, предусмотренного ст.211 УК РФ – формальный, следовательно, оно будет считаться оконченным с момента совершения указанных в диспозиции действий. В связи с этим создания опасности гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба или наступления иных тяжких последствий, что является неотъемлемой характеристикой террористического акта, в данном случае не требуется.

В ситуациях, когда угон или захват судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава представляет со-

¹ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. №44. С.911.

бой частный случай террористического акта (то есть когда он совершается с целью, предусмотренной ст.205 УК РФ, и создает опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий), содеянное следует квалифицировать по ст.205 УК РФ, и лишь при отсутствии признаков террористического акта – по ст.211 УК РФ¹.

Террористический акт до 27 июля 2006 года являлся вторым официальным названием преступления, предусмотренного ст.277 УК РФ – «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля». В.П. Емельянов замечает, что нередко между данными преступлениями вообще не усматривают никакой разницы либо соотносят их как часть и целое². В действительности же это совершенно разные составы преступлений, что легко проследить по их признакам, большинство которых не совпадает.

В самом деле, разграничение террористического акта (ст.205 УК РФ) и посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля (ст.277 УК РФ) просматривается как по объективным признакам: объекту и объективной стороне (самому деянию и способу его совершения), так и по субъективным: возраст уголовной ответственности субъекта, вид вины по отношению к смерти потерпевшего и цель преступного деяния.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что рассматриваемые составы помещены в различные главы УК РФ, что позволяет усмотреть разницу в объектах посягательства. Если террористический акт посягает на основы общественной безопасности, то объектом посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля являются конституционный строй и безопасность государства, при обязательном наличии дополнительного объекта (жизнь человека) и специального потерпевшего (государственный или общественный деятель), которые террористическому акту могут быть присущи лишь альтернативно.

Нельзя не заметить также, что объективная сторона этих преступлений может выражаться как во внешне совпадающих, так и в различных деяниях. Например, взрыв или поджог может быть как средством угрозы, запугивания, так и способом убийства. Однако в первом случае деяние носит демонстративный характер, и пострадать от него могут случайные люди, во втором же – это способ убийства конкретного лица, имеющего высокий государственный или общественный статус. Как справедливо отмечает В.Ю. Федянин, убийство этих лиц возможно также и другим способом: одиночным выстрелом, путем отравления, удушения и т.д., террористический акт же реализуется согласно ст.205 УК РФ посредством взрыва, поджога и иных, аналогичных по характеру и степени общественной опас-

¹ Подробнее см.: Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования (уголовно-правовое исследование). С. 159.

² См.: Емельянов В.П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с терроризмом. С.86.

ности деяний¹. В.П.Емельянов также считает, что способы совершения сравнимых деяний различны: террористический акт всегда совершается общеопасным способом (взрывы, поджоги и т.п.), а преступление, предусмотренное ст.277 УК РФ – способом, опасным, как правило, лишь для конкретного лица, но не для окружающих². Хотя нельзя исключить случаи, когда посягательство, направленное против конкретного лица совершается способом, опасным для жизни многих людей. По нашему мнению, в такой ситуации, при наличии к тому законных оснований (прежде всего, цели воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями) содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 205 и 277 УК РФ.

Необходимо также добавить к сказанному, что в отличие от посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля террористический акт может выражаться не только в насильственных действиях, но и в угрозе осуществления таких действий.

Что касается вида вины по отношению к смерти потерпевшего в рассматриваемых составах преступлений, то при посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля это однозначно прямой умысел, а при террористическом акте, согласно ч.3 ст.205 УК РФ, возможна и неосторожная вина.

Цель преступления, предусмотренного ст.277 УК РФ – политическое убийство, так называемый «селективный террор», стремление добиться прекращения государственной или общественной деятельности конкретного лица путем его устранения.

Цель террористического акта известна, сам же террористический акт – это своеобразная, с высокой степенью общественной опасности угроза, которая иногда может реализовываться в реальной гибели неопределенного количества людей, причем, случайных, не причастных к принятию решений органами власти и удовлетворению требований террористов. Кроме того, если для преступления, предусмотренного ст.277 УК РФ, убийство является практически единственным средством достижения намеченной цели – прекращения государственной или общественной деятельности лица, то для террористического акта убийство лишь одно из таких средств.

Представляется аналогичным соотношение террористического акта с таким преступлением террористической направленности, как нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст.360 УК РФ).

В самом деле, объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие мир и безопасность человечества в целом, а не основы общественной безопасности лиц, проживающих в отдельном государстве, как при террористическом акте. При квалификации

¹ Федянин В.Ю. Указ. соч. С.33.

² См.: Емельянов В.П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с терроризмом. С.87.

деяния по ст.360 УК РФ также обязательно наличие специального потерпевшего (представитель иностранного государства или сотрудник международной организации, пользующийся международной защитой) либо специального предмета (служебное или жилое помещение либо транспортное средство лица, пользующегося международной защитой), в то время как при террористическом акте это не обязательно.

По объективной стороне рассматриваемый состав преступления также отличается от террористического акта и характеризуется совершением следующего общественно опасного деяния – нападения на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, а равно на служебные или жилые помещения либо транспортные средства этих лиц. Данное деяние, как правило, не совершается общеопасным способом, как террористический акт, и не всегда носит демонстративный характер. Однако надо полагать, что, как и в случае с посягательством на жизнь государственного или общественного деятеля (ст.277 УК РФ), если указанное деяние совершено общеопасным способом и с целью, обозначенной в ст.205 УК РФ, то содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 205 и 360 УК РФ.

Стоит заметить между тем, что цель для основного состава преступления, предусмотренного ст.360 УК РФ, значения не имеет, в то время как в основном составе террористического акта она четко определена. Определенный интерес приобретает квалифицированный состав данного преступления, который предполагает наличие специальной цели, хотя и несколько перекликающейся с целью терроризма – оказание воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями, но, на наш взгляд, являющейся более конкретной – «провокация войны или ослабление международных отношений».

Таким образом, подводя промежуточный итог изложенному, надо сказать о довольно значительном количестве вопросов, возникающих в процессе отграничения террористического акта от смежных составов преступлений террористической направленности. Как показало исследование, их разграничение более или менее четко просматривается по линии обязательных признаков объекта и объективной стороны, и такого признака субъективной стороны, как цель, что наглядно представлено в таблице, вынесенной в приложение №1 к настоящему исследованию.

В связи с эскалацией различных проявлений крайних форм экстремизма и сравнительно недавней криминализацией ряда из них, не менее важным представляется решение вопроса об отграничении террористического акта от смежных составов преступлений экстремистской направленности (ст.ст. 149, 243, 278, 281, п. «а» ч.2 ст.282, 357 УК РФ). Это позволит избежать некоторых затруднений и соответственно не допустить ошибок при квалификации террористического акта.

Так, следует проводить грань между составами террористического акта и воспрепятствования проведению собрания, митинга, демонстрации,

шествия, пикетирования или участию в них (ст.149 УК РФ), которые в ряде случаев схожи по признакам объективной стороны.

Прежде всего, стоит сказать, что преступление, предусмотренное статьей 149 УК РФ, отличается от террористического акта по объекту. Неслучайно оно помещено в главу 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» и посягает на такой объект, как общественные отношения, обеспечивающие право граждан на свободу проведения массовых мероприятий и участие в них.

Нельзя не заметить, что объективная сторона данного состава преступления характеризуется деянием, выражающимся в незаконном воспрепятствовании проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них либо принуждении к участию в них, совершенном должностным лицом с использованием своего служебного положения либо с применением насилия или с угрозой его применения. Важно обратить внимание на то, что как раз в последнем случае чаще всего и возникает необходимость разграничения рассматриваемых составов преступлений, поскольку и террористический акт, и преступление, предусмотренное ст.149 УК РФ, могут быть совершены, например, путем взрыва, поджога и иных подобных действий либо угрозы их совершения. Однако следует учитывать, что террористический акт всегда сопряжен с общеопасными действиями, в то время как составу ст.149 УК РФ они присущи лишь альтернативно.

Различаются анализируемые составы преступлений и по цели. Если целью террористического акта является воздействие на принятие решений органами власти или международными организациями, то преступление, предусмотренное ст.149 УК РФ, направлено к другому преступному результату – воспрепятствовать проведению собрания, митинга и прочих массовых мероприятий или участию в них либо принудить к участию в них.

Прав, на наш взгляд, В.С. Комиссаров, который считает, что в случаях, когда указанная цель достигается путем совершения взрыва, поджога или иных общеопасных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба или наступления иных тяжких последствий, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных статьями 205 и 149 УК РФ¹.

Следует также отличать террористический акт от указанного состава преступления по субъекту. Субъект террористического акта – общий (физическое вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста), а субъектом преступления, предусмотренного ст.149 УК РФ альтернативно может выступать должностное лицо (в случае использования им своего служебного положения для совершения преступления) или любое физическое вменяе-

¹ См.: Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие преступления против безопасности общества. По новому УК РФ. С.117.

мое лицо, достигшее 16-летнего возраста (в случае применения им насилия либо угрозы применения такового при совершении преступления)¹.

При сравнительном анализе составов террористического акта и уничтожения или повреждения памятников истории и культуры (ст.243 УК РФ) становится очевидным, что необходимость их разграничения возникает лишь тогда, когда последние совершаются общеопасным способом (взрыв, поджог и т.п.). Представляется, что в таком случае его следует проводить по ряду объективных признаков (предмет, характеристика общественно опасного деяния) и такому субъективному признаку, как цель.

Необходимо иметь в виду, что предмет преступления, предусмотренного ст.243 УК РФ, специальный – памятники истории, культуры, природные комплексы или объекты, взятые под охрану государством (в том числе особо ценные объекты и памятники общероссийского значения), а также предметы и документы, имеющие историческую или культурную ценность. Признаки последних определены в Федеральном законе РФ от 14 марта 1995 года «Об особо охраняемых природных территориях»² и Федеральном законе РФ от 25 июня 2002 года «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»³. В отличие от специального предмета данного состава, предметом террористического акта могут выступать любые объекты материального мира, в том числе и указанные.

Кроме того, террористический акт не всегда связан с уничтожением или повреждением каких-либо предметов, а если и связан, то их реальное уничтожение или повреждение не обязательно должно последовать, так как террористический акт может быть выражен и в угрозе совершения таких действий.

Что касается цели, которая преследуется при уничтожении или повреждении памятников истории и культуры, то она может быть любой (уничтожение национального достояния, возбуждение расовой, национальной, религиозной или социальной розни и др.), в то время как совсем другая цель террористического акта четко определена в ст.205 УК РФ. Между тем, если же уничтожение или повреждение памятников истории и культуры осуществляется с террористической целью – воздействие на принятие решений органами власти или международными организациями, то состав ст.243 УК РФ будет поглощаться составом террористического акта и содеянное необходимо квалифицировать только по ст.205 УК РФ.

Необходимо отличать состав террористического акта и от состава насильственного захвата власти или насильственного удержания власти (ст.278 УК РФ).

Грань между ними нужно проводить одновременно по нескольким

¹ См.: Российское уголовное право. В двух томах. Том II.. Особенная часть / Под ред. проф. А.И. Рарога. С.128.

² Российская газета. 1995. 22 марта.

³ Российская газета. 2002. 29 июня.

признакам.

Во-первых, по объекту. Насильственный захват власти или насильственное удержание власти посягает на конституционные основы осуществления государственной власти в РФ, в то время как объектом террористического акта являются основы общественной безопасности.

Во-вторых, по характеру совершаемых действий. Так, действия направленные на насильственный захват или насильственное удержание власти, а равно на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, которые образуют объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст.278 УК РФ, далеко не всегда носят общественно опасный характер и грозят гибелью человека, причинением значительного имущественного ущерба или наступлением иных тяжких последствий, что является неотъемлемой характеристикой террористического акта.

В-третьих, по цели совершения рассматриваемых деяний. Если террористический акт совершается с целью воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями, то преступление, предусмотренное ст.278 УК РФ, имеет совсем иные цели – захват государственной власти, ее незаконное удержание или изменение конституционного строя РФ.

И, в-четвертых, по субъекту. Действия, направленные на насильственный захват власти или ее насильственное удержание, как правило, совершаются не фанатично настроенными лицами, выступающими против государства или общества в целом, что характерно для террористического акта, а оппозицией официальной власти, которая имеет прочную материальную и социальную базу и готова вступить в открытую борьбу за власть¹. Примером могут служить события, связанные с попыткой государственного переворота в СССР в начале 90-х годов прошлого столетия.

В том случае, когда террористический акт выступает способом насильственного захвата или насильственного удержания государственной власти, содеянное, как справедливо отмечает В.П.Емельянов, образует совокупность преступлений и должно квалифицироваться по ст.ст. 205 и 278 УК РФ, так как акт терроризма здесь не самоцель, а лишь способ достижения цели при совершении преступления против основ конституционного строя и государственной власти в целом².

На наш взгляд, следует более подробно остановиться на проблемах отграничения состава террористического акта от схожего с ним по объективным признакам состава диверсии (ст.281 УК РФ), так как это имеет особое значение для правильной квалификации содеянного.

Указанное преступление было предусмотрено еще УК РСФСР 1960 года в ст.68 «Диверсия», но Федеральный закон от 1 июля 1994 года исключил его из УК РСФСР, дополнив Кодекс ст.213³ об ответственности за

¹ См.: Емельянов В.П. Уголовная ответственность за терроризм и преступления с признаками терроризирования. С.335.

² См.: там же.

терроризм. Примечательно, что УК РФ 1996 года устанавливает ответственность как за террористический акт (ст.205 УК РФ), так и за диверсию (ст.281 УК РФ), то есть за совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности РФ.

Нетрудно заметить, что общность этих преступлений прослеживается по объективной стороне. Неслучайно данное обстоятельство отмечается многими авторами¹, а, М.В. Назаркин, например, утверждает, что объективные стороны обоих составов практически полностью совпадают². В этой связи вопрос об отграничении террористического акта от диверсии имеет не только большое теоретическое, но и практическое значение для правоприменительной деятельности.

Постараемся проследить основные различия этих преступлений, которые, на наш взгляд, заключаются в следующем.

Прежде всего, если основной непосредственный объект диверсии – общественные отношения, обеспечивающие экономическую безопасность и обороноспособность Российской Федерации, то основной непосредственный объект террористического акта это общественные отношения, обеспечивающие основы общественной безопасности.

Далее, обязательный признак субъективной стороны террористического акта – цель воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями. При совершении диверсии преследуются иные цели – подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации. Поэтому, как верно подмечает М.П. Киреев, не случайно закон не требует, чтобы диверсионный акт создавал угрозу гибели человека. В самом деле, ведь диверсант достигает своих целей не путем запугивания населения (что, впрочем, опосредованно и может иметь место), а, прежде всего, воздействием на материальные объекты, созданные и функционирующие в интересах обороны страны и защиты ее экономики³.

Надо, кроме того, указать и на предмет диверсии, в качестве которого в соответствии со ст.281 УК РФ выступают предприятия, сооружения, пути и средства сообщения, средства связи, объекты жизнеобеспечения населения. При совершении же террористического акта предмет не является обязательным признаком объекта, за исключением ч.3 ст.205 УК РФ,

¹ См.: Киреев М.П. Уголовно-правовые основы борьбы органов безопасности и органов внутренних дел с террористической деятельностью. С.59-63; Овчинникова Г.В. Указ. соч. С.29-32; Петрищев В.Е. Проблемы профилактики терроризма в России. С.86; Емельянов В.П. Терроризм, бандитизм, диверсия: вопросы разграничения // Законность. 2000. №1. С.53-54.

² См.: Назаркин М.В. Указ. соч. С.21.

³ См.: Киреев М.П. Проблемы борьбы ОВД с актами терроризма. С.11.

где в качестве одного из особо отягчающих обстоятельств данного преступления указывается сопряжение террористического акта с посягательством на объекты использования атомной энергии.

Важно заметить и то, что объективная сторона террористического акта, в отличие от объективной стороны диверсии, состоит не только в непосредственном совершении взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба или наступления иных тяжких последствий, но и в угрозе совершения указанных действий.

Говоря об отличии террористического акта от диверсии можно выделить еще ряд факторов, которые не обязательно, но могут свидетельствовать о том, что совершено преступление, предусмотренное ст.281 УК РФ, а не акт терроризма.

Так, проведенный анализ юридической литературы и правоприменительной практики показал, что материальным воплощением цели диверсии может быть:

1) выбор предметов материального мира, на разрушение или повреждение которых направлены действия преступников (например, предприятий или сооружений, играющих ключевую роль в той или иной стратегически важной сфере жизнеобеспечения и экономики), а также выбор времени, места, конкретной обстановки совершения преступления (например, совершение преступления во время войны или военной опасности, в период кризиса экономики и попыток подрыва суверенитета России с использованием этого обстоятельства)¹;

2) совершение преступления тайно, без афиширования своих намерений и действий, тогда как террористы обычно действуют открыто, демонстративно, нагло с предъявлением определенных требований².

Необходимо обратить внимание на то, что на практике может возникнуть вопрос об идеальной совокупности террористического акта и диверсии. На возможность такой ситуации в своих работах указывают М.П. Киреев и И.А. Кириллов. По их мнению, закон не исключает наличия у преступника одновременно диверсионной и террористической цели. Это возможно и в случае, если, например, по заданию зарубежной организации с целью подрыва экономической безопасности страны выводится из строя стратегически важный промышленный объект, с применением средств запугивания населения (например, мощный взрыв) и намерением заставить органы власти выполнить личные требования преступника. В таких случаях совершение взрыва содержит признаки диверсии и террористического

¹ См.: Киреев М.П. Проблемы борьбы ОВД с актами терроризма. С. 12; Кириллов И.А. Уголовно-правовые меры борьбы с терроризмом. Лекция. С. 13.

² См.: Емельянов В.П. Терроризм и преступления террористической направленности. С. 159; Он же. Терроризм, бандитизм, диверсия: вопросы разграничения. С.54; Овчинникова Г.В. Указ. соч. С.32.

акта, что предполагает квалификацию их по двум статьям УК¹. Конечно, теоретически такая ситуация возможна, однако на практике доказать даже одну из этих целей будет очень сложно. Поэтому следователь, прокурор и судья скорее всего ограничатся той статьей, признаки которой можно будет доказать с более высокой степенью вероятности.

Следующим составом преступления экстремистской направленности, от которого необходимо отграничивать состав террористического акта, является возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения (п. «а» ч.2 ст.282 УК РФ).

В первую очередь данные составы преступлений необходимо разграничивать по объекту. Непосредственным основным объектом преступления, предусмотренного п. «а» ч.2 ст.282 УК РФ являются основы конституционного строя и безопасность государства. Его дополнительным объектом выступают конституционные права и свободы граждан (равенство перед законом и судом, свобода вероисповедания и др.). Террористический акт же, как уже отмечалось, посягает на другие объекты уголовно-правовой охраны: основы общественной безопасности (непосредственный основной объект); жизнь человека, отношения собственности, отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов власти и др. (непосредственные дополнительные объекты).

По признакам объективной стороны состав возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ст.282 УК РФ) может конкурировать с составом террористического акта лишь в случае, когда действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц в зависимости от пола, расы, национальности, отношения к религии и т.д. (именно эти действия образуют объективную сторону преступления, предусмотренного ст.282 УК РФ), совершаются с применением насилия или с угрозой его применения, например, взрывов, поджогов и т.п.

В такой ситуации нужно учитывать, что взрывы, поджоги и иные действия при террористическом акте всегда должны создавать опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, а для состава преступления, предусмотренного ст.282 УК РФ, так как он является формальным, создание опасности наступления указанных последствий вовсе не обязательно.

Основным признаком, отличающим данные составы преступлений, на наш взгляд, является цель. В самом деле, преступление, предусмотренное ст.282 УК РФ, совершается с целью возбуждения расовой, национальной или религиозной вражды либо унижения человеческого достоинства, в то время как целью террористического акта является воздействие на при-

¹ См.: Киреев М.П. Уголовно-правовые основы борьбы органов безопасности и органов внутренних дел с террористической деятельностью. С.62; Кириллов И.А. Уголовно-правовые меры борьбы с терроризмом. Лекция. С. 13.

нятие решений органами власти или международными организациями. В тех же случаях, когда перечисленные в ст.282 УК РФ цели достигаются путем совершения акта терроризма, содеянное, как справедливо отмечают В.В. Коряковцев и К.В. Питулько, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 205 и 282 УК РФ¹.

Не менее важно отграничивать террористический акт от геноцида (ст.357 УК РФ). В первую очередь это следует делать по объекту. Геноцид относится к преступлениям, посягающим на регламентированные правом средства и методы ведения войны, в то время как террористический акт направлен на основы общественной безопасности. Специфичен геноцид и своим дополнительным непосредственным объектом – жизнь и здоровье национальной, этнической, расовой или религиозной группы людей в целом. Несмотря на то, что террористический акт имеет более широкий перечень дополнительных непосредственных объектов, чем геноцид, и одним из них является жизнь и здоровье людей, круг этих людей качественно неопределен.

Объективная сторона геноцида в отличие от объективной стороны террористического акта, которая может состоять во взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба, либо наступления иных тяжких последствий, характеризуется такими действиями, как полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы.

Различаются данные составы и по цели. Цель геноцида – полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой, в то время как террористический акт совершается с целью воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями. В тех же случаях, когда террористический акт является способом достижения целей, указанных в диспозиции ст.357 УК РФ, исходя из анализа санкций рассматриваемых преступлений, содеянное следует квалифицировать только по данной статье. Если эти действия, совершены лицом, достигшим 14-летия, но не достигшим шестнадцатилетнего возраста, то ответственность будет наступать по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 105 и 205 УК РФ, ввиду того, что возраст наступления уголовной ответственности за геноцид – 16 лет.

Изложенное позволяет заключить, что определенные сложности при квалификации террористического акта возникают в связи с необходимостью его отграничения от достаточно широкого круга смежных с ним составов преступлений террористической и экстремистской направленности.

¹ См.: Коряковцев В.В., Питулько К.В. Указ. соч. С.659.

Как показало исследование, решение указанной задачи возможно при детальном сравнительном анализе объективных и субъективных признаков разграничиваемых составов преступлений. При этом следует отметить, что наиболее часто отличительными чертами террористического акта (наряду с другими) являются его объект – основы общественной безопасности и специальная цель – воздействие на принятие решений органами власти или международными организациями, что видно из сравнительных таблиц, вынесенных в приложения №1 и №1 к настоящему исследованию. Однако нельзя забывать, что перечень смежных с террористическим актом составов преступлений не исчерпывается составами террористической и экстремистской направленности. В связи с чем, для более полного и обстоятельного решения проблем, возникающих при квалификации террористического акта, представляется необходимым далее рассмотреть вопрос об отграничении его от иных смежных составов преступлений.

§3. Отграничение террористического акта от иных смежных составов преступлений

Как уже нами отмечалось, террористический акт по своим объективным и субъективным признакам, помимо других составов, имеет сходство с убийством, совершенным общеопасным способом (п. «е» ч.2 ст.105 УК РФ); вымогательством (ст.163 УК РФ); умышленными уничтожением или повреждением чужого имущества, совершенными путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом (ч.2 ст.167 УК РФ); бандитизмом (ст.209 УК РФ); пиратством (ст.227 УК РФ) и экоцидом (ст.358 УК РФ). Представляется, что решение вопроса об отграничении террористического акта от иных смежных составов преступлений в связи с распространенностью последних имеет большую теоретическую и практическую значимость для правильной квалификации содеянного.

По внешним признакам террористический акт имеет общие черты с убийством, совершенным общеопасным способом (п. «е» ч.2 ст.105 УК РФ). В п.9 постановления №1 Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года «О судебной практике по делам об убийстве» разъясняется, что под общеопасным способом убийства следует понимать такой способ умышленного причинения смерти, который заведомо для виновного представляет опасность для жизни не только потерпевшего, но хотя бы еще одного лица (например, путем взрыва, поджога, производства выстрела в месте скопления людей, отравления воды и пищи, которыми помимо потерпевшего пользуются другие люди)¹. Таким образом, объективная сторона этих составов преступлений во многом схожа, на что неоднократно указывалось в литературе, посвященной данной проблематике².

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ, 1999, №1. С. 16.

² См.: Киреев М.П. Уголовно-правовые основы борьбы органов безопасности и

Представляется, что разграничение рассматриваемых составов преступлений необходимо проводить по следующим признакам.

Во-первых, террористический акт одновременно посягает на два обязательных объекта. При этом основным непосредственным объектом террористического акта являются общественные отношения, обеспечивающие основы общественной безопасности, а его дополнительным непосредственным объектом альтернативно могут выступать общественные отношения, обеспечивающие жизнь и здоровье человека, отношения собственности, отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов власти и др. Нетрудно заметить, что убийство, совершенное общеопасным способом, посягает на один непосредственный объект – общественные отношения, обеспечивающие жизнь человека.

Во-вторых, преступление, предусмотренное п. «е» ч.2 ст.105 УК РФ, может быть совершено с любой целью, умысел же в данном случае направлен исключительно на лишение потерпевшего жизни. При террористическом акте умысел направлен на достижение цели воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями, тогда как возможность наступления общественно опасных последствий в виде гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба и других выступает лишь средством достижения указанной цели.

Из сказанного с очевидностью следует, что в том случае, когда убийство, совершаемое общеопасным способом, является средством достижения цели, указанной в диспозиции ст.205 УК РФ, содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных п. «е» ч.2 ст.105 УК РФ и ст.205 УК РФ.

Если же причинение смерти человеку не охватывалось умыслом террористов, то налицо террористический акт, повлекший по неосторожности смерть человека (ч.3 ст.205 УК РФ), основное отличие которого от убийства, совершенного общеопасным способом, заключается в форме вины по отношению к смерти потерпевшего. Как справедливо замечает Г.В. Овчинникова, по п. «е» ч.2 ст.105 УК РФ это может быть прямой или косвенный умысел, а по ч.3 ст.205 УК РФ, как установлено в самой статье, лишь неосторожная вина¹.

Немалую сложность представляет собой отграничение террористического акта, сопряженного с требованиями материального характера, от вымогательства (ст.163 УК РФ).

На наш взгляд, в основу разграничения данных составов преступлений может быть положен ряд признаков.

Во-первых, они отличаются по основному непосредственному объекту. Для террористического акта это основы общественной безопасности,

органов внутренних дел с террористической деятельностью. С.59-63; Овчинникова Г.В. Указ. соч. С.29-32.

¹ См.: Овчинникова Г.В. Указ. соч. С.30.

а для вымогательства – отношения собственности.

Во-вторых, не схожи эти составы и по объективной стороне. Объективная сторона террористического акта характеризуется исключительно общеопасными действиями, в то время как действия, образующие объективную сторону вымогательства (требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких) таковыми могут и не являться.

В-третьих, очевидно, следует отграничивать указанные составы преступлений и по цели их совершения. Как известно, террористический акт совершается с целью воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями, вымогательство же однозначно преследует цель корыстную – получение материальной выгоды, обогащение. Даже если промежуточной целью действий, совершаемых при вымогательстве, может выступать оказание воздействия на принятие решений органами власти, то это лишь средство достижения конечной – корыстной цели.

И, в-четвертых, что, на наш взгляд, можно сформулировать как форму выражения во вне, характер действий преступников также является немаловажным основанием в различии анализируемых составов преступлений. В самом деле, действия террористов, как правило, носят публичный характер, тогда как вымогатели стараются действовать конфиденциально, без лишней огласки, а соответственно и обстановка страха террористами создается на социальном уровне и служит средством запугивания неопределенно большого количества людей, тогда как при вымогательстве запугивание осуществляется на индивидуальном или узкогрупповом уровне.

Террористический акт, последствием которого является умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, имеет определенное сходство с составом такого преступления, как умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенные путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом (ч.2 ст.167 УК РФ).

Однако, во-первых, что принципиально важно, - основным непосредственным объектом умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, в отличие от террористического акта, являются общественные отношения собственности.

Во-вторых, при совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст.167 УК РФ, отсутствует цель воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями. Виновный здесь преследует довольно ограниченную по своему характеру цель – уничтожить или повредить чужое имущество, не руководствуясь при этом какими-либо политическими мотивами. Если же он пытается таким образом уstrate население и оказать воздействие на принятие решений органами власти или международными организациями, то содеянное должно квалифицироваться

ся по ст.205 УК РФ.

И наконец, в-третьих, субъективная сторона данного преступления характеризуется виной в виде прямого или косвенного умысла, в то время как террористический акт совершается исключительно с прямым умыслом.

Определенные трудности вызывает и отграничение террористического акта от состава бандитизма (ст.209 УК РФ).

Бандитизм – это организация устойчивой вооруженной группы (банды) с целью нападения на граждан или организации (ч.1 ст.209 УК РФ), а равно участие в такой группе (банде) или совершаемых ею нападениях (ч.2 ст.209 УК РФ). Стоит указать на то, что непосредственным объектом бандитизма, так же как и при террористическом акте, являются основы общественной безопасности.

На наш взгляд, разграничение данных составов преступлений следует осуществлять по признакам объективной стороны и цели совершения преступления.

Обязательный признак объективной стороны бандитизма – создание устойчивой вооруженной группы (наличие двух или более лиц), а для террористического акта – совершение его организованной группой, - является только квалифицирующим признаком (ч.3 ст.205 УК РФ). Вооруженность – еще один обязательный признак бандитизма, в то время как при террористическом акте возможны действия, не связанные с наличием или применением оружия (например, поджоги, создание обвалов, затоплений и т.п.).

Нападение – основное общественно опасное действие бандформирований, направленное на достижение преступного результата путем применения насилия. Террористический акт же не всегда связан с насилием над конкретными людьми и представителями государственных и общественных организаций, он, скорее, представляет собой «рассеянную» угрозу или опасность населению, обществу, зато всегда эти действия носят устрашающий характер, рассчитанный на большой общественный резонанс¹.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что насильственные действия при террористическом акте сопряжены с воздействием на третьих лиц в целях понуждения их к выгодному для террористов поведению, тогда как при бандитизме виновные не рассчитывают на поведение какой-либо третьей стороны, а достигают поставленных целей своими силами и средствами непосредственно в ходе совершения актов насилия².

И все же главное различие рассматриваемых преступлений, на наш взгляд, состоит в цели их совершения. В самом деле, целями бандитских нападений являются различные материальные интересы: завладение имуществом, оружием, наркотиками; запугивание, рэкет и т. п. Цель террористического акта обозначена в диспозиции ст.205 УК РФ и состоит, повто-

¹ См.: Овчинникова Г.В. Указ. соч. С.30.

² См.: Вакуленко В.Ф., Гришанова С.А. Терроризм и бандитизм: к вопросу о соотношении составов // Закон и право, 2003. №7. С.8.

рим, в воздействии на принятие решений органами власти или международными организациями.

Вопрос о соотношении составов террористического акта и пиратства (ст.227 УК РФ) обычно возникает перед исследователями, занимающимися проблемой безопасности морского судоходства, однако в их научных работах либо вообще не проводится разграничение между этими преступлениями, либо оно осуществляется по второстепенным признакам.

Как известно, борьба с пиратством (морским разбоем) регулируется Женевской конвенцией об открытом море (1958 года) и Конвенцией ООН по морскому праву (1982 года). В связи с этим В.П. Панов отмечает, что при привлечении к уголовной ответственности за пиратство по федеральному законодательству необходимо учитывать следующие признаки данного преступления, закрепленные в указанных международно-правовых актах, отличающие пиратство от террористического акта:

1. Пиратство может быть совершено только в открытом море. В пределах государственной территории подобные действия квалифицируются по законам данной страны как разбойное нападение, грабеж, бандитизм и т.д.

2. Пиратство направлено против другого судна или против имущества, находящегося на борту этого судна, а также против безопасности его плавания.

3. Пиратским может быть признано только частновладельческое судно, предназначенное или используемое лицами, имеющими над ним власть для совершения нападений на другие суда. Исключение составляют случаи, когда экипаж корабля поднял мятеж, захватил контроль над ним и совершил пиратские действия.

4. Пиратскими могут быть только действия, совершаемые с личными целями, т.е. личное обогащение, корысть, месть и другая личная заинтересованность¹.

С.О. Допилка по существу усматривает разницу между террористическим актом и пиратством лишь в том, что первый совершается с политической направленностью, а последнее по личным мотивам².

В свою очередь, Л.А. Моджорян полагает, что понятие морского терроризма вообще следует включить в определение пиратства, поскольку между ними нет принципиальной разницы. В числе общих признаков данных преступлений она указывает, что они «подрывают свободу морей и направлены против безопасности мореплавания», а их характерной чертой является «запугивание, то есть поведение преступника, рассчитанное на

¹ См.: Панов В.П. Международное уголовное право: Учебное пособие. М.: ИН-ФРА-М, 1997. С.133.

² См.: Допилка С.О. Уголовная ответственность за терроризм и пиратство на море. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Киев, 1993. С.19-21.

то, чтобы вызвать ужас, парализующий жертв нападения»¹.

Однако с приведенными аргументами вряд ли можно полностью согласиться. Дело в том, что террористический акт, как известно, совершается не только по политическим мотивам и представляет собой не политическую акцию, а преступное деяние. Что же касается запугивания жертв нападения, то если для пиратов оно является основным моментом в процессе совершения преступления, то для террористов – это промежуточный этап, служащий средством воздействия на третьих лиц, заинтересованных в безопасности жертв нападения. Далее, если для пиратов захватом судна и находящегося на нем имущества преступная деятельность исчерпывается, то для террористов с этого преступные действия лишь начинаются, поскольку достижение их целей связано не с поведением жертв нападения в ходе насильственных действий, а с поведением третьих лиц, на которых и призвана оказать воздействие насильственная акция. Следует также учитывать, что действия пиратов в отличие от террористов направлены на удовлетворение их интересов непосредственно в ходе совершения насильственных актов.

Кроме того, насилие при террористическом акте всегда носит общеопасный характер, в то время как для пиратства это вовсе не является обязательным.

И наконец, различаются данные преступления по цели их совершения. Пиратству не свойственна цель, указанная в диспозиции ст.205 УК РФ – воздействие на принятие решений органами власти или международными организациями, оно совершается с целью завладения чужим имуществом «вдали от берега».

По объективным признакам с террористическим актом схож и состав экоцида (ст.358 УК РФ). Действия, образующие объективную сторону экоцида – массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов либо иные действия, способные вызвать экологическую катастрофу, по своему характеру вполне подпадают под признак «иных действий» при террористическом акте, которые создают опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий.

Разграничение данных преступлений, на наш взгляд, необходимо осуществлять по объекту посягательства и цели их совершения.

Непосредственным основным объектом экоцида являются общественные отношения, обеспечивающие мир и безопасность человечества в целом, дополнительным непосредственным объектом – существование растительного или животного мира, а также атмосферы или водных ресурсов как среды обитания человека. Террористический акт, как уже отмечалось, нарушает иные общественные отношения.

Несомненно, основным отличительным признаком террористическо-

¹ Моджорян Л.А. Терроризм на море. Борьба государств за безопасность морского судоходства. М.: Международные отношения, 1998. С.37.

го акта является наличие специальной цели его совершения, поскольку цели экоцида могут быть любыми и для квалификации не имеют значения. Представляется, что в том случае, когда массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов либо иные подобные действия, способные вызвать экологическую катастрофу, совершаются в террористических целях, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных ст.ст. 205 и 358 УК РФ.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что решение вопроса об ограничении террористического акта от категории иных смежных с ним составов преступлений является не менее важным и проблематичным, чем его разграничение со смежными составами преступлений террористической и экстремистской направленности, тем более что на практике, при квалификации террористического акта в первом случае такая необходимость возникает гораздо чаще. Произведенное исследование позволяет полагать, что правильное решение указанного вопроса возможно на основе глубокого анализа объективных и субъективных признаков разграничиваемых составов преступлений (см. таблицу в приложении №3 к настоящему исследованию) с одновременным применением правил о конкуренции уголовно-правовых норм.

§4. Совершенствование уголовно-правовых норм об ответственности за террористический акт

Эффективное противодействие такому сложному и опасному явлению, как терроризм, возможно только при создании надежной системы защиты государства, общества и отдельных граждан от террористических посягательств. Не последнее место в этой системе принадлежит уголовно-правовым средствам. По мнению Г.М. Миньковского и В.П. Ревина, именно дефиниции уголовного законодательства обеспечивают законность и вместе с тем стимулируют активность использования непосредственных мер предупреждения, пресечения конкретных террористических преступлений, достаточное и справедливое наказание за них¹. Следует отметить, что в целом уголовное законодательство предоставляет большие возможности для успешной борьбы с рассматриваемым явлением. Однако проведенный анализ нормы, предусматривающей ответственность за террористический акт, и практики ее применения показал, что сложность описания признаков данного состава преступления и ряд неточностей, допущенных законодателем, вызывают определенные трудности у правоприменителя при квалификации деяний по ст.205 УК РФ.

Все это позволяет заключить, что уголовное законодательство об ответственности за террористический акт, несмотря на неоднократное реформирование, все еще нуждается в совершенствовании.

¹ См.: Миньковский Г.М., Ревин В.П. Указ. соч. С.84.

По ходу исследования нами были внесены следующие предложения по изменению и дополнению статьи об ответственности за террористический акт:

1) исключить из ч.1 ст.205 УК РФ слова «а также угроза совершения указанных действий в тех же целях» и предусмотреть ответственность за угрозу совершения акта терроризма в отдельной статье УК РФ, например ст.205³ с названием «Угроза совершения террористического акта»;

2) в ч.1 ст.205 УК РФ термин «действия» заменить термином «деяния», который охватывает и активную (действие), и пассивную (бездействие) формы человеческого поведения;

3) исключить п. «в» ч.2 ст.205 УК РФ, который предусматривает такой квалифицирующий признак состава террористического акта как совершение его с применением огнестрельного оружия;

4) дополнить ч.2 ст.205 УК РФ квалифицирующим признаком «совершение преступления из корыстных побуждений или по найму»;

5) в ч.3 ст.205 УК РФ слова «повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия» заменить словами «повлекли наступление тяжких последствий»;

6) дополнить ст.205 УК РФ частью 4, предусматривающей ответственность за террористический акт, сопряженный с убийством человека;

12) примечание к ст.205 УК РФ изложить в новой редакции: «Примечание. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом предотвратило наступление общественно опасных последствий и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Кроме того, анализ законодательства зарубежных государств и литературы по отечественному уголовному праву позволяет внести и обосновать другие предложения по совершенствованию уголовного законодательства об ответственности за террористический акт.

В первую очередь в связи с выделением нормы об уголовной ответственности за угрозу совершения террористического акта в отдельную статью УК РФ следует установить за данное преступление соответствующее наказание. Представляется, что оно должно быть менее строгим, чем за реальный взрыв, поджог или иные подобные деяния, но более строгим, чем за заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Так, С.Ф. Милюков предлагает за угрозу совершения действий, перечисленных в ст.205 УК РФ, предусмотреть наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 6 лет¹, А.И. Долгова – на срок от 3 до 7 лет², И.А. Кириллов – на срок от 2 до

¹ См.: Милюков С.Ф. Указ. соч. С.246.

² См.: Долгова А.И. Совершенствование уголовно-правовой основы борьбы с организованной преступностью, коррупцией и терроризмом // Проблемы правовой и криминологической культуры борьбы с преступностью. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002. С.108.

5 лет¹. В свою очередь В.В. Мальцев, считает целесообразным установить за угрозу совершения террористического акта ответственность до 5 лет лишения свободы².

Анализ санкций норм, содержащихся в ст.ст. 205 и 207 УК РФ, а также ст.ст. 119, 163, 296, 318 УК РФ, в которых в качестве одного из признаков объективной стороны состава преступления предусмотрена угроза применения насилия либо уничтожения или повреждения имущества, позволяет сделать вывод о целесообразности назначения за угрозу совершения террористического акта наказания в виде лишения свободы на срок от 3 до 7 лет. В соответствии с ч.4 ст.15 УК РФ данное преступление будет являться тяжким.

Также следует обратить внимание и на санкцию нормы об ответственности за собственно террористический акт, недостаточной жестокостью которой недовольны многие ученые. Однако Федеральным законом РФ от 21 июля 2004 года «О внесении изменений в статьи 57 и 205 Уголовного кодекса Российской Федерации» наказание за террористический акт было увеличено. В настоящий момент преступление, предусмотренное ч.1 ст.205 УК РФ, наказывается лишением свободы на срок от 8 до 12 лет, преступление, предусмотренное ч.2 ст.205 УК РФ, наказывается лишением свободы на срок от 10 до 20 лет. За террористический акт при особо отягчающих обстоятельствах (ч.3 ст.205 УК РФ) может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет или пожизненного лишения свободы. Таким образом, в соответствии со ст.15 УК РФ террористический акт, как без отягчающих обстоятельств, так и при наличии отягчающих и особо отягчающих обстоятельств – является особо тяжким преступлением. Но если дополнить ст.205 УК РФ частью 4, содержащей такой особо квалифицирующий признак, как сопряжение террористического акта с убийством человека, то необходимо предусмотреть за подобное деяние еще более строгую санкцию.

В ч.3 ст.213³ УК РСФСР за терроризм, повлекший смерть человека, в числе прочих наказаний была установлена смертная казнь. В санкции ст.205 УК РФ смертная казнь не предусмотрена, но в ней не предусмотрено и умышленное причинение смерти человеку, а смертная казнь в соответствии с ч.2 ст.20 Конституции РФ и ч.1 ст.59 УК РФ может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь. Поэтому в случае реконструкции ст.205 УК РФ упомянутым нами способом смертная казнь, наряду с лишением свободы на определенный срок или пожизненным лишением свободы, может быть указана в качестве одного из видов наказания за террористический акт, сопряженный с убийством человека. При этом что касается такого вида наказания как лишение сво-

¹ См.: Кириллов И.А. Проблемы современного терроризма в социально-правовом, криминологическом и уголовно-правовом аспектах. С.33.

² См.: Мальцев В.В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования. С.107.

боды на определенный срок, то изучение норм Общей части, статьи 205 УК РФ и других норм Особенной части УК РФ, в санкции которых включена исключительная мера наказания (ч.2 ст.105, ст.277, ст.295, ст.317, ст.357 УК РФ), дает основание полагать, что оптимальным в данной ситуации размером лишения свободы будет срок от 16 до 20 лет.

Нельзя оставить без внимания и вопрос о нецелесообразности введения в УК РФ нормы об ответственности за организацию террористического сообщества (террористической организации) или террористической группы.

Следует отметить, что УК некоторых зарубежных государств имеют подобные нормы. Например, согласно ст.129-а («Создание террористических объединений») УК ФРГ за создание объединения и за участие в объединении, деятельность которого направлена на захват заложников, совершение убийства и других преступлений (всего около 15 составов), предусматривается наказание до 10 лет лишения свободы. В 1980 году в УК Италии введена ст.270-(бис), устанавливающая ответственность лиц, организующих сообщества с конечной целью терроризма и разрушения демократического строя¹. УК Китайской Народной Республики также содержит статью об ответственности за создание террористической организации (ст.120).

В соответствии с Нормативным актом Перу №25475 от 6 мая 1992 года один лишь факт принадлежности человека к террористической организации карается лишением свободы на срок не менее 30 лет, а руководителям террористических структур грозит пожизненное тюремное заключение².

За внесение подобного дополнения в УК РФ высказывались, в частности, такие исследователи, как А.А. Магомедов³, Г.М. Миньковский, В.П. Ревин⁴, С.Д. Гринько⁵. Последний, к примеру, как вариант решения данного вопроса предлагает включить в ст.205 УК РФ часть 4, в которой бы говорилось об ответственности за создание организованной группы в целях совершения террористических действий, а равно за руководство такой группой⁶.

¹ См.: Ващенко Ю.В. Указ. соч. С.383-384.

² См.: Петрищев В.Е. Антитеррористическое законодательство за рубежом // Современный терроризм: состояние и перспективы / Под ред. Е.И. Степанова. – М.: Эдиторал УРСС, 2000. С.221.

³ См.: Предложения по совершенствованию Уголовного кодекса РФ, направленные в Криминологическую Ассоциацию. С.11.

⁴ См.: Миньковский Г.М., Ревин В.П. Совершенствование концепции борьбы с терроризмом в современных условиях // Уголовная политика и проблемы безопасности государства: Труды Академии управления МВД России. – М., 1998. С.58-60.

⁵ См.: Гринько С.Д. Указ. соч. С.6, 18-20.

⁶ См.: Там же. С.6, 20.

В качестве основных аргументов указанные ученые выделяют следующие:

- во-первых, создание организованной преступной группы или преступного сообщества (организации) террористической направленности, не может квалифицироваться по ст.208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем» или ст.209 УК РФ «Бандитизм», так как в них речь ведется соответственно о вооруженном формировании и вооруженной группе (банде) вообще, которые могут создаваться для достижения различных целей, например, политических, сепаратистских, корыстных и других;

- во-вторых, создание преступного сообщества (организации) террористической направленности не может быть квалифицировано по ст.210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации)», ввиду недопустимости отождествления терроризма с организованной преступностью.

На наш взгляд, данные положения не являются достаточно весомыми аргументами в пользу введения в УК РФ специальной нормы, устанавливающей ответственность за создание организованной преступной группы или преступного сообщества (организации) террористической направленности. Так, несмотря на то, что создание незаконного вооруженного формирования или банды не всегда имеет террористические цели, а сам терроризм, несомненно, не может быть отождествлен с организованной преступностью, хотя нередко и входит в ее инструментарий, это не является препятствием для квалификации создания организованной преступной группы или преступного сообщества (организации) террористической направленности или руководства таким объединением при наличии к тому оснований по ст.ст. 208, 209 или 210 УК РФ.

Нам представляется более обоснованным мнение В.П. Емельянова, который считает, что включение в УК РФ отдельной нормы, устанавливающей ответственность за создание, руководство или участие в террористической группе, террористическом сообществе (террористической организации) не вызывается необходимостью¹.

В УК РФ имеется целый ряд статей, которые своими признаками охватывают деяния по созданию подобных объединений и руководству ими (например, ст.209 УК РФ «Бандитизм» и ст.210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации)»). В свою очередь за финансирование терроризма и в частности террористической организации, а

¹ См.: Емельянов В.П. Терроризм – как явление и как состав преступления. С.202.

также склонение к участию в ней, ответственность установлена ст.205¹ УК РФ «Содействие террористической деятельности».

Совершение террористического акта организованной группой служит особо квалифицирующим признаком данного состава преступления, а сам факт создания такой группы влечет уголовную ответственность за приготовление к террористическому акту. Поэтому выделение нормы более узкого содержания (с указанием на террористические цели таких структур), по нашему мнению, не сможет положительно повлиять на практику привлечения к уголовной ответственности членов террористических групп, сообществ, организаций, а лишь создаст дополнительный случай конкуренции между статьями УК РФ.

Исходя из изложенного, предлагаем следующий вариант совершенствования уголовного законодательства об ответственности за террористический акт:

Статья 205. Террористический акт.

1. Совершение взрыва, поджога или иных деяний, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, -

наказывается лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет.

2. Те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору либо из корыстных побуждений или по найму, -

наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они:

а) совершены организованной группой;

б) повлекли наступление тяжких последствий;

в) сопряжены с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ, -

наказываются лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет или пожизненным лишением свободы.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, если они сопряжены с убийством человека, -

наказываются лишением свободы на срок от шестнадцати до двадцати лет либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью.

Примечание. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное

настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом предотвратило наступление общественно опасных последствий и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Статья 205³. Угроза совершения террористического акта.

Угроза совершения взрыва, поджога или иных деяний, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, -

наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет.

Заключение

Терроризм, являясь неотъемлемой частью политических и экономических процессов во всем мире, представляет все более значительную угрозу общественной и национальной безопасности Российской Федерации. Проведенное исследование показало, что терроризм – это сложное и многообразное антисоциальное явление, которое трудно заключить в рамки уголовного закона, что, несомненно, порождает проблемы при его правовой оценке. Правильная и полная квалификация терроризма по Уголовному кодексу Российской Федерации возможна лишь при условии четкого уяснения правовой природы данного явления, решения проблем определения отдельных признаков состава террористического акта (ст.205 УК РФ), установления круга смежных с ним составов преступлений и отграничения его от них.

Настоящее монографическое исследование позволяет сделать следующие выводы и предложения теоретического и прикладного характера:

1. Ввиду сложности и многоаспектности феномена терроризма для того, чтобы уяснить правовую природу и определить понятие, его необходимо рассматривать в историко-этимологическом, общеправовом, уголовно-правовом, международно-правовом и криминологическом аспектах.

В историко-этимологическом аспекте терроризм следует разграничивать с террором, так как терроризм – это преступное явление, а террор – способ его реализации с помощью устрашения населения угрозой применения насилия.

Общеправовое определение понятия терроризма дано впервые в российском законодательстве было в ст.3 Федерального закона РФ от 25 июля 1998 года «О борьбе с терроризмом» и получило свое развитие в ст.3 Федерального закона РФ от 6 марта 2006 года «О противодействии терроризму». Примечательно, что понятие «террористический акт», определенное в ст.3 Федерального закона «О противодействии терроризму» пришло на смену уголовно-правовому понятию «терроризм», найдя буквальное отражение в диспозиции ст.205 УК РФ, криминализирующей наиболее распространенную форму проявления террористической деятельности.

Международно-правовое значение терроризм приобретает, если он характеризуется хотя бы одним из обстоятельств, при которых в той или иной мере затрагиваются интересы другой страны.

С позиций криминологии следует выделить такие неотъемлемые черты терроризма, как насилие или угроза его применения, элемент запугивания (устрашения), цель понуждения государства, общества, отдельных граждан к определенным действиям или отказу от них.

Сказанное позволяет сформулировать следующее уточненное определение понятия терроризма: «терроризм – это совершение или угроза совершения общественно опасных действий (бездействия), направленных на устрашение населения или отдельных социальных групп, в целях прямого или косвенного воздействия на принятие какого-либо решения или отказ

от него государством, обществом или гражданином в интересах террористов или третьих лиц».

2. При определении видов преступлений террористической направленности целесообразно придерживаться перечня, предложенного в ранее действовавшем Федеральном законе РФ «О борьбе с терроризмом», который не нуждается в излишнем расширении, так как включает в себя преступления, традиционно признаваемые международным сообществом частными формами терроризма, и, кроме того, позволяет относить к рассматриваемой группе и другие преступления при наличии террористической цели их совершения.

Однако сам этот перечень нуждается в корректировке путем исключения из него преступления, предусмотренного ст.208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем», и включения преступлений, предусмотренных ст.205¹ УК РФ «Содействие террористической деятельности», ст.205² УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма» и ст.211 УК РФ «Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава».

3. Непосредственным основным объектом террористического акта являются основы общественной безопасности, под которыми следует понимать одну из составляющих общественной безопасности как видового объекта преступлений, предусмотренных главой 24 УК РФ, не связанную ни с посягательством на общественный порядок, ни с нарушением специальных правил ведения различных работ или обращения с предметами, веществами и материалами общеопасного характера, представляющую собой совокупность общественных отношений, обеспечивающих базовые условия безопасного существования общества. Приведенное определение дает возможность четкого установления смысловых границ непосредственного основного объекта террористического акта и имеет существенное значение для его квалификации и «отмежевания» от иных составов преступлений.

4. Ст.205 УК РФ объединяет два основных состава преступления. Первый – материальный – характеризуется общественно опасным деянием в виде взрыва, поджога или иных действий; последствием, в качестве которого выступает опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий; причинной связью между ними. При уголовно-правовой оценке содеянного следует обращать внимание на то, что применение при совершении террористического акта взрывчатых веществ, взрывных устройств и боеприпасов, в зависимости от фактических обстоятельств дела, требует дополнительной квалификации по ст.ст. 222 УК РФ «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», 223 УК РФ «Незаконное изготовление оружия» или 226 УК РФ «Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных

устройств». Определение признака «значительный имущественный ущерб» может осуществляться на основе положений п.2 Примечания к ст.158 УК РФ, относящегося к преступлениям против собственности, но с оговоркой на то, что в статьях, предусматривающих ответственность за преступления против собственности, речь идет о причинении ущерба конкретному гражданину, а в ст.205 УК РФ он определяет посягательство на общественную безопасность и должен быть адекватен по характеру цели террористического акта и другим последствиям, предусмотренным ст.205 УК РФ.

Второй основной состав – формальный – характеризуется угрозой совершения указанных в диспозиции ст.205 УК РФ деяний. При этом для квалификации содеянного по данной статье не имеет значения, намеривались ли действительно террористы исполнить угрозу, и была ли у них реальная возможность к тому, достаточно самого факта высказывания угрозы, при условии, что оно вызвало опасение ее осуществления.

5. Субъективная сторона террористического акта характеризуется виной в виде прямого умысла (чаще всего заранее обдуманного) и специальной целью, в качестве которой выступает воздействие на принятие решений органами власти или международными организациями. Для квалификации террористического акта по ст.205 УК РФ точное определение цели имеет принципиальное значение, поскольку в случае ее неустановления содеянное следует квалифицировать в зависимости от фактически наступивших последствий по ст.105 УК РФ «Убийство», ст.167 УК РФ «Умышленные уничтожение или повреждение имущества» и др.

6. Террористический акт признается совершенным группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч.2 ст.205 УК РФ), если в нем в качестве соисполнителей участвовали два или более лица, обладающие всеми признаками субъекта данного преступления, которые предварительно договорились о совместном его совершении. В случае совершения террористического акта несколькими лицами, лишь одно из которых являлось исполнителем, деяние данного лица, при отсутствии других квалифицирующих признаков, необходимо квалифицировать по ч.1 ст.205 УК РФ, а деяния других соучастников по ч.1 ст.205 УК РФ со ссылкой на соответствующую часть ст.33 УК РФ, в зависимости от того, какую роль выполнял каждый из них (организатор, подстрекатель, пособник).

7. Применение огнестрельного оружия при совершении террористического акта (п. «в» ч.2 ст.205 УК РФ) означает использование его поражающих свойств для причинения вреда здоровью или уничтожения людей, как с реальными последствиями, так и при покушении на жизнь и здоровье людей, а также использование огнестрельного оружия в целях психического воздействия, когда оно только демонстрировалось (например, когда из него нецельно стреляли), но при этом создавалась опасность причинения вреда людям. Однако если огнестрельное оружие не приведено в годное для выстрела состояние, не находится в руках преступника, то говорить о его применении нет оснований.

Применение при террористическом акте огнестрельного оружия, при наличии к тому законных оснований и в зависимости от фактических обстоятельств дела, требует дополнительной квалификации по ст.ст. 222 УК РФ «Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», 223 УК РФ «Незаконное изготовление оружия» или 226 УК РФ «Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств».

8. Для квалификации террористического акта по ч.3 ст.205 УК РФ – как совершенного организованной группой, особое внимание следует обращать на такой ее важнейший признак как устойчивость.

При его установлении необходим учет в комплексе следующих обстоятельств характеризующих конкретную преступную группу: прежде всего, наличие организатора или руководителя; продолжительность существования; постоянство форм и методов преступной деятельности; стабильность состава; число совершенных преступлений (хотя, как и в случае с бандой, организованная группа может быть создана для совершения и одного, но требующего тщательной подготовки террористического акта); внутреннее единство группы, выражающееся в наличии тесных связей между ее членами, взаимных обязательств друг перед другом, в совпадении преступных намерений, подчинении общим принципам и нормам поведения, принятым в группе; планирование преступной деятельности; распределение ролей между соучастниками; подготовка орудий и средств совершения преступления; обеспечение заранее мер по сокрытию преступления.

9. При квалификации содеянного как террористического акта, повлекшего по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия (ч.3 ст.205 УК РФ), необходимо учитывать два момента:

1) вопрос об определении «иных тяжких последствий» должен решаться так же как и при толковании конструктивного признака основного состава террористического акта - «иные тяжкие последствия». То есть, несмотря на то, что данный признак носит оценочный характер, и в каждом конкретном случае вопрос о признании последствий тяжкими решается судом индивидуально, по своей опасности они должны быть сопоставимы с гибелью человека.

2) особенность субъективной стороны террористического акта в рассматриваемом случае состоит в том, что это преступление с двумя формами вины: прямой умысел по отношению к акту терроризма, и неосторожность в виде легкомыслия или небрежности по отношению к указанным в

ч.3 ст.205 УК РФ последствиям. Поэтому, если указанные последствия наступают не в результате неосторожного к ним отношения, а являются следствием прямого или косвенного умысла субъекта, то они находятся за рамками состава ст.205 УК РФ и содеянное должно квалифицироваться по совокупности с соответствующими статьями УК РФ (ст.ст. 105 УК РФ «Убийство», 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», 167 УК РФ «Умышленное уничтожение или повреждение имущества» и др.).

10. В случае, когда террористический акт сопряжен с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ (ч.3 ст.205 УК РФ), в зависимости от способа их получения действия террористов должны дополнительно квалифицироваться соответственно по ст.ст. 188 УК РФ «Контрабанда», 189 УК РФ «Незаконный экспорт или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники», 220 УК РФ «Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами», 221 УК РФ «Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ», 234 УК РФ «Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта».

11. Примечание к ст. 205 УК РФ, формально предусматривая специальный вид освобождения от уголовной ответственности, фактически дублирует норму о добровольном отказе от преступления. Однако освободить лицо от уголовной ответственности за приготовление к террористическому акту в связи с добровольным отказом невозможно, так как последний исключает уголовную ответственность за предварительную преступную деятельность. В связи с этим поощрительная норма в том виде, в котором она сформулирована в примечании к ст.205 УК РФ, не имеет практического значения.

12. К смежным с террористическим актом следует относить такие составы преступлений как: убийство, совершенное общеопасным способом (п. «е» ч.2 ст.105 УК РФ); воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (ст.149 УК РФ); вымогательство (ст.163 УК РФ); умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенные путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом (ч.2 ст.167 УК РФ); содействие террористи-

ческой деятельности (ст.2051 УК РФ); публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст.2052 УК РФ); захват заложника (ст.206 УК РФ); заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст.207 УК РФ); бандитизм (ст.209 УК РФ); угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст.211 УК РФ); пиратство (ст.227 УК РФ); уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст.243 УК РФ); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст.277 УК РФ); насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст.278 УК РФ); диверсия (ст.281 УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства с применением насилия или с угрозой его применения (п. «а» ч.2 ст.282 УК РФ); геноцид (ст.357 УК РФ); экоцид (ст.358 УК РФ); нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст.360 УК РФ).

13. Для оптимизации решения вопроса по отграничению террористического акта от смежных составов преступлений и избежания возможных ошибок при квалификации, представляется целесообразным, категоризировать данные составы по направленности на три категории:

- составы преступлений террористической направленности (содействие террористической деятельности (ст.205¹ УК РФ); публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст.205² УК РФ); захват заложника (ст.206 УК РФ); заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст.207 УК РФ); угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст.211 УК РФ); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст.277 УК РФ); нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст.360 УК РФ));

- составы экстремистской направленности (воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (ст.149 УК РФ); уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст.243 УК РФ); насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст.278 УК РФ); диверсия (ст.281 УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства с применением насилия или с угрозой его применения (п. «а» ч.2 ст.282 УК РФ); геноцид (ст.357 УК РФ));

- иные смежные с террористическим актом составы преступлений (убийство, совершенное общеопасным способом (п. «е» ч.2 ст.105 УК РФ);

вымогательство (ст.163 УК РФ); умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества совершенные путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом (ч.2 ст.167 УК РФ); бандитизм (ст.209 УК РФ); пиратство (ст.227 УК РФ); экоцид (ст.358 УК РФ)).

14. Отличительными чертами террористического акта от смежных с ним составов преступлений террористической и экстремистской направленности (наряду с другими) являются его объект – основы общественной безопасности, и специальная цель – воздействие на принятие решения органами власти или международными организациями. В свою очередь решение вопроса об отграничении террористического акта от категории иных смежных с ним составов преступлений является не менее важным и проблематичным, и возможно на основе детального анализа объективных и субъективных признаков разграничиваемых составов преступлений с одновременным применением правил о конкуренции уголовно-правовых норм.

15. Исследование показало, что уголовно-правовые нормы об ответственности за террористический акт, несмотря на неоднократное реформирование, все еще нуждаются в совершенствовании, в связи с чем представляется целесообразным внесение предложенных и аргументированных в работе изменений и дополнений в уголовное законодательство об ответственности за террористический акт.

Список использованной литературы

Нормативно-правовые акты и официальные документы

1. Конституция РФ. – М., 1993. – 64 с.
2. Уголовный кодекс РСФСР. – М., 1995. – 240 с.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 1 августа 2006 года). – М.: «Проспект», 2006. – 192 с.
4. Уголовный кодекс БССР. – Мн., 1990. – 167 с.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь (по состоянию на 1 мая 2004 года). – Мн.: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2004. – 214 с.
6. Уголовный кодекс Туркменистана (по состоянию на 1 февраля 2004 года). Ашхабад: Туркменистан, 2004. – 252 с.
7. Закон СССР «Об уголовной ответственности за блокирование транспортных коммуникаций и иные незаконные действия, посягающие на нормальную и безопасную работу транспорта» от 23 октября 1990 года // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1990, №44. Ст.84.
8. Закон РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 года // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1992, №15. Ст.769.
9. Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» от 14 марта 1995 года // Российская газета, 1995, 22 марта.
10. Федеральный закон «Об использовании атомной энергии» от 21 ноября 1995 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. №48. Ст.4552.
11. Федеральный закон «Об оружии» от 13 декабря 1996 года // Российская газета, 1996, 18 декабря.
12. Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» от 25 июля 1998 года (в редакции Федеральных законов от 07.08.2000 №122-ФЗ, от 21.11.2002 №144-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998, №31. Ст. 3808; там же. 2000, №33. Ст.3348; там же. 2002, №47. Ст.4634.
13. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 года // Российская газета, 2002, 29 июня.
14. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 // Российская газета, 2002, 30 июля.
15. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 // Российская газета, 2002, 30 июля.
16. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 // Российская газета, 2006, 10 марта.
17. Постановление №11 Пленума Верховного суда СССР от 5 сентября 1986 года «О судебной практике по делам о преступлениях против личной

собственности» // Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (РФ) по уголовным делам. – М: Спарк, 2004. С.277-282.

18. Постановление №1 Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 года «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда РФ, 1997, №3. С.2-4.

19. Постановление №1 Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года «О судебной практике по делам об убийстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ, 1999, №1. С.14-17.

20. Постановление №7 Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 года «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2000, №4. С.10-14.

21. Постановление №5 Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 года «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2002, №10. С.3-7.

22. Постановление №29 Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года «О судебной практике по делам о краже, грабеже, разбое» // Российская газета, 2003, 23 января.

23. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 сентября 2003 года №5-003-149 // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2003, №9. С. 12-13.

Монографии, учебники, учебные пособия, справочная и энциклопедическая литература

24. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М.: Стаут, 1999. – 712 с.

25. Антипов В.И. Уголовно-правовая борьба с посягательствами на общественную безопасность: Учебное пособие. – Киев: КВШ МВД СССР, 1987. – 88 с.

26. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М.: Издательство «Щит-М», 1998. – 306 с.

27. Белая книга Российских спецслужб. – М.: Информационно-издательское агентство «Обозреватель», 1996. – 272 с.

28. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. – М.: Издательство БЕК, 1997. – 827 с.

29. Бернгард А. Стратегия терроризма. – Варшава, 1978. – 158 с.

30. Благов Е.В. Квалификация преступлений (теория и практика). – Ярославль: Ярославский государственный университет, 2003. – 212 с.

31. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 1354 с.

32. Бояр-Созонович Т.С. Международный терроризм: политико-правовые аспекты. - Киев-Одесса: «Лыбидь», 1991. – 164 с.

33. Браинин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. – М., 1963. – 276 с.

34. Водько Н.П. Уголовно-правовая борьба с организованной пре-

- ступностью: научно-практическое пособие. – М.: Юриспруденция, 2000. – 79 с.
35. Военный энциклопедический словарь. – М.: Воениздат, 1984. – 962 с.
36. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика – М., 2001. – 338 с.
37. Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. – М.: Юридическая литература, 1974. – 128 с.
38. Гаухман Л.Д. Объект преступления. Лекция. – М.: Академия МВД РФ, 1992. – 46 с.
39. Гаухман Л.Д. Соучастие в преступлении по советскому законодательству (опыт сравнительного правоведения). Лекция. – М.: Академия МВД СССР, 1990. – 51 с.
40. Гаухман Л.Д. Субъективная сторона преступления (сравнительно-правовой аспект). Лекция. – М.: Академия МВД РФ, 1992. – 63 с.
41. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). Комментарий. – М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1997. – 31 с.
42. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовное законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации: Общий сравнительно-правовой комментарий. Сравнительная таблица Уголовных кодексов Республики Беларусь и Российской Федерации. Научно-практическое пособие. – М.: МИ МВД России, 1999. – 257 с.
43. Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1959. – 116 с.
44. Гришанин П.Ф. Вопросы общей части уголовного права социалистических государств. Учебное пособие. – М.: Академия МВД СССР, 1988. – 77 с.
45. Гришанин П.Ф., Владимиров В.А. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. Учебное пособие. – М.: ВШ МООП РСФСР, 1962. – 86 с.
46. Дагель П.С., Михеев Р.И. Установление субъективной стороны преступления (учебное пособие). – Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 1972. – 178 с.
47. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, Т.IV. – М., 1956. – 683 с.
48. Дипломатический словарь. – М.: Наука, 1986. – 739 с.
49. Емельянов В.П. Терроризм - как явление и как состав преступления. - Харьков: Право, 1999. – 272 с.
50. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования (уголовно-правовое исследование). - М.: NOTA BENE, 2000. – 320 с.
51. Емельянов В.П. Терроризм и преступления террористической направленности. – Харьков: Рубикон, 1997. – 176 с.
52. Ефимов М.А. Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. – Минск: Выс-

шая школа, 1971. – 86 с.

53. Загородников Н.И. Классификация преступлений и ее значение для деятельности органов внутренних дел. – М., 1983. – 68 с.

54. Законодательное обеспечение борьбы с терроризмом: предупреждение, ответственность, правовая помощь. Материалы международного «круглого стола» (16 июня 2003 г.). – М., 2004. – 72 с.

55. Замковский В., Ильчиков М. Терроризм – глобальная проблема современности. – М.: Институт международного права и экономики, 1996. – 80 с.

56. Иванов В.Д., Мазуков С.Х. Субъект преступления. - Ростов-на-Дону: Издательство «Булат», 1998. – 107 с.

57. Иванов В.Д., Мазуков С.Х. Субъективная сторона преступления. - Ростов-на-Дону: Издательство «Булат», 1999. – 147 с.

58. Иванов Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. – Саратов: Изд-во Саратовского Ун-та, 1991. – 164 с.

59. Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений: Учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 169 с.

60. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях // Автор-сост. О.В. Будницкий. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 576 с.

61. Кабанов П.А. Политический терроризм: Криминологическая характеристика и меры сдерживания. – Нижнекамск: НКФ МГЭИ, 1998. – 38 с.

62. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. – М.: НОРМА, 2003. – 144 с.

63. Карпец И.И. Международная преступность. - М.: Наука, 1988. – 112 с.

64. Карпец И.И. Преступления международного характера. – М., 1979. – 264 с.

65. Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. – М.: Юрид. лит., 1974. – 232 с.

66. Кириллов И.А. Уголовно-правовые меры борьбы с терроризмом. Лекция. – М.: Академия управления МВД России, 1999. – 48 с.

67. Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1991. – 153 с.

68. Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие преступления против безопасности общества. По новому УК РФ. – М.: «Кросна-Лекс», 1997. – 160 с.

69. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под общей ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. – М.: ИНФРА-М-НОРМА, 2002. – 870 с.

70. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно правовой охраны. – М.: Академия МВД СССР, 1980. – 248 с.

71. Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений. Учебное пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1976. – 64 с.

72. Коряковцев В.В., Питулько К.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – СПб.: Питер, 2004. – 816 с.
73. Краткий политический словарь. – М.: Политиздат, 1964. – 528 с.
74. Кривоченко Л.Н. Классификация преступлений. – Харьков, 1979. – 88 с.
75. Кровавый террор / Сост. В. Ставицкий. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 319 с.
76. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Юрист, 1999. – 304 с.
77. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления, - М.: Госюриздат, 1960. – 244 с.
78. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. – М.: Московский университет, 1984. – 184 с.
79. Лазарев А.М. Субъект преступления. Учебное пособие для студентов ВЗЮИ. – М.: ВЗЮИ, 1981. – 72 с.
80. Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве. – М., 1966. – 152 с.
81. Ляхов Е.Г. Политика терроризма – политика насилия и агрессии. – М.: Международные отношения, 1987. – 184 с.
82. Ляхов Е.Г. Проблемы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом. – М.: Международные отношения, 1979. – 168 с.
83. Ляхов Е.Г. Терроризм и межгосударственные отношения. – М.: Международные отношения, 1991. – 216 с.
84. Ляхов Е.Г., Попов А.В. Терроризм: национальный, региональный и международный контроль. Ростов-на-Дону, 1999. – 226 с.
85. Маршунов М.А. Комментарий к законам «Об оружии», «О частной детективной и охранной деятельности» (научно-практические рекомендации). – СПб: Издательский Торговый Дом «Герда», 1999. – 63 с.
86. Матышевский П.С. Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. – М.: Юрид. лит., 1964. – 160 с.
87. Международное уголовное право (И.П. Блищенко, Р.А. Каламкарян, И.И. Карпец и др.). – М., 1995. – 607 с.
88. Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. Монография. – СПб.: СПБИНВЭСЭП, Знание, 2000. – 274 с.
89. Михлин А.С. Новое в уголовном законодательстве: Учебное пособие. – М.: МГЭИ, 1996. – 156 с.
90. Моджорян Л.А. Терроризм на море. Борьба государств за безопасность морского судоходства. М.: Международные отношения, 1998. – 168 с.
91. Моджорян Л.А. Терроризм: правда и вымысел. – М.: Юридиздат, 1986. – 240 с.
92. Моторный И.Д. Криминалистическая взрывотехника: новое учение в криминалистике: Учебно-методическое и справочное пособие. – М.: Издатель Шумилова И.И., 2000. – 231 с.

93. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. – М.: БЕК, 1999. – 590 с.
94. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1960. – 230 с.
95. Овчинникова Г.В. Терроризм: Серия «современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе» / Научный редактор проф. Б.В. Волженкин. – СПб., 1998. – 76 с.
96. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз. 1984. – 924 с.
97. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1994. – 1253 с.
98. О практике борьбы с проявлениями терроризма и экстремизма в Российской Федерации. – М.: ВИПК МВД России, 2005. – 138 с.
99. Орешкина Т.Ю. Современный терроризм и борьба с ним. М., 1993. – 58 с.
100. Орлов В.С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1958. – 130 с.
101. Основы борьбы с организованной преступностью. Монография / Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблонова. – М.: «ИНФРА-М», 1996. – 400 с.
102. Павлинов А.В. Насильственный экстремизм. – М., 2004. – 258 с.
103. Панов В.П. Международное уголовное право: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 1997. – 320 с.
104. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. – М., 1961. – 666 с.
105. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. – М.: Издательство Московского коммерческого университета, 1993. – 934 с.
106. Правовое обеспечение противодействия терроризму: Справочное пособие / Автор-сост. А.Ю. Шумилов. – М.: Издатель Шумилова И.И., 1998. – 46 с.
107. Преступление и наказание. Комментарий к проекту Уголовного кодекса России / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и А.В. Наумова. – М., 1993. – 560 с.
108. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. Учебное пособие. – М.: ВИТ МВД СССР, 1970. – 107 с.
109. Рарог А.И. Вина и квалификация преступлений. – М.: ВЮЗИ, 1982. – 174 с.
110. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 304 с.
111. Рарог А.И. Общая теория вины в уголовном праве: Учебное пособие. – М.: ВЮЗИ, 1980. – 92 с.
112. Российское уголовное право. В двух томах. Том I. Общая часть / Под ред. проф. А.И. Рарога. – М.: Профобразование, 2003. – 600 с.

113. Российское уголовное право. В двух томах. Том II. Особенная часть / Под ред. проф. А.И. Рарога. – М.: Профобразование, 2003. – 904 с.
114. Российское уголовное право. Общая часть. / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Спарк, 1997. – 455 с.
115. Российское уголовное право. Особенная часть. / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Спарк, 1997. – 726 с.
116. Российское уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. М.П. Журавлева и С.И. Никулина. – М.: Спарк, 1998. – 570 с.
117. Салимов К.Н. Современные проблемы терроризма. – М.: издательство «Щит-М», 1999. – 216 с.
118. Словарь иностранных слов в русском языке. – М.: «Юнвес», 1996. – 1086 с.
119. Словарь иностранных слов. – М., 1987. – 606 с.
120. Словарь международного права. – М.: Международные отношения, 1986. – 863 с.
121. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – 1599 с.
122. Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1986. – 1630 с.
123. Статистический сборник. Состояние преступности в России за 2003 год. – М.: ГИЦ МВД России, 2004. – 23 с.
124. Тер-Акопов А.А. Новое в уголовном праве России Учебное пособие. – М.: МНЭПУ, 1995. – 112 с.
125. Тихий В.П. Квалификация преступлений против общественной безопасности: Учебное пособие. – Харьков: Харьковский юридический институт, 1981. – 172 с.
126. Трайнин А.Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. – М., 1956. – 350 с.
127. Трайнин А.Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон / Под общ. ред. Р.А. Руденко. – М.: Наука, 1969. – 454 с.
128. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. – М.: Госюриздат, 1957. – 363 с.
129. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – М.: Юристъ, 1999. – 480 с.
130. Уголовное право России. Особенная часть. / Под ред. А.И. Рарога. – М.: Триада Лтд. 1998. – 480 с.
131. Уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. Л.Д. Гаухмана и Л.М. Колодкина. – М.: МИ МВД России, 1997. – 357 с.
132. Уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. – М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 2000. – 585 с.
133. Уголовное право. Часть Общая. Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М.: Новый Юрист, 1997. – 592 с.
134. Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная. Учебник / Под общ. ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина и С.В. Максимова.- М.: Юрис-

пруденция, 1999. – 784 с.

135. Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. – М.: «Юрлитинформ», 2002. – 560 с.

136. Участие органов внутренних дел и внутренних войск МВД России в международном сотрудничестве. Сборник документов. Выпуск №3. / Под общ. ред. А.Н. Малиновского. – М.: Управление международного сотрудничества Главного управления правовой работы и внешних связей МВД России, 2000. – 206 с.

137. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка, Т.I. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1987. – 1480 с.

138. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка, Т.IV. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1987. – 1127 с.

139. Ханс-Петер Гассер. Запреты на акты террора в международном гуманитарном праве. – Международный комитет Красного Креста, 1994. – 45 с.

140. Шнайдер Г. Й. Криминология. – М.: «Прогресс»-«Универс», 1994. – 504 с.

141. Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. 1890. Том 65. – М.: «ТЕРРА»-«TERRA», 1993. – 856 с.

142. Эфиров С.А. Покушение на будущее. Логика и футурология «левого» экстремизма. - М., 1984.- 206 с.

143. Юридический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – 970 с.

Научные и научно-публицистические статьи

144. Аминов Д.И. О некоторых подходах к новым признакам организованных преступных групп в уголовном праве // Проблемы борьбы с организованной преступностью: Сборник. – М.: МИ МВД России, 1996. С. 150-152.

145. Антоненко В. Понятие терроризма (уголовно-правовой аспект) / Право Украины. 1999. №2. С.93-94.

146. Артамонов И. «Терроризм»: проблемы уголовной ответственности. // Уголовное право, 2002, №3. С.4-6.

147. Афанасьев Н.Н. Международные конвенции о борьбе с терроризмом // Закон и право, 2001, №5. С.4-5.

148. Беглова Н.С. Терроризм: поиск решения проблемы // США: Экономика, политика, идеология, 1991, №1. С.36-44.

149. Беляев С.С. О борьбе с международным терроризмом // Государство и право, 1998, №9. С.106-109.

150. Бланов Е.М. Квалификация преступлений при конкуренции части и целого // Уголовное право, 2003, №1. С.26-31.

151. Боголюбова Т. Борьба с терроризмом: уголовно-правовые проблемы

- // Уголовное право, 1999, №1. С.39-43.
152. Быков В. Виды преступных групп // Российская юстиция, 1997, №12. С. 19-20.
153. Вакуленко В.Ф., Гришанова С.А. Терроризм и бандитизм: к вопросу о соотношении составов // Закон и право, 2003, №7. С.7-8.
154. Васецов А. Закон РФ «Об оружии» и квалификация преступлений, совершенных с применением оружия // Российская юстиция, 2001, №2. С.35-37.
155. Ващенко Ю.В. Опыт борьбы с терроризмом за рубежом // Преступность и законодательство. – М.: Криминологическая Ассоциация, 1997. С.374-385.
156. Век террора // Сегодня, 2000, 13 марта.
157. Взрыв в метро // Российская газета, 2004. 7 февраля.
158. Взрывная волна докатилась до центра Москвы // Российская газета, 2003. 11 июля.
159. Гаухман Л.Д. Проблемы уголовно-правовой борьбы с терроризмом // Законность, 2001, №5. С.5-7.
160. Горбунов Ю.С. К вопросу о классификации терроризма // Московский журнал международного права, 1996, №1. С.54.
161. Денисов С.А. Уголовно-правовая характеристика терроризма // Вестник СПб Университета МВД России, 2000, №1(5). С.58-65.
162. Дикаев С.У. Общественная безопасность как основной объект уголовно-правовой охраны при терроризме // Следователь, 2003, №7. С.60-63.
163. Дикаев С.У. Теоретические проблемы установления смысловых границ в уголовно-правовом определении терроризма. // Уголовное право, 2004, №1. С.20-22.
164. Долгова А.И. Совершенствование уголовно-правовой основы борьбы с организованной преступностью, коррупцией и терроризмом // Проблемы правовой и криминологической культуры борьбы с преступностью. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002. С.106-112.
165. Емельянов В.П. Проблемы ответственности за международный терроризм // Государство и право, 2000, №1. С.70-77.
166. Емельянов В.П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с терроризмом // Государство и право, 2000, №3. С.84-91.
167. Емельянов В.П. Терроризм, бандитизм, диверсия: вопросы разграничения // Законность, 2000, №1. С.53-54.
168. Ермакова Л., Комарова М. Цель как признак терроризма // Уголовное право, 2002, №2. С.23-25.
169. Заявление против терроризма // Прокурорская и следственная практика, 1999, №3-4. С.45-48.
170. Зябкий А.И. Проблема юридической квалификации терроризма как международного правонарушения // Ученые записки юридического факультета. Выпуск 2. Актуальные проблемы юриспруденции в условиях становления правовой системы России. – СПб.: Санкт-Петербургский университет профсоюзов, 1997. С.87-91.

171. Имаков Т.З., Каримбеков А.Ж. Новый Уголовный кодекс России и вопросы совершенствования борьбы с терроризмом // Новый Уголовный кодекс Российской Федерации и вопросы совершенствования борьбы с преступностью: Материалы межвузовской научно-практической конференции. - Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 1997. С. 133-136.
172. Качмазов О. Уголовная ответственность за терроризм // Законность, 1998, №8. С.29-31.
173. Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ // Уголовное право: новые идеи / Под ред. С.Г. Келиной и А.В. Наумова. – М., 1994. С.50-60.
174. Киреев М.П. Криминологические и социально-психологические причины терроризма на воздушном транспорте: Материалы научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с организованной преступностью», Калининград, 1997. С.74-80.
175. Киреев М.П. Проблемы борьбы органов внутренних дел с актами терроризма // Терроризм: современные аспекты. Сборник научных статей. – М., 1999. С.3-15.
176. Киреев М.П. Уголовно-правовые основы борьбы органов безопасности и органов внутренних дел с террористической деятельностью // Новый Уголовный кодекс Российской Федерации и вопросы совершенствования борьбы с преступностью. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Челябинск, 1997. С.54-65.
177. Киреев М.П., Эфиров С.А. Исторические и современные взгляды на природу терроризма // Уголовная политика и проблемы безопасности государства. Труды Академии управления МВД России. – М., 1998. С.42-51.
178. Кириллов И. А. Проблемы современного терроризма в социально-правовом, криминологическом и уголовно-правовом аспектах // Профессional, 1999, №1. С.29-33.
179. Крылов Н.Б., Решетов Ю.А. Государственный терроризм - угроза международной безопасности // Советское государство и право, 1987, №2. С.78-84.
180. Кудяев А. Ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма // Следователь, 1999, №7. С.24-25.
181. Литвинов Н.Д. К вопросу о понятии и классификации терроризма // Проблемы укрепления законности, усиления борьбы с преступностью и профилактики правонарушений в современных условиях. Материалы научно-практической конференции. - Воронеж: ВНИИ МВД России. Администрация Воронежской области, 1996. С.93-96.
182. Ляхов А.Г. Преступления против безопасности международной гражданской авиации и советское уголовное законодательство // Советское государство и право, 1989, №7. С.124-128.
183. Мальцев В.В. Ответственность за терроризм // Российская юстиция, 1997, №11. С.35-36.
184. Мальцев В.В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулиро-

- вания // Государство и право, 1998, №8. С.104-107.
185. Манько А. Из истории терроризма в России // Российская Федерация, 1995, №15. С.38-40.
186. Миньковский Г.М., Ревин В.П. Совершенствование концепции борьбы с терроризмом в современных условиях // Уголовная политика и проблемы безопасности государства: Труды Академии управления МВД России. – М., 1998. С.52-68.
187. Миньковский Г.М., Ревин В.П. Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним. // Государство и право, 1997, №8. С.84-91.
188. Моджорян Л.А. К вопросу о сотрудничестве государств в борьбе с международным терроризмом // Советское государство и право, 1990, №3. С. 122.
189. Моджорян Л.А. Терроризм и национально-освободительные движения // Государство и право, 1998, №3. С.82-87.
190. Новикова Г. Сильная стратегия слабых // Власть, 1999, №12. С.55-59.
191. Одесский М.П., Фельдман Д.М. Террор как идеологема (к истории развития) // Общественные науки и современность, 1994, №6. С.155-166.
192. Павлик М.Ю. Понятие преступлений террористической направленности (конвенционные) // Судебная реформа и эффективность деятельности органов суда, прокуратуры и следствия: Научно-практическая конференция молодых ученых. Тезисы выступлений. - СПб., 1998. С.67-69.
193. Петрищев В.Е. Антитеррористическое законодательство за рубежом // Современный терроризм: состояние и перспективы / Под ред. Е.И. Степанова. – М.: Эдиторал УРСС, 2000. С.217-234.
194. Петрищев В.Е. Правовые и социально-политические проблемы борьбы с терроризмом // Государство и право, 1998, №3. С.88-93.
195. Петрищев В.Е. Проблемы профилактики терроризма в России // Преступность: стратегия борьбы. Под ред. А.И. Долговой. – М.: Криминологическая Ассоциация, 1997. С.83-90.
196. Петрищев В.Е. Терроризм как общегосударственная проблема // Духовность. Правопорядок. Преступность: материалы научно-практической конференции 28 марта 1996 г. – М., 1996. С.77-83.
197. Петрищев В.Е. Российское законодательство: профилактика терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы / Под ред. Е.И. Степанова. – М., 2000. С.200-216.
198. Побегайло Э.Ф. Терроризм и уголовная ответственность // Актуальные проблемы Европы. Проблемы терроризма. Проблемно-тематический сборник. М., 1997, №4. С.198-203.
199. Позднышов А.Н. К вопросу о понятии общественной безопасности // Юрист правовед: научно-теоретический и информационно-методический журнал РЮИ МВД России, 2003, №2(7). С.76-77.
200. Пфаль-Траугзер А. Правый терроризм в ФРГ // Актуальные проблемы Европы. Проблемы терроризма. Проблемно-тематический сборник, 1997, № 4. С.130-135.

201. Ревин В.П. Международный терроризм: актуальные проблемы совершенствования международного сотрудничества // Антитеррор, 2002, №1. С.35-38.
202. Рябчук В.Н. Уголовный кодекс Российской Федерации о борьбе с терроризмом // Актуальные проблемы борьбы ФСБ России и МВД России с терроризмом, организованной преступностью и коррупцией в современных условиях. – М., 1997. С.214-218.
203. Савелий М. Применение оружия: что нужно знать, чтобы применять? // Профessional, 1998, №4. С.18-31.
204. Сальников В.П. Российское законодательство в сфере борьбы с терроризмом и проблемы его применения // Законодательство и законотворчество, 2006, №5. С.18-20.
205. Сидорин В. Телефонные террористы кладут город на лопатки // Российские вести, 2003, 15-21 декабря.
206. Сумин А. Вопросы борьбы с терроризмом // Законность, 1999, №11. С.2-5.
207. Террор – это способ управления обществом: Беседа В. Чумакова с Д. Фельдманом // Правозащитник, 1999, №4. С.32-37.
208. Террор под микроскопом // Российская газета. 2004. 29 января.
209. Терроризм в современном капиталистическом обществе. Реферативный сборник. Выпуск 2. ИНИОН АН СССР. – М., 1981. С.75.
210. Терроризм: психологические корни и правовые оценки. «Круглый стол» // Государство и право, 1995, №4. С.20-43.
211. Тихомиров А. Пресечение актов терроризма в современных условиях: некоторые проблемы деятельности ОВД и ВВ МВД России // Профessional, 1998, №4. С.13-15.
212. Трунцевский Ю. Общая характеристика составов преступлений, сопряженных со ст.146 УК РФ в аудиовизуальной сфере // Уголовное право, 2002, №1. С.47-50.
213. Устинов В.В. Государственная антитеррористическая стратегия: общая концепция и правовые аспекты // Государство и право, 2003, №3. С.5-18.
214. Устинов В.В. Правовое регулирование и механизмы противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации: действующая нормативно-правовая база и перспективы ее совершенствования // Государство и право, 2002, №7. С.27-36.
215. Устинов В.В. Экстремизм и терроризм: проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция, 2002, №5. С.34-37.
216. Федянин В.Ю. Проблемы выработки универсального определения терроризма // Московский журнал международного права, 1998, №1. С. 12-27.
217. Франциферов Ю. Терроризм вчера и сегодня // Правозащитник, 2000, №4. С.27-31.
218. Франциферов Ю.В. Терроризм – преступление против общественной безопасности // История государства и права, 2000, №1. С.41-43.

219. Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. – Свердловск, 1969. С.210-216.
220. Хлебников И. Терроризм в современном мире // Юридическая газета, 1998, №21. С.3.
221. Хлобустов О. О международно-правовых основах борьбы с терроризмом // Власть, 2000, №1. С.46-51.
222. Хлобустов О. Терроризм – вне закона! // Юридическая газета, 1998, №27. С.3.
223. Цой Л.Н. Новый взгляд на борьбу с терроризмом или с террористом? (размышления социолога) // Терроризм: современные аспекты. Сборник научных статей. – М.: Академия управления МВД России, Институт социологии РАН, 1999. С.45-54.
224. Чуфаровский Ю.В. Психологический анализ социально-политической природы терроризма // Следователь, 2000, №4. С.51-54.
225. Чуфаровский Ю.В. Терроризм – глобальная опасность // Российская Федерация, 1996, №8. С.48-54.
226. Чухвичев Д.В. Терроризм: история и современность // Труды Московской государственной юридической академии, №1. – М.: Юрист, 1997. С.112-122.
227. Шутемова Т.В. К вопросу о доказывании устойчивости банды // Следователь, 1998, №5. С.7-9.
228. Энтим М.Л. Сотрудничество в борьбе с терроризмом // Советский ежегодник международного права, 1988. С.119-127.

Диссертации и авторефераты

229. Байрак Г.Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с терроризмом. Дисс. канд. юрид. наук. – Краснодар, 2003. – 222 с.
230. Безрук А.Н. Борьба с заведомо ложными сообщениями об акте терроризма. Дисс. канд. юрид. наук. – Ростов на Дону, 2000. – 189 с.
231. Витюк В.В. Социальная сущность и идейно-политические концепции современного левого терроризма: Автореф. дис. док. филос. наук. – М., 1985. – 22 с.
232. Гринько С.Д. Борьба с терроризмом и захватом заложника (уголовно-правовые и криминологические проблемы): Автореф. канд. дисс. - Ростов-на-Дону, 1998. – 18 с.
233. Демчук С.Д. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма: криминологические и уголовно-правовые аспекты. Автореф. канд. дисс. – СПб.: Университет МВД России, 2002. – 25 с.
234. Дерюгина Ю.Н. Терроризм: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Дисс. канд. юрид. наук. - М.: Московский институт МВД РФ, 2001. – 252 с.
235. Допилка С.О. Уголовная ответственность за терроризм и пиратство на море. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Киев, 1993. – 23 с.

236. Емельянов В.П. Уголовная ответственность за терроризм и преступления с признаками терроризирования. Дисс. д-ра юрид. наук. - М., 2001. – 370 с.
237. Комиссаров В.С. Преступления, нарушающие общие правила безопасности (понятие, система, общая характеристика): Автореф. докт. дисс. – М., 1997. – 46 с.
238. Костров Г.К. Уголовно-правовое значение угрозы: Автореф. канд. дисс. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1970. – 20 с.
239. Назаркин М.В. Криминологическая характеристика и предупреждение терроризма: Дисс. канд. юрид. наук. - М.: Академия управления МВД России, 1998. – 197 с.
240. Осипов В.А. Захват заложника: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Автореф. канд. дисс. – М.: МИ МВД России, 1999. – 23 с.
241. Помазан С.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия терроризму: Дисс. канд. юрид. наук. - М.: Академия управления МВД России, 2001. – 197 с.
242. Попович О.М. Криминологическая характеристика групповых корыстно-насильственных преступлений и их предупреждение органами внутренних дел. Автореф. канд. дисс. - М., 2000. – 25 с.
243. Салимов К.Н. Современные проблемы терроризма: Автореф. дисс. докт. юрид. наук. – М.: ВНИИ МВД России, 1999. – 52 с.
244. Семенов С.А. Специальный субъект преступления в уголовном праве: Автореф. канд. дисс. - М.: Академия управления МВД РФ, 1999. – 24 с.
245. Стерехов Н.В. Ответственность за угрозу по советскому уголовному праву (вопросы теории и практики): Автореф. канд. дисс. – Свердловск; Свердловский юридический институт, 1972. – 19 с.
246. Тихий В.П. Проблемы уголовно-правовой охраны общественной безопасности (Понятие и система преступлений, совершенствование законодательства): Автореф. докт. дисс. – Харьков, 1987. – 23 с.

Зарубежная литература

247. Connor M. Terrorism: its goal, its targets, its methods. The solutions. – Boulder, Colorado, 1987. P.5.
248. International Law Association. Report to the 56-th Conference. - New Delhi, 1974. P.163.
249. International Terrorism and World Security. - L., 1975. P. 14.
250. Long D. The anatomy of terrorism. N.Y., 1990. P.9.
251. Roberts A. Terrorism and international order // Terrorism and international order. - Routledge: Roy. Inst. Of intern, affairs, 1988. P.34.
252. Segeler S. Unvisible armies: Terrorism into the 1990 th.- Joseph, 1986, Vol. VII. P.11-15.
253. Sender J. Le Terrorisme. - P.,1987. P.5.
254. Waugh W.L. International terrorism: How nations respond to terrorists // Salisbury: Doc. pub/1982, Vol. VIII. P.27.
255. Yuide for Combating International Terrorism. OIPC. Interpol. №373/2,

1986. P.2.

Приложение 1.

**Отграничение террористического акта (ст.205 УК РФ)
от смежных составов преступлений террористической направленности**

<p align="center">ОТГРАНИЧЕНИЕ</p> <p align="center">СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ</p>	По объекту				По объективной стороне			По субъекту	По субъективной стороне
	Непосредственный основной	Непосредственный дополнительный	Предмет	Потерпевший	Общественно опасное деяние	Общественно опасные последствия	Способ	Возраст уголовной ответственности	Цель
Содействие террористической деятельности (ст.205 ¹ УК РФ)		+				+	+	+	
Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст.205 ² УК РФ)		+				+	+	+	
Захват заложника (ст.206 УК РФ)		+				+			+
Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст.207 УК РФ)					+	+	+		+
Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст.211 УК РФ)			+			+		+	+
Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст.277 УК РФ)	+			+	+		+	+	+
Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст.360 УК РФ)	+			+	+		+	+	+

Приложение 2.

Отграничение террористического акта (ст.205 УК РФ) от смежных составов преступлений экстремистской направленности

<div style="display: flex; justify-content: space-between;"> <div style="width: 45%;">ОТГРАНИЧЕНИЕ</div> <div style="width: 55%;">СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ</div> </div>	По объекту			По объективной стороне			По субъекту		По субъективной стороне
	Непосредственный основной	Непосредственный дополнительный	Предмет	Общественно опасное деяние	Общественно опасные последствия	Способ	Возраст уголовной ответственности	Специальные признаки	Цель
Воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (ст.149 УК РФ)	+	+			+	+	+	+	+
Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст.243 УК РФ)	+		+	+			+		+
Насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст.278 УК РФ)	+	+			+	+	+		+
Диверсия (ст.281 УК РФ)	+		+				+		+
Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства с применением насилия или с угрозой его применения (п. «а» ч.2 ст.282 УК РФ)	+	+			+		+		+
Геноцид (ст.357 УК РФ)	+	+		+			+		+

Приложение 3.

**Отграничение террористического акта (ст.205 УК РФ)
от иных смежных составов преступлений**

ОТГРАНИЧЕНИЕ СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	По объекту			По объективной стороне				По субъекту	По субъективной стороне	
	Непосредственный основной	Непосредственный дополнительный	Потерпевший	Общественно опасное деяние	Общественно опасные последствия	Способ	Место	Возраст уголовной ответственности	Форма и вид вины	Цель
Убийство, совершенное общеопасным способом (п. «е» ч.2 ст.105 УК РФ)	+	+			+					+
Вымогательство (ст.163 УК РФ)	+			+	+	+				+
Умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества совершенные путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом (ч.2 ст.167 УК РФ)	+								+	+
Бандитизм (ст.209 УК РФ)			+	+	+			+		+
Пиратство (ст.227 УК РФ)				+	+		+	+		+
Экоцид (ст.358 УК РФ)	+	+			+			+		+

Монография

кандидат юридических наук

Сопов Дмитрий Викторович

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА И ЕГО ОТГРАНИЧЕНИЕ
ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Свидетельство о государственной аккредитации

Рег. № 0543 от 15.03.02 г.

Подписано в печать _____ г. Гарнитура Таймс.

Формат 60x90¹/₁₆. Бумага кн.-журн. Печать ризография.

Усл.изд.л. - _____. Тираж _____. Заказ № _____.

Орловский юридический институт МВД РФ.

302027, Орел, Игнатова, 2.